

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГРУЗИЯ 9

1981

335

181

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

10.5
1981
06.10.57 №10
30230101035

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

Издается с июня 1957 года

СОДЕРЖАНИЕ

218

«ВЕРЮ В ТОРЖЕСТВО ДОБРА». Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Эдуард ШЕВАРДНАДЗЕ отвечает на вопросы корреспондента «Московских новостей». 3

ПОЭЗИЯ

ГИВИ ГЕГЕЧКОРИ. Стихи. Перевод Юнны Мориц 11

АЛЛА АХУНДОВА. Стихи. Вступительное слово Льва Озерова 87

ПРОЗА

РЕВАЗ МИШВЕЛАДЗЕ. Новеллы. Перевод Лианы Татишвили 25

САФО МГЕЛАДЗЕ. Лиана Лордиа. Повесть. Перевод Изольды Чхартишвили. Вступительное слово Георгия Натрошвили . . . 94

К 200-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА

ЦЕЦИЛИЯ КАЛАНДАДЗЕ. Обращаясь к истокам. Грузины в культурной и общественной жизни России в первой половине XIX века . . . 119

9

1981

РЕЦЕНЗИИ

- Л. ДОЛИДЗЕ. «В кольцо весны, в кольцо надежды» 149
- СЕРГЕЙ БИРЮКОВ. Под парусами романтизма . 155
- ИГОРЬ БОГОМОЛОВ. Исследуя литературные
взаимосвязи двух братских народов . . . 159

ОЧЕРК

- ПААТА НАЦВЛИШВИЛИ. «И да создаст он словарь», или выигранная битва. Перевод Тамары Папалашвили 164

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- ВАЛЕНТИНА БАЛУАШВИЛИ. «Будто грузин, не могу без Тифлиса». Грузия в жизни и творчестве Василия Каменского 179

НАУКА

- ДЖУАНШЕР ВАТЕИШВИЛИ. Никифор Ирбах — автор первопечатного грузинского перевода. К 350-летию грузинского книгопечатания . . . 194

- ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА 221

- ХРОНИКА 222

«ВЕРЮ В ТОРЖЕСТВО ДОБРА»

19.9.74

**КАНДИДАТ В ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС,
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КОМПАРТИИ ГРУЗИИ
ЭДУАРД ШЕВАРДНАДЗЕ
ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА
«МОСКОВСКИХ НОВОСТЕЙ»**

— Классовый подход коммунистов к вопросам морали противники нередко истолковывают как отрицание нравственности вообще. Коммунисты, мол, готовы оправдать все, что так или иначе на пользу их делу, по принципу «цель оправдывает средства». Хотелось бы знать Ваше мнение по этому поводу.

— Действительно, наши, коммунистические моральные категории существенно отличаются от принятых в буржуазном обществе. Мы считаем безнравственными эксплуатацию чужого труда, социальное, расовое и национальное неравенство, спекуляцию и ростовщичество, недобросовестную рекламу и многое другое из того, что в капиталистических государствах — повседневная норма. В этом, кстати, и проявляется классовый характер морали. Любой морали, несмотря на наличие в каждой из них общечеловеческих черт.

Высшая цель коммунистов — благо народа, повышение уровня его жизни, свободное и гармоничное развитие каждого члена общества. Нет и не может быть более высоконравственной цели. Разумеется, идти к ней нельзя, пользуясь безнравственными средствами, которые неизбежно причиняют ущерб формированию высоких моральных качеств личности. Это наш незыблемый принцип. И всякий, кто его нарушает, т. е. преследует иные цели или прибегает к безнравственным средствам, ставит себя вне Коммунистической партии. К таким

людям мы совершенно непримиримы. Притом даже тогда, когда они на каком-то узком участке временно добиваются неплохих результатов. Мы исходим из того, что моральные издержки от безнравственных действий не могут быть компенсированы никакими хозяйственными достижениями и в конечном счете приводят и к экономическим потерям.

— Идеальных людей нет, у каждого есть недостатки. Какие нравственные качества, с Вашей точки зрения, необходимы коммунисту и с какими недостатками нельзя мириться? Особенно — применительно к коммунисту-руководителю?

— Все люди — разные. Но есть качества, которыми должен обладать каждый коммунист, тем более руководитель. Я имею в виду преданность идеалам коммунизма, честность, умение по-доброму и чутко относиться к людям, высокую требовательность к себе и другим, профессиональную компетентность, организаторские способности... Коммунист обязан быть, как у нас говорят, государственным человеком, политическим деятелем, то есть знать и доносить до окружающих цель и смысл политики партии и Советского государства, всегда ставить общенародные интересы выше местных и тем более личных.

Надеюсь, понятно, что коммунистическая мораль требует от человека доброты, трудолюбия, верности, готовности прийти на помощь...

— Но некоторые из перечисленных Вами качеств совпадают с Библией...

— В этом нет ничего удивительного. Ничто не рождается из ничего, сама религиозная мораль — это лишь этап, пусть важный, в истории нравственности. Есть в ней и вечные общечеловеческие ценности, и то, что на руку лишь господствующим классам. И коммунистическая нравственность родилась не на пустом месте. Она вобрала в себя все лучшее, что выработано человечеством. Естественно, мы не отказались от общечеловеческих ценностей. Но коммунисты развили и дополнили их, обогатив мораль такими, например, понятиями: активная жизненная позиция, добросовестный труд на благо общества, товарищеская взаимопомощь, советский патриотизм, социалистический интернационализм.

— И все-таки, как мы уже говорили, идеальных людей нет. А если их недостатки становятся нетерпимыми?

— Вы знаете, что за последние 8—9 лет у нас в публике значительно обновилось руководство на всех уровнях. В каждом конкретном случае на это были свои причины. Всякий раз коммунисты лишали доверия бывшего руководителя за то, что он не проявил в достаточной мере упомянутых выше качеств. Чаще всего, пожалуй, компетентности к людям, настоящей заботы об общественном благе.

Есть еще ряд качеств, значение которых стремительно возрастает: инициатива, самостоятельность, умение творчески мыслить, разумно рисковать и брать на себя ответственность. Без этого сегодня не обойтись. Многие наши трудности как раз и вызваны тем, что отдельные местные партийные, советские и хозяйственные руководители сами не привыкли так работать и не могут этому научить других.

Советская централизованная плановая система предполагает строгую плановую дисциплину и вместе с тем — широкую инициативу на всех уровнях. Без нее осуществление правильных в принципе решений вырождается в ошибки.

Только призывов к самостоятельности мало. Одно из главных направлений нашей работы — воспитание в людях этого качества и решительная поддержка каждого ценного начинания. У партийного работника нелегкая жизнь. По себе знаю: бывают ситуации, казалось бы, безвыходные. И всякий раз в такие минуты мне помогали ободряющие, добрые слова Л. И. Брежнева и других руководителей нашей партии.

— Вы неоднократно подчеркивали взаимозависимость идейно-нравственного воспитания, морального климата и социально-экономических результатов. Не могли бы Вы раскрыть механизм этой взаимозависимости на примере Грузии?

— Пять лет назад, на XXV съезде Компартии Грузии, мы вынуждены были констатировать серьезное отставание республики от среднесоюзных показателей. Например, выработка на каждого занятого в народном хозяйстве была у нас почти на треть ниже, чем в среднем по Союзу. Отставала республика и по эффективности использования техники, и по уровню заработной платы, и по размаху жилищного строительства... Подчеркиваю: речь шла об отставании не от ведущих индустриальных районов страны, а именно от среднесоюзных показателей. Никаких объективных причин для этого не было. Неважные социально-экономические результаты отражали слабость воспитательной работы, серьезные нарушения принципов социалистического хозяйствования. Получалось нечто похожее на порочный круг: социально-экономическое развитие в 60-х и в начале 70-х годов замедлилось из-за того, что в Грузии сложился во многом неблагоприятный моральный климат; а такое настроение людей вызывалось тем, что они перестали ясно видеть, ради чего работают, поскольку тогдашние темпы социально-экономического развития республики не позволяли удовлетворять ряд их насущных нужд.

За последние пять лет отставание Грузии сократилось примерно вдвое. В наступившем десятилетии оно будет в основном преодолено.

Вероятно, главная движущая сила этого поворота к лучшему — изменение морального климата, восстановление престижа истинных нравственных ценностей социализма. Прежде всего — добросовестного труда на общее благо, доверия

друг к другу, уважения к творчески мыслящим, инициативным людям. Это позволило выявить и пустить в дело огромные внутренние резервы, до которых прежде не доходили руки.

Характерный пример — Махарадзевский район нашей республики.

Там по примеру другого района — Абашского — создано районное сельскохозяйственное объединение, вобравшее в себя колхозы, совхозы, перерабатывающие предприятия, технические и снабженческие службы и строительные организации, которые подчинялись прежде разным ведомствам и часто работали несогласованно.

Что это дало? Прямую заинтересованность всех работников и организаций, так или иначе связанных с сельским хозяйством, в конечных результатах, т. е. в количестве и качестве готовой продукции. Это резко повысило эффективность районного агропромышленного комплекса. Государство стало получать значительно больше чая, цитрусовых и других продуктов. Выросла и прибыль входящих в объединение предприятий, повысились заработки. Из части сверхплановой прибыли был образован централизованный фонд (пять миллионов рублей). На эти средства, не требуя государственных капитальных вложений, махарадзецы построили цех, который по разработанной ими же технологии выпускает прекрасный тонизирующий напиток из отходов чая — «Бахмаро», уже пользующийся огромным спросом и дающий прибыль. Теперь на очереди — солидное расширение этого производства. Опять же без государственных инвестиций.

В Махарадзе сумели наладить и собственное производство многих строительных материалов, которых прежде остро не хватало. Похожие резервы есть в каждом районе. Мы побуждаем людей искать их и использовать, не копируя слепо опыт соседей, а трезво учитывая особенности местных условий.

— Давайте проанализируем пример Абашского района, в котором я только что побывал. Там со сменой руководства — она произошла в 1973 году — случились радикальные перемены: из вечно отстававшего район превратился в передовой в республике и во всем Союзе, урожайность основной местной культуры — кукурузы поднялась в пять раз. Абаша, которая прежде фигурировала лишь в качестве отрицательного примера, стала полигоном экономических экспериментов всесоюзного значения. Как это произошло?

— До 1973 года абашцы собирали с гектара по 10—12 центнеров кукурузы. Колхозник получал за работу в общественном хозяйстве по 10—15 рублей в месяц и по 1—2 центнера кукурузы в год. Этого мало, чтобы просто прокормить семью. Главным занятием для многих стал труд на собственном приусадебном участке, овощи с которого ездили продавать порой за сотни километров от родных мест. Получалось то, о чем я уже говорил: люди плохо работали,

потому что мало за это получали, и мало получали, так как плохо работали.

Гураму Мгеладзе, которого коммунисты района по предложению ЦК Компартии Грузии выбрали первым секретарем райкома, надо было разорвать этот порочный круг. Предстояло не только изменить хозяйственную политику, но и заставить людей поверить в серьезность намерений нового руководства.

— Как удалось это сделать?

— Здесь надо помнить две особенности Абаши. Для местного крестьянина кукуруза в доме — важный критерий благосостояния. Из нее любят печь хлеб — мчади, ею кормят домашнюю птицу и частично скот. А возделывали кукурузу мотыгой. Считалось, что на знойных, переувлажненных и заболоченных равнинах техника неприменима. Стало быть, на первых порах надо было поднять людей на нелегкий ручной труд. Привычные методы материального стимулирования тут не годились. Абашцы предложили новый: собрав плановый урожай, крестьянин получал десятую его часть натурой. Плюс 70 процентов зерна, собранного сверх плана.

— Не каждому читателю, вероятно, будет понятно, в чем здесь новизна.

— Дело не только в повышенных размерах оплаты, но и в том, что платят не деньгами, а натурой, т. е. початками кукурузы. Платить натурой наши колхозы перестали давно и, по-моему, напрасно. Деньги можно заработать и в городе на заводе. Притом в среднем больше, чем на селе. Оплата (хотя бы частично) зерном, овощами и т. п. весьма удобна крестьянину, она освобождает его от целого ряда лишних забот. Вот в Абаше и применили ее.

Несложный расчет показывает, что такая система выгодна и государству. При плане 18 центнеров с гектара даже за вычетом того, что причиталось крестьянину, оставалось значительно больше, чем собирали в Абаше в прошлом. В первый же год получили по 27 центнеров с гектара, сегодня получают по 50. При этом ручной труд полностью заменен машинами. Конечно, и система оплаты стала другой. Плановая урожайность — 40 центнеров с гектара. Собрав столько, механизатор получает четыре тонны зерна. Собрав вдвое больше — десять тонн. Три механизатора обрабатывают 100 гектаров.

— Однако у этой системы, делом доказавшей свои преимущества, как я слышал, были и противники?

— Возражали против новшества люди, которых отпугивают любые решительные перемены. По их логике получается, что принципам социализма противоречит не отсталая и бесперспективная старая Абаша, а процветающая новая. Их смущают непомерно высокие, по их мнению, доходы крестьян.

Это опасное заблуждение. Я считаю так: добросовестный общественно полезный труд должен морально и материально поощряться в полной мере. Интересы каждого работника общества в целом тут идеально совпадают. Результаты убеждают. На каждую тонну зерна, поступающую в распоряжение абашского механизатора, он дает государству минимум 30 тонн.

— В некоторых сельских районах я обратил внимание на довольно широкое распространение такой инициативы. Люди получают от общественного хозяйства поросят, телят, кур, откармливают их и за привес получают при сдаче установленную договором плату. При этом частью кормов их обеспечивают сами хозяйства. Как Вы оцениваете это начинание?

— Считаю его полезным во всех отношениях. Оно помогает быстро увеличить производство мяса при минимальных затратах государственных средств. Позволяет добиться самообеспеченности продуктами животноводства в районах, куда их прежде приходилось завозить. Увеличивает доходы граждан, превращает многих из них из покупателей в поставщиков мяса в торговую сеть. Уверен, что при широком распространении (разумеется, с учетом конкретных местных условий) и при должной организации дела эта форма способна сыграть важную роль в осуществлении продовольственной программы, которая разрабатывается по решению XXVI съезда КПСС.

Строим мы, конечно, и крупные животноводческие комплексы с индустриальной технологией. Это главный путь, но требующий времени и больших средств. А рассматриваемый способ дает ощутимый результат в течение года, почти не требуя капиталовложений. Не использовать такое подспорье, базирующееся в решающей степени на местных ресурсах, было бы непростительно.

— Компартия Грузии в последние годы резко активизировала борьбу против целого ряда негативных явлений. Не в последнюю очередь — против частнособственнической психологии. Сами Вы очень остро ставите вопрос: тот, кто стремится получить больше, чем заработал, грабит других. Оправданна ли такая бескомпромиссность?

— Оправданна и необходима. Труд граждан — единственный источник нашего общественного богатства. По социалистическому принципу каждый получает блага в соответствии с общественной ценностью своего труда. Если кто-то берет больше, чем дает, значит, кто-то другой недополучает честно заработанное. Такова простая и неопровержимая логика.

Еще раз подчеркну: речь идет не о людях, которые зарабатывают много (их мы только приветствуем), а о тех, кто так или иначе присваивает результаты чужого труда.

— Что Вы считаете главным в этой борьбе — наказание виновных или утверждение позитивного примера?

— Хотя главное, конечно, второе, замечу, что преобладание негативных явлений и утверждение позитивного примера — это единый процесс. Как утвердить принципы нашего образа жизни, если мириться с их вопиющими нарушениями?

— Лег десять назад мне уже приходилось встречаться в Грузии с секретарями райкомов партии. Так что можно сравнить те впечатления с новыми. Меньше стало красивых слов, меньше ссылок на неблагоприятные обстоятельства, больше интеллигентности, простоты, скромности... И еще мне показалось, что у Мауки Асланикашвили (Зестафони), Авсера Бурджанадзе (Тержола), Александра Кобаидзе (Телави), Нугзара Рухадзе (Кутаиси), Александра Барисашвили (Мцхета) совсем нет свободного времени. Круг их забот непомерно широк. Он включает массу дел, которыми в принципе должны заниматься не столько партийные, сколько советские и хозяйственные работники.

— Согласен, что руководителям районных партийных организаций приходится чрезмерно много работать. Притом подчас работать за других. Но что поделать? Они в ответе за все, что происходит в их районах. Они проводят в жизнь те перемены, о которых мы говорили, наверстывают упущенное в прошлом время. В такие периоды партийные органы могут и должны глубоко вникать во все процессы. Чем скорее они вовлекут в работу по-новому других, в том числе хозяйственников, тем лучше будет для всех.

— У качества работы, продукции есть не только экономический, но и нравственный аспект. Какой, на Ваш взгляд, важнее?

— Думаю, что не стоит противопоставлять одно другому. Плохая работа или продукция — это и экономические, и нравственные потери. Изделия низкого качества не нужны никому — ни Грузии, ни братским республикам, ни внешне-торговым партнерам. Делая их, мы понапрасну тратим время, сырье, материалы, понапрасну загружаем оборудование, обманываем ожидания людей и даже фактически сокращаем их семейный бюджет. Пять лет назад каждое четвертое из выпускавшихся в республике изделий массового потребления было неудовлетворительного качества. Сегодня дела обстоят несравненно лучше, но до идеала далеко.

— Великий Руставели еще восемь веков назад сказал: «Зло мгновенно в этом мире, неизбежна доброта». Разделяете ли Вы это убеждение?

— Полностью разделяю. Верю в победу добра, будь то в масштабах республики или всего мира.

Коммунист обязан быть добрым и учить этому других. И тогда, когда мы кого-то сурово критикуем или даже исключаем из партии, снимаем с работы, мы боремся за человека, за человеческое в нем, а не против него.

Будем, однако, реалистами: до полной победы добра еще далеко. Добиться ее можно только объединенными повседневными усилиями честных и добрых людей. А они, к сожалению, часто не столь активны, решительны и едины, как их антиподы. Эту истину отметил еще бессмертный Лев Толстой.

Кстати, выдающуюся роль в борьбе за торжество добра играют наши литература и искусство. На мой взгляд, искренний, глубокий и яркий фильм или литературное произведение на злободневную тему иной раз находят в душах людей более сильный отклик, чем самое правильное постановление.

Обязательно посмотрите фильм «Секретарь райкома» (в русском варианте он называется «Твой сын, Земля») Резо Чхеидзе. Это образец того, о чем я только что говорил. Наша партийная организация глубоко благодарна Резо Чхеидзе за то, что он ради этого нужного фильма на три с лишним года отложил работу над совместной с испанцами картиной по знаменитому роману Сервантеса. Мы прекрасно понимаем, что экранизация «Дон Кихота» — мечта каждого серьезного кинематографиста.

В заключение процитирую нашего прекрасного писателя Нодара Думбадзе: «Душа человека во сто крат тяжелее его тела. Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее. И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить души друг друга: вы — мою, я — другого, другой — третьего, и так далее до бесконечности. Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в жизни...»

Чтобы найти такой образ, нужен талант.

Поступать так, по-моему, должен каждый.

Беседу вел Александр ГУБЕР

«Московские новости»

№ 34

ПОШАДЬ

Исчезли экипажи,
 Кареты, фаэтоны...
 Несутся в диком раже
 И фыркают моторы.
 И грусть кареты пыльной,
 Где лунный свет на крыше,
 Табун автомобильный
 Загнал в музей потише.
 Обиты двери толсто,
 Но это не спасает,
 От звона раскололся
 Твой мозг — и угасает...
 А лошади толпятся,
 Как солнечные пятна,
 И ржут невероятно:
 «Пустите нас обратно!»
 А лошади незримо
 Летят, как серафимы,
 И ржут неутомимо:
 «Мы вам необходимы!»
 А город их не слышит...
 На бойню гонят клячу,
 А кляча еле дышит,
 И кляча тихо плачет.
 Бредут четыре жерди
 Под брюхом отошальым,
 Бредут на свалку смерти,
 К веселым коновалам.
 Ее для зверской своры
 Зарубят живодеры
 И свалят в пропасть — рядом
 С рычащим зоосадам.
 Она простится с миром
 Спокойно и навечно.
 И свистнет конвоиром
 Над ней щегол беспечно.
 И лишь во сне ребенка

Осталось все, как было:
На ржанье жеребенка
Откликнулась кобыла.
И лишь во сне поэта,
Сквозь лунные волокна,
Живая лошадь эта
Заглядывает в окна.
Но с фырканьем и свистом,
Пустыней нелюдимой,
Она летит на гибель
Породы лошадиной.
Порой в жестоком свете
Убийственных реалий
{Анималисты часто
К такому прибегали!},
Порой виденьем сонным,
Замедленной съемкой —
То по степям зеленым,
То в брод рекою звонкой
Табун уходит лунный,
Родимый, нещадимый,
И ржет летя, на гибель
Породы лошадиной.
И то еще прекрасно,
Что лягу я в могилу,
Покуда в мире хряснут
Последнюю кобылу,
Последнюю конягу,
Пегаса или клячу.
Уж лучше в гроб я лягу
И слезы в землю спрячу!..

ВЕНСКИЙ СТУЛ

В серый день, в углу столовой,
Деревянной и стеклянной,
Ты на венский стул присядешь —
И растаешь в дымке странной...
И растают стол и стены,
Уплывая в даль такую,
Словно ты переселился
Из одной страны в другую.

Где-то там, в сладчайшем детстве,
Ты сидел на стуле венском...
Там качели на веревках
Стонут с грустью и блаженством!
— Том! — Ответа никакого...
Но тебя находят взглядом —
В складках занавеса дышит
Тень, старик — он здесь, он рядом!
Тень другая выплывает —
В сундуке затосковала,
Эта тень тебя кормила,
И купала, и ласкала.
Ты, романтик, ты, мечтатель,
Ты окрашивал любое,
Окунал любое слово —
В голубое, в голубое.
Доживали до заката
Эти крылья голубые,
Слишком рано умирая,
Словно бабочки живые.
Так порой молниеносно
Грянет, вспыхнет — час неровен! —
Симфоническая память,
Гром, стихийный, как Бетховен.
И сильней на мир воскресший
Гробовая тишь нахлынет...
И официант с улыбкой
Венский стул к столу придвинет.

АННЕ КАЛАНДАДЗЕ

В ЧЕСТЬ ОДНОТОМНИКА ЕЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Здесь — твои владения,
— храм уединения,
здесь твоя держава, королева Анна...
Словно перед странником
блещет многогранником
замок чудотворный в облаке тумана.

Слово — там на знамени
собственного пламени,
собственного имени.

Книга — твое зодчество,
твоего Высочества
крепость, крепче времени!

Высь твоя просторная —
над гортанью горною,
королева Анна,
над ущельем узеньким,
над ущельем музыки,
ритмов океана.

И твое достоинство
охраняет воинство:
ты идешь царицею —
и двенадцать месяцев
за тобою шествуют,
как двенадцать рыцарей!

Нерушима лестница
для души, которая
богом осиянна.

Ты — любви ровесница,
ее благая вестница,
королева Анна.

Твоя песня дивная —
как дитя наивное,
сбросив одеяло,
спит в тревоге чуткой,
чтоб над ней, малюткой,
ты всю ночь стояла.

Ангелом, не спящим,
гибель отводящим,
ангелом, поющим постоянно,
потому что пение —
вечное спасение,

духа вознесение, королева Анна!
Хлеб твой чист, владычица,
языка добытчица.

И когда, затворница, ты сидишь годами
в институтском здании,
в своем языкознании
дотемна колдуючи, утомясь трудами, —

сквозь глухие двери
прилетают Мери
нескольких поэтов,
шелестя шелками,
вея облаками,
прилетают Мери
нескольких поэтов...

И дорогой зыбкой
ты идешь с улыбкой
в райские просторы, где за ветром мая —
улетают в небо разноцветным бантиком,
улетают в небо леденцовым фантиком,
улетают в небо крылья баттерфляя...

Что для многих чучело,
которое наскучило,
мертвая вещичка, мусор из кармана,
для тебя — крылато,
колдовством чревато,
пеньем райской птички, королева Анна.
В пору беспощадную,
в бурю снегопадную
вместе с оленятами сходят с гор олени.
Вместе с оленятами
у людей гостят они.

Как на них похожи твои стихотворенья!..

А иные лирики —
как дома казенные,
как тома бетонные, как дворы проезжие:
худо — можешь вешаться,
там нельзя утешиться,
истины там — черствые, чувства там —
несвежие.

Как трагична искренность,
суть которой — выпренность,
себялюбье, жрущее, пышущее жарко!
Вроде в дверь железную
вбили цепь железную,
а за цепью бешено лается овчарка.
Бег, полет, дыханье,
жизни воцаренье,
зеркальце в котором — первый день
творенья,

свет крылатый в комнате
(Слово — бог, запомните!) —
как на них похожи твои стихотворения!
Солнце вековое
правит колесницей,
колесо искрится над твоей страницей.
Тело окрыленное,
око изумленное
возвращаешь строкам царственной десницей!
В том-то все и дело,
что живое тело
и живая сила слов тебе подвластны.
Ведь порою слово —
мох, трава былого,
чудом ухватился — бездны не опасны!
Но когда у бога
всяких дел так много,
что не до тебя ему... с грустною улыбкой
на дитя похожа ты,
за которым (кто ж это?)
кто-то держит бережно футляр с твоею
скрипкой.

Ты стоишь на солнце,
словно волоконце,
от пустого шума отстранясь в глуши.
Чтобы стать жемчужиной,
рукоплекс не нужен ей —
жизненной песчинке в глубине души.
Для тебя геенна —
это зал и сцена,
залитая светом в бездне ненасытной.
Там, потупя взоры,
ищешь для опоры
стул, скамейку, стену... Как ты беззащитна!
Календарь поэзии —
будничней и праздничней,
холодней и солнечней календарных истин,
в нем — четыре времени
и вдобавок — пятое,
вот чего не вырвать календарным листьям!
Времена меняются,
и сердца меняются,

и ломает солнце ледяные маски.
Нам поддержка свыше —
звон весенней крыши,
смена зимней стужи и весенней встряски,
Но пока мне дышится,
буду горд, владычица,
и уже до гроба счастлив несказанно —
тем, что был я подлинным
троим верным подданным,
королева Анна!..

БУМАЖНАЯ ЦАРИЦА

119.944

Когда вещи сливаются с тьмою,
пленительной, влажной, —
шаг царицы бумажной,
как вздох раздается протяжный...
Страстью темной и темной угрозой
чревато объятье,
этот смех белоснежный,
бумажные волосы, платье
белоснежной, бумажной, во тьме
шелестящей
царицы,
этой силы таинственной,
этой таинственной птицы!..
Я, покорный слуга сумасшедших фантазий,
отныне
жду прихода царицы, как странник —
прохлады в пустыне.
И когда соизволит
Ее Высочайшая Светлость
бросить взор на мою беззащитность,
мою беззаветность, —
я пожалуюсь ей на хорошие дни,
на плохие,
на удачи лихие, на все неудачи глухие.
И в очах ее царственных
радость блеснет вековая —
не вчерашняя, не преходящая, не бытовая.
Ее царское сердце сурово,
на негу скупится.

Иногда вынимает бумажную флейту царица
и так дивно играет!..

И дух мой, свободный, отважный,
долго в плен не хотел
и сражался с царицей бумажной,
но — напрасно!

Я стал ее рыцарем, верным слугою,
никогда не смогу изменить ей
с царицей другою!

Я же — каменщик, плотник мечты
и фантазий безумных,
я же строю воздушные замки
на улицах шумных.

Только высью неистово бредил
я в юные лета,
но меня соблазнила
царица поэта, скитальца, аскета.

И она — моя первая страсть
и последняя — тоже.

По ночам она ходит ко мне —
это славы дороже!

В нашей схватке она побеждает
спокойствием белым,
я — порывистый, дикий —
терплю поражение в целом.

До утра она царствует,
утром исчезнут в тумане
этот смех белоснежный,
таинственный шелест, сверканье.

Развернув паруса,
шелестят за страницей страница.

Как царица, пришла
и уходит она, как царица!..

ПРЕДТЕЧА

Тот, кто время обгонит свое
и уйдет далеко сквозь века, —
Невидимкою станет,
как фреска, затертая известью в храме.
Будет вечно в тени,
даже взгляда на нем не задержит никто.

Будет вечно чужим,
потому что решится на бунт в одиночку
против рабства традиций.

И все от него отвернутся,
и будет он зрителем
в самом последнем ряду,
Когда многих других вознесут до небес,
увенчают при жизни...

А бедняга свой век проживет
лишь надеждой на то,
что спасет и оценит его
и полюбит потомок..

А когда он умрет,
за его неувенчанным гробом
три-четыре отшельника
в тихой тоске побредут...

Это — первый из двух вариантов.

А третьего нет.

Вот — второй:

Тот, кто время обгонит свое
и уйдет далеко сквозь века, —

Безо всяких корон воцарится владыкой
народного духа,
пророком, в отечестве.

И при жизни сочтут его люди
святым и бессмертным.

Но, когда уже будет стоять он в могиле
одною ногой,

И когда фаэтон его тихо поедет
сквозь дебри лесные, —

Неожиданно выскочат грязных четыре
ублюдка.

И за миг до того,
как пробьют ему лоб из берданки, —

Он крикнет:

«Неразумные! Что вы творите?!»

И сначала бессмертную душу вернет небесам,
а потом с фаэтона он свалится
мертвый на землю...

ПУЛЕМЕТ

Когда имя твое дорогое, отец,
в разговоре помянет нечаянно кто-то —
мне мерещится огненный треск пулемета —
и действительность рвется на звонкие звенья
для меня одного, для меня одного...
Где-то в поле, в незримую стену забвенья
дико бьет пулемет ни с того ни с сего,
напрягаясь до бешенства,
до исступленья —
для меня одного, для меня одного...
И другой никогда не услышит его.
Косит он синеву средь могильных камней,
косит листья молчанья
и травы забвенья,
и над ухом свистит все большей и сильней,
убивая чириканье птичье и пенье,
женский смех, и младенческий щебет и визг,
и могучий рассудок...
А дальше — затменье...
Но кошмар этот длится всего лишь
мгновенье —
И у адской машины кончается диск.

* * *

Мы возвращаемся к полям, вдали
раскиданным,
Исчез Тбилиси, а за ним исчез и Дидубе.
И что ни пятница — трясемся в этом поезде,
А он качает, он выкачивает новости.
Промчалась Мцхета, и ЗАГЭС бежит
не мешкая,
На рельсах солнце с ослепительной
усмешкою.
А в Дзегви поезд дожидаться будет
встречного,
На тормозах — как строчка замысла
конечного.
Потом издаст он вольный крик в ущельях
Картли,

Где наши предки до сих пор — в объятьях
жизни,
Всех, всех в поля зовут, где свет вечерний
каплет,
Зовут любовь к земле и чувства-атавизмы.

ДРУГАЯ РЕКА

Здесь на Куру глядят все улицы,
в Куру все улицы вливаются.
Все липы, над Курой цветущие,
к ней тянутся, к ней порываются.
В Куру плывут, и вечно плавают,
и шелестят их отражения.
Кура навеки здесь останется...
Ты ей завидуешь с рождения.
Исчезнет лишь другая — дикая,
другая речка одержимая,
другая речка своенравная,
неукротимая, незримая.
Она поет, она волнуется
в тебе, с тобой...
И вас обоих,
в конце столетья приблизительно,
туман забвенья успокоит.
Она пока еще безумствует,
о стены бьется неподвижные,
о мостовые всевозможные,
асфальтовые и булыжные!
И не заметит география,
когда навек исчезнет речка,
в тебе поющая, плывущая
в душе живого человечка.
Она влечет тебя стремительно,
с каким-то буйством, упоением.
В ней уймы жизнью отражаются
и бьются легким дуновением,
и мирозданья тень — как в зеркальцах
трепещет, на волнах сверкая.
И эта речка одержимая —
твой путь, судьба твоя людская.

Над нею, над рекой ревущею,
мосты возвел, и многократно
по ним из прошлого в грядущее
ты переходишь и — обратно!

Она, прозрачная и мутная,
о землю бьется под ногами.
Стихийно и непредсказуемо
в ней мысли движутся рывками.

Ты связан струями незримыми
с рекой незримой,
с ней, свободною,
ты пронесешься безнаказанно
над глыбой, над скалой подводною.

В плену реки, в ее объятиях
спасешься бегством в даль,
в просторы...

Плыви, беглец, тебя преследуют
и грозно окружают горы...

* * *

Впереди — только синее море,
позади — только город с акрополем.

Наверху — только синее небо
со звездой сиротливой над топодем.

Эта звездочка, словно ракета,
силы ночи ведет в наступление.

Крыши сбросили пламя заката.
Жар угас, раздается шипение...

Так таинственно море — как будто
бог выходит из грота заросшего.

Ты, наверно, прощаешься круто
с тем, что носит название прошлого.

Городским воробейчиком шустро
ты летала — отважно, задиристо!

Но какое-то новое чувство
в глубине твоей женственной выросло.

О, теперь осторожно! Доныне
ты жила и не мучилась нежностью.

Это новое — слаще гордыни
и сильнее своей неизбежностью.

Для любви незнакомой и властной
городишь, городишь укрепления.

Хочешь ты насладиться (напрасно!)
этой радостью преодоления.
Зря! С великой, правдивой стихией
ты играешь, со звездною крестницей...
Осторожно! Здесь волны такие...
море здесь начинается, кончилась
лестница..

СТИХИ О ДУХОВНЫХ ТОВАРИЩАХ В БУДУЩЕМ

Ты — чудак, уповающий
На прозрение в будущем,
На духовных товарищей
В этом солнечном будущем.
Ты зачем окрыляешься
Этой дивной тоскою
И зачем устремляешься
За наивной мечтою?
И какому надеешься
Ты открыться читателю?
Вдруг стихи твои в будущем
Попадут к обывателю?
И кому ты достанешься
Там, в грядущей огромности?
То ли будущей наглости,
То ли будущей скромности...
Ты лучишься надеждами
На еще бестелесного,
Но духовно родимого
Незнакомца чудесного
И на только рожденного
Незнакомца орущего,
В чьих глазах загораются
Искры солнца грядущего.
Может, будет он циником...
И без слова прощального
Прах твой выметет веником
Ненавистник печального,
И на камень твой скромный
Этот циник нахальный
Сядет, словно на бревна,

С грубой шуткой похабной...
Все равно устремляйся
За наивной мечтою,
Все равно окрыляйся
Этой дивной тоскою —
Ты, чудака, уповающий
На прозрение в будущем,
На духовных товарищей
В этом солнечном будущем,
На таких же мечтателей,
Окрыленных, ответых!
Уж они-то оценят
Твой чекан на монетах!
Уж они отличают
Драгоценность от пышности,
От кривляния — искренность,
Божий дар — от яичницы!
Жизнь — не выставка жизни
В павильоне удачи.
Всем по-своему трудно,
Не бывает иначе.
Каждый — это как повесть,
Крик души «посмотри-ка!»
Или в дебри забрался,
А там — базилика...

Перевод Юнны МОРИЦ

Н о в е л л ы

СТРАСТЬ

ЗА ОГАСКУРСКИМ кладбищем, в салуквадзевском поле открылась ярмарка.

Когда-то эти земли по обе стороны Цкалцитэлы принадлежали некоему Салуквадзе. Давно уже канули в Лету времена частной собственности на землю, но места эти все еще называют по имени прежнего владельца. Неизвестно, в каких целях использовал блаженной памяти Салуквадзе это поле, но колхозу от него никакой прибыли. Неурожайная красная земля. Трава и та растёт тощая.

Стремясь ограничить время, затрачиваемое людьми на товарообмен, местные власти разрешили в первое воскресенье каждого месяца устраивать здесь ярмарку.

Чего только не найдешь на ярмарке! Чем только не торгует наш крестьянин — любой спрос удовлетворит. От катушечных ниток до мельничного жернова — все можно купить на огаскурской ярмарке.

С пяти утра до захода солнца она кишмя кишит народом.

Здесь вся Имерети (и Верхняя и Нижняя). Через Сачхерский перевал прибывают сюда и из Гаре-Картли, полно рачинцев, спустившихся по теснинам Хвамли.

По обе стороны шоссе, почти до самого поворота на Зестафони, выстроились в ряд машины.

Августовское солнце с утра жалит немилосердно. Но что солнце, обрушья хоть небеса, и это не умерило бы безграничного энтузиазма ярмарки.

Предусмотрительные евреи запаслись кусками брезента, устроили для себя навесы — нечто вроде открытых палаток — и не знают беды...

Новички покрыли головы носовыми платками, по углам завязанными узлами.

А больше всего таких, как я, без шапки, бесцельно слоняющихся по ярмарке...

По правде говоря, покупать я ничего не собирался, да и деньги не очень-то оттягивали мне карман, но где найдешь место лучше, чем ярмарка, где еще встретишь своих земляков в таком полном составе?!

Поди и любуйся на них. Ощути дыхание родной земли, почувствуй сладость родного языка. Запоминай и записывай — лица, словечки, фразы. Это и есть богатейшее собрание человеческих типов.

Товары в бесконечных торговых рядах удивительно походят на своих хозяев. Посмотришь на человека и сразу же догадаешься, чем он торгует. Или же окинешь поначалу взглядом барахло, выставленное на продажу, а потом взглянешь на владельца и непременно останешься доволен собственной проицательностью. Конечно, именно таким и должен быть хозяин этих кустарных сапог и сшитых наспех мягких чуваков с кисточками, которые продержатся дня два, не больше.

Какие только мелочи, забытые богом вещи не откапывают люди, наводят на них блеск и выставляют на продажу.

Не буду тянуть, перейду прямо к сути рассказа. Время завтрака миновало, и я обошел уже часть ярмарки, когда наткнулся на старика, о котором хочу рассказать.

«Не дай, боже, увидеть мою старость тому, кто не видел моей молодости», — сказал мудрец. «Одной ногой в могиле стоит», — эти слова как нельзя лучше подходили к моему старику. Скажи он, что пришел сюда с тринадцатую сирийскими отцами, вы бы поверили ему.

Он сидел на чурбане, поджав под себя ноги. Перед ним лежал рваный палас из рогожи, а на нем старательно разложены заржавелые подковы, козлиные роги, в которых хранят жир для смазки аробных колес, выдавший виды фуганок, старые болты и гайки, два

стекла к керосиновой лампе и, представьте себе, даже погнутые гвозди.

Мне стало ужасно жаль старика. Вряд ли нашелся бы желающий купить это барахло. Старик то и дело вытирал потную шею имеретинской шапочкой. Немошные, с набухшими жилами руки дрожали, он поминутно хрипло откашливался.

Белые усы и борода закрывали пол-лица. Они были одного размера, стало быть, когда он стригся (что случалось, очевидно, весьма редко), то остригал разом и бороду и усы.

Большой нос, формой напоминающий баклажан, нависал над нижней губой. Он шнырял своими карими глазами, и это никак не соответствовало ни его возрасту, ни тщедушному виду.

Некоторое время старик пристально смотрел на меня. Потом, очевидно, не признав во мне покупателя, сразу потерял ко мне интерес. Закурил кальян, выпустил дым и сплюнул в сторону.

— Мне нужна подкова, хорошая подкова, никак не найду такую, — проговорил я так, чтобы старик услышал, и стал рассматривать товар, выставленный на рогоже.

— Что за подкова? — нехотя спросил старик.

— Для лошади. Лошадь у меня не подкована, — боже, только бы он не догадался, что мне хочется поболтать с ним — ничего больше. На кой черт мне подкова! О какой лошади речь?!

— А что это у тебя в руке, по-твоему, не подкова?

— Конечно, подкова, но использованная, не так ли?

— Использованная?! — он засмеялся, обнажив редкие, как колья, зубы. — Ты, видать, хорошо разбираешься в подковах! Купишь — не купишь, мне все равно, только знай, сынок, что подкова, чем она старше, тем лучше для коня. Главное, был бы цел этот зубец, а остальное ерунда. Такая подкова коню в самую пору, боли не причинит, и все тут.

Пока он говорил, я всматривался в его лицо, изборозженное морщинами, вернее даже не морщинами, а глубокими складками, по которым струился пот.

— Ну и жарыща, все горит, — отозвался я.

— Разве это жара, на этой неделе такое пекло ожидается, от духоты не продохнешь.

— Ну, пропали мы в этом году. Если такая жара продлится три дня, все живое сварится.

— Винограднику жара нипочем. Напротив, как нельзя впопад. А кукуруза погибла, это да.

— Значит, подковы годятся, дедушка?

Старик снял шапку и обнажил белую, не тронутую солнцем сверкающую лысину.

— Похож я на жулика, сынок? Живу здесь же, под боком, в Орпири. Бежать никуда не собираюсь. Забирай эти подковы, и сколько раз ты еще благословишь меня, столько раз пусть порадуются мои дети.

— Как ваша фамилия?

— Хундадзе. Один я Хундадзе в Орпири, спроси Нестора, все покажут, где я живу.

Странное желание овладело мной — закупить у старика весь его товар и освободить от необходимости торчать в это пекло среди горланящей толпы.

— Почему подкова?

— Пятьдесят копеек каждая.

— А если возьму все?

— За сорок отдам, дешевле не могу, меня тоже жаль, сынок. Пройдись по рядам, если хочешь. Другие за такую подкову рубль просят.

Я отложил подковы в сторонку.

— Вообще-то мне и фуганок хороший нужен.

— Вот тебе фуганок!

— А годится ли он? Слишком поистрепан, наверное, отслужил свое, а?

Старик поднял камень, постучал им о фуганок, вытащил железный язычок и показал мне.

— Погляди, какое железо. Истертое? Раза два проведешь точилом — ничего больше не надо. Хорасанское железо! Это тебе не то, что в кооперативах продают. Погляди, его и ржа не взяла.

— Сколько?

— Три рубля.

— А окончательно?

— Бери за два. Ты, видать, хороший хозяин, не хочу, чтоб этот фуганок в плохие руки попал.

Что он увидел во мне «хозяйского»?

— А эти стекла для керосиновой лампы — где ты их откопал в наш век электричества?

— Валялись дома, а мне ни к чему. Может, кто и купит, подумал я, и взял с собой. Найдется на них покупатель — хорошо, а нет, унесу обратно. Не выбрасывать же...

— Сколько хочешь за пару?

— Нужны тебе, что ли?

— Может, подойдут к моей лампе, валяется одна у меня в кухне.

— Правильно. Керосиновая лампа должна быть в доме. А то разве можно целиком полагаться на станцию. То ток отключат, то пробки, или как их там, перегорят, а ты сиди себе в темноте.

— Все дело в надобности, Нестор-батону. Есть надобность — и цена соответствующая, нет надобности — думаешь: зачем мне это, только место занимает зря. Так сколько же?

— По правде говоря, не знаю. Никогда не продавал стекол. Нет, не знаю. Бери за рубль оба. Если прогадал, пусть тебе впрок пойдет. Ничего не поделаешь.

Когда я заговорил о козлиных рогах, он как-то насторожился и подозрительно взглянул на меня. «Нет, не похож он на хозяина, — казалось, говорил его взгляд, — может, аферист какой-нибудь и зачем-то точит мне лясы». Что касается погнутых гвоздей, то как самоотверженному покупателю он отдал их мне бесплатно, наставляя при этом: выпрямишь эти гвозди, лучше новых будут. Новые — они с трудом входят в дерево и не так надежны, как ржавые.

Все имущество Нестора Хундадзе обошлось мне в одиннадцать рублей. Я зашел в филиал гастронома, купил мешок, сложил туда приобретенный хлам (старик помогал мне складывать) и, взвалив эту довольно тяжелую и неудобную ношу на спину, так сердечно поблагодарил старика, как будто он одарил меня целым состоянием.

Затем, словно у меня были и другие дела, я оставил мешок там же у продавца мыла и проводил старика до дороги.

— Ну и жарыща.

— Разве это жара! На этой неделе будет пекло — не оглядываясь, проговорил он, осторожно, по-старчески перешагивая через ров.

— На чем поедете, Нестор-батано?

Мое чрезмерное внимание казалось ему чудным, чувствовалось, он не хотел уходить.

— На попутной.

К счастью, перед нами, как по заказу, остановился автобус из Цхалтубо.

Я помог старику взобраться, попрощался и, когда автобус тронулся, помахал вслед рукой.

Так-то... Одно доброе дело сегодня сделано. Торговать в такое пекло — у бедного старика вскипели бы мозги. Потерял бы попусту время. Продать — ничего не продал бы и пришлось бы тащить свое барахло назад. По крайней мере, придет домой вовремя, усядется себе в теньке и будет радоваться на своих внуков.

* * *

Под конец мне все же надоела ярмарка! От бесконечного шатания разболелась голова, ноги ныли от усталости, к тому же я проголодался. В палатке, крытой осокой, мне подали горячего мчади с сыром, миску лобио и бутылку «Имеретинского». Солнце клонилось к западу, когда я покинул ярмарку.

В ожидании попутной машины мне пришлось долго стоять у дороги, в пыли, и это свело на нет все удовольствие, полученное за день.

Вдруг метрах в двадцати от меня, подняв облако пыли, остановился самосвал.

Вот тебе и на! Мой старичок!

Он не спеша вылез из кабины, вытащил оттуда деревянный чемодан, сохранившийся с древнейших времен, и с энергичностью торговца, который по какой-то причине опоздал и теперь опасается, что товар останется нераспроданным, поспешил к ярмарке.

Моя усталость мгновенно улетучилась. Я последовал за ним.

Место он выбирал недолго. Открыл чемодан, вынул палас из рогожи и с привычной осторожностью разложил на нем «товар» — петли для дверей и окон, уровень, медный пестик для ступки, черпалку для вина, са-

модельную восковую свечу, потемневшую от употребления большую деревянную миску и старую-престарую вилку.

Он уселся на чемодан, закурил кальян и снова обратился в старого ворона, залетевшего в салуквадзевское поле из какого-то тысячелетия. Ему неохота взлетать и, спрятав клюв в крыльях, он старается остаться незамеченным для посторонних глаз.

И как он не поленился приехать сюда еще раз! Когда он успел найти в доме эти забытые богом и людьми предметы!

Нет, не так-то легко понять нашего крестьянина!

Может быть, Нестора Хундадзе и не интересовала торговля, может, его тоже влекло к себе людское море, может, ему хотелось по-своему развлечься в этой оставшейся на его долю жизни.

Как мне подойти к нему, как показаться на глаза! Я и без того сгораю со стыда и не могу простить себе своего давешнего поступка.

ГУДЖУ

ГУДЖУ Майсурадзе стоял у ворот и в щель между створками разглядывал утопавшее в зелени белое четырехэтажное здание. Но как разглядеть его, если перед ним выстроились раскидистые чинары. За закрытыми окнами ни души. Гуджу распирало от любопытства, смерть как хотелось узнать, что делается в доме. Скоро уже полгода, как это учреждение появилось на улице Доборджгинидзе, и никто не мог объяснить Гуджу, что это за учреждение. Однажды он попытался войти в здание, прямо, без церемоний открыл ворота, но вышедший из будки старый солдат в очках и в брюках защитного цвета потребовал у него пропуск.

— А без пропуска нельзя? — Гуджу и не думал отступать.

— Нет. Вы откуда?

— Я на этой улице живу. Через пять домов отсюда. Солдат успокоился.

— Очень приятно, но без пропуска вход воспрещен.

— Кто выдает пропуск? — поинтересовался Гуджу.

— Директор. Или его заместитель. Вы к кому?

— А ни к кому. Никакого дела у меня нет, так просто, любопытно, что творится внутри.

— Ну и ну, — сторож почесал затылок под ^{ушиан-}кой, — а я-то подумал бог знает что. И ради этого ты пожаловал сюда в такую слякоть?

Погода, действительно, была не из приятных. Февраль в Хвамлети почти всегда теплый, но хотя он подходил к концу, зима не собиралась сдавать своих позиций. Солнце проглядывало только в полдень, да и то на полчаса, ветер пронизывал до костей. И если бы не неотложные дела, сиди себе возле теплой печи, не зная беды. Потому-то и безлюдны улицы, и редко какой прохожий с раскрасневшимся от ветра лицом спешит по своим делам.

— Ну да, должен же я, наконец, знать, что делается на моей улице? — чистосердечно заявил Гуджу.

— А зачем, неужели все остальное на свете тебе известно? — пытался урезонить солдат досужего соседа.

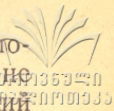
— Чего не знаю — не знаю, но ведь так нельзя... Если это тайна, так и скажите, и мы будем знать, что это тайна и любопытствовать перестанем. Я тут рядом живу, через пять домов отсюда, я уже говорил.

— Чем занимаешься?

— А это вам к чему? Обыкновенный человек я, сапожник... Вот переселили отсюда четыре семьи, нет, не в плохие места, но обидно ведь... Соседи все же, привыкли к ним. Потом, да будет вам известно, привезли эти огромные ворота и поставили. Зачем, спрашивается, было спешить с воротами. У нас когда дом строят, ворота под самый конец ставят. Отгрохали это здание и забились туда, как куры в курятник. И все шито да крыто... Какне-то люди с портфелями приезжают по утрам на автобусе, устраивают толчею в дверях, а в пять часов на том же автобусе уезжают назад. Спрашивать не стыдно, не так ли? Сколько я вот караулю здесь, но так никого и не встретил, у кого можно было бы спросить: чем вы, наконец, занимаетесь, что там творится внутри?

— Ничего интересного, уверяю вас. Клянусь своими четырьмя внуками, я ничего не скрываю. Здесь попросту не на что смотреть.

— А все же? А все же? — Гуджу поднес руку к уху, показывая тем самым, что он весь внимание.

— Небольшие комнатки. Сидят за столами кто молочкой, кто так, моего возраста, и едят. Что едят, не знаю. Мне разве скажут. Какой-то исследовательский институт, ученые здесь работают. Вот и все.

— Дай бог тебе здоровья, — Гуджу расстегнул свою кожаную куртку, сунул левую руку в карман галифе, а правой надвинул на лоб папаху. — И это их сторожишь ты со своим ружьем?

— По правде говоря, я и сам удивляюсь. Без пропуска, говорят, нельзя, а мне-то что, нельзя, так нельзя.

Гуджу, иронически улыбаясь, сперва широко раскрыл свои водянистые глаза, потом сощурил их.

— Так я тебе и поверил, как же, — он снял с головы папаху, — взгляни на меня, я тоже не вчера на свет родился. Упрямяк как осел. То-то.

— Я внуками поклялся. Что мне этот институт со всеми его учеными. Стал бы я ради них клясться своими птенчиками зазря!

— А ну,пусти меня. Я похожу, посмотрю и вернусь.

— Бери пропуск и входи, — в голосе старика проскользнула обида.

— Кто выдает пропуск? — спросил Гуджу, счищая грязь с сапога.

— Я же сказал, директор или его заместитель.

— Да? Так они мне его и выдали!

— Кого-нибудь знаешь из них?

— Никого.

— Ну и привет. А паспорт с собой?

— Для чего мне паспорт? — подбоченился Гуджу.

— Таково правило. И не я его придумал. Сперва ты должен позвонить директору или заместителю. Если они не знают тебя, ты сам скажешь, кто ты и по какому делу явился. Они спустят пропуск, ты предъявишь свой паспорт вон в том окошечке, тебе выдадут бумажку, потом бумажку покажешь мне, а я тебя пропущу.

Гуджу рассмеялся.

— Нехорошо, некрасиво это... По твоим словам выходит, что простой человек, вроде меня, никогда не переступит этого порога.

— При чем тут простой человек или непростой?

— Как это при чем? Во-первых, я тебе сказал, что никого не знаю. А ты мне: позвони. Позвонить и ска-

зять: я, сапожник Гуджу Майсурадзе, интересуюсь, естественно, что творится на моей улице и, ^{особо,} в этом вашем здании. Конечно же, в ответ я ^{получу: да} ну, проваливай отсюда, старый хрыч, да ^{побыстрее!} Ну, чего ты молчишь, разве не так?!

— Почему я знаю! — пожал плечами солдат.

— Понятно. Значит, вы хозяева здесь, и все принадлежит вам. Может, и нас выселите и сошлете куда-нибудь подальше. Почему бы и нет! А мы сиди себе тихо, ни о чем не спрашивай, ничем не интересуйся. Жди, пока тебя, как слепую курицу, собьют с ног или заманят в ловушку?! — эти слова Гуджу произнес уже за воротами. Он был очень взволнован и постепенно повышал голос, но безлюдная улица оставалась равнодушной к негодованию сапожника.

Гуджу еще раз оглянулся на ворота, как следует ругнул про себя учредителей этой «таинственной» организации и, заложив под курткой руки за спину, направился вверх по улице Доборджгинидзе к мосту.

* * *

Старый солдат очень скоро позабыл о чудном посетителе. Он просмотрел газеты, потом вздремнул немного, а перед самым заходом солнца попросил уборщицу принести из институтского буфета колбасу, черный хлеб и бутылку лимонада. Мякоть хлеба отделил от корки (зубы уже не те!), тонко нарезал колбасу, откупорил бутылку и принялся за обед. Ел не спеша, без аппетита. Услышав приближающиеся звуки барабана и гармони, подумал: какой оболтус кутит в этот холод и, отодвинув драную занавеску, посмотрел в окно.

Возле ворот остановился фаэтон. Рядом с кучером на облучке сидел вдребезги пьяный Гуджу Майсурадзе, в коляске же на мягких сиденьях устроились музыканты.

«Эй, Алмасхан, ты, парень, плут — то вроде человек, то шут», — наяривали они. А Гуджу, выткнув вверх руки, словно пытался взлететь в небо, время от времени ободрающе гикал: «Рампата, рампата рампата, рампата...»

Посмотрев в сторону ворот, Гуджу соскочил с козел и не разбил себе носа лишь по той непостижимой причине, которую народная мудрость объясняет тем, что пьяного бог бережет.

— Стань в сторонке и ни шагу отсюда! — грозно сверкая глазами, приказал Гуджу кучеру и в воцарившейся на какое-то мгновение тишине устремил взгляд на белое здание. Затем, пропустив вперед барабанщика и гармониста и рывкнув: — Пошли! Ты начинай! — с решительным видом направился к зданию.

Музыканты робко прошли в ворота. Сторож прервал свою трапезу и, не видя другого выхода (они ведь не шутят, подумал он), схватился за ружье и преградил дорогу гулякам:

— Стой!

Музыканты остановились, с тоской посмотрели на своего упрямого нанимателя.

Гуджу провел ладонью по лбу, пошатываясь, шагнул к солдату, локтем отодвинул его и с отчаянием выдохнул:

— Сгинь!

Он схватил музыкантов за шиворот и поволок их к дому. И только войдя в здание, перевел дух. Затем горделиво огляделся в мрачном безмолвии институтских коридоров и что было силы крикнул:

— Начинай!

Запел аккордеон, загремел барабан.

Мне будущая теща отказала...

— Рампата, рампата, рампата, рампата, — согласнов вторил им Гуджу, выбрасывая в такт вверх руки.

Сумела враз меня забраковать!

Что?! Этого еще недоставало!

Мне, говорит, не нужен пьяный зять!

Ничего невероятного не произошло. Одна за другой стали отворяться двери, и в коридор высыпали ученые. Выражение ужаса на их лицах немедленно сменялось изумлением, а затем робкой, смущенной улыбкой. Бородатые и безбородые, в очках и без очков, молодые и старые, в сатиновых нарукавниках и синих халатах — все, со степенями и без степеней, устремились к Гуджу. Круг постепенно сужался.

Музыканты не сводили глаз с входной двери, как бы говоря тем самым, что они тут ни при чем, что не по их вине заварилась эта каша. Гуджу же, выходящий в крайней степени возбуждения, ходил по кругу, уже готовый пуститься в пляс.

Эх, как дожить до радостного дня —
Похоронить бы тещу поскорее,
Потом бы тесть последовал за нею,
А мне б досталась девушка моя!¹

— Рампата, рампата, рампата, рампата! — Гуджу, хлопая, носился по кругу.

Гремел барабан, шпарил аккордеон.

Худощавый директор института с возгласами «Товарищ, товарищ!» тщетно пытался схватить за рукав вошедшего в экстаз Гуджу. Пробегая за ним шестой круг, он споткнулся о ковер и чуть не растянулся на полу. И тогда, махнув рукой, крикнул председателю месткома:

— Немедленно прекрати это безобразие!

Шеф месткома, мужчина с бабочкой, без признаков растительности на лице, энергично взялся за дело. Он подошел к музыкантам и взмахнул перед их носами указательным пальцем, но музыканты, словно почувствовав неприятный запах, только слегка поморщились и устремили взгляд куда-то вверх. Потом он бросился к Гуджу, но ни уговоры, ни угрозы делу не помогли.

Сотрудники института давились от смеха, и председателя месткома страшил уже не столько директорский гнев, сколько потеря собственного авторитета.

Под конец опомнился сам «главный виновник». Повернув музыкантов к двери, он возглавил шествие. Выйдя во двор, сделал почетный круг вокруг чинары и в сопровождении музыки проследовал к фазтону.

Как и прежде, он устроился на козлах, предоставив мягкие сиденья мастерам барабана и аккордеона, взглянул в сторону сгрудившегося у ворот ученого персонала и, воздев руки, прогремел:

— Да будет прок в вашем деле! Поехали!

¹ Перевод Г. Павловской.

Когда фазтон скрылся из глаз, директор подошел к сторожу, который все это время висел на телефоне.

— Звонишь?

— Никак не соединюсь, просто не знаю, что делать.

Директор отобрал у него телефонную трубку.

— Оставь. Не надо звонить, — сказал он, кладя ее на рычаг, — не будем предавать огласке. В конце концов, в чем он провинился перед нами?! Гулял себе человек, больше ведь ничего!

— Да, конечно, как вы скажете, — сторож повесил на стену ружье, которое до сих пор почему-то держал между колен.

А директор, поднимаясь по лестнице, думал о том, есть ли в уголовных кодексах мира статья, предусматривающая наказание за подобное преступление, и если есть, то это, безусловно, ошибка.

ТЕРПЕНИЕ ЛОПНУЛО

КАК только прозвенел звонок, Ваню Кикилашвили вскочил с постели, поискал ногами шлепанцы, подошел к двери и посмотрел в глазок. Незнакомец держал в руке стеклянную банку, в которой лежали две тонкие пластмассовые трубочки, приблизительно такие, через которые обычно потягивают коктейль. Гость держал банку так, чтобы она была хорошо видна в глазок.

— Кто там? — спросил Ваню, не отрываясь от глазка.

— Квартира Кикилашвили?

— Да?!

— Из эпидстанции, если позволите.

Незнакомец был весьма почтителен.

— Минутку.

Ваню оторвался от глазка, побежал в спальню, надел брюки, накинул на плечи халат и на всякий случай даже взглянул на себя в зеркало.

— Пожалуйте, любезный, но мышей у меня нет.

Гость держал банку с трубочками обеими руками и смущенно улыбался.

— Мы на этот раз не за мышами, батоно. Какой воздух в вашей квартире?

— Откуда мне знать, наверное, как и в других хозяин не ожидал такого вопроса.

— По ночам не просыпаетесь, головокружение не беспокоит?

— Головокружение — нет, а по ночам, как вы сказали, просыпаюсь часто, но я думаю, в этом моя болезнь повинна. Входите.

Незнакомец вошел. В прихожей он остановился у зеркала в старинной, украшенной резьбой раме.

— Побеспокоил вас, спали, наверное.

— Да нет, какое время спать, десять уже есть?

Гость взглянул на часы.

— Половина десятого. Вы один живете?

— Вообще нет, но в данный момент — да. У меня сын — летчик, все время в командировках. Сейчас вот в Калининград улетел.

— Когда он вернется? — поинтересовался гость.

— Право, не знаю. Разве поймешь что-нибудь у нынешней молодежи.

Вано солгал. Пятнадцать лет тому назад он развелся с женой и с тех пор живет один. Сын, которому сейчас двадцать пять лет, остался с матерью. Вано и раньше не баловал его своим вниманием. А в прошлом году они повздорили, и вот уже год, как сын не переступал порога отцовского дома.

Покончив с выяснением числа жильцов в квартире, гость перешел к делу.

— Мы проверяем содержание кислорода в воздухе квартиры. Из двадцати пяти квартир, в которых я побывал сегодня, только в пяти оказался необходимый для человека процент кислорода.

Этот факт ужаснул Вано.

— Что вы говорите?! Это все машины виноваты. Машины губят мир. Скоро мы будем приобретать кислородные подушки.

— До этого еще далеко, но в квартирах с недостаточным содержанием кислорода мы должны установить воздухоочистители и выдавать на душу литр мо-лока.

— Ежедневно?

— А как же.

Между тем гость обошел комнаты. Подняв банку над головой, внимательно рассматривал ее. Что-то записывал в записную книжку. Словом, был занят делом.

Когда процент кислорода был, наконец, установлен, он поставил банку на пол, направился в ванную, вымыл с мылом руки и объявил хозяину квартиры:

— Пока ничего страшного, батоно. Спустя некоторое время проверим еще раз. Если что изменится, свяжемся с вами. — Он открыл двери и громко повторил: — Пока ничего страшного!

Вано хотел поблагодарить его и напомнить о кислородоизмерителе, оставшемся на полу, но не успел: в открытые двери ворвались двое, один сунул ему под нос револьвер, другой скрутил руки назад.

— Ни звука, не то тебе крышка!

Человек, замерявший кислород, вынул из кармана пиджака тряпку.

— Открой рот, подыши некоторое время носом.

«Если они запихают мне ее в рот, я задохнусь», — пронеслось в голове у Вано. Поэтому, склонив голову набок, он с мольбой произнес:

— Не делайте этого, я буду молчать.

Ему поверили. Ввели в гостиную, завязали руки веревкой, усадили в кресло и предупредили:

— Не отравляй себе жизнь, дядя, из-за каких-то там грошей. Одно слово — и тебя нет!

Представитель санэпидстанции стал над ним со сверкающим браунингом в руке, остальные двое бросились к письменному столу и во мгновение ока вывернули ящики на пол. Какое-то время рылись в бумагах, потом вдруг перестали рыться и подошли к хозяину.

— Неужели ты хочешь, чтобы мы все здесь перевернули вверх дном. Лучше тебя никто не знает, где что лежит. Отдай нам то, что мы ищем, и мы уйдем, — сказал высокий вор в черной кепке. Он стоял, прислонившись к шкафу.

Вано внимательно с ног до головы оглядел грабителей. «Если останусь в живых, в милиции во всех подробностях будут спрашивать об их внешности и одежде».

На «кислородных дел мастере» была белая в зеленый горошек сорочка и цвета яичного желтка галстук, завязанный толстым узлом. Тщательно выбрите лицо, баки, доходящие почти до подбородка, и необыкновенно добрые для человека подобной «профессии» глаза. По его интеллигентному лицу то и дело пробегала улыбка, когда он смотрел на ерзающего в кресле старика.

Второй, стоящий над его головой со сжатыми в кулаки руками, был низкого роста, лыс и, по-видимому, недавно из парикмахерской, от него исходил резкий запах «огуречной воды». Своими мощными некрасивыми челюстями и рыбьим ртом он напоминал нарисованного рукой ребенка пирата. Непомерно большая в сравнении с туловищем голова была посажена на волчьей шее. Когда к нему обращались, он поворачивался к говорившему всем телом.

Лицо третьего было почти скрыто черной бородой. Из-под черной кепки виднелись карие глаза и красивый с горбинкой нос. На среднем пальце левой руки поблескивало серебряное кольцо.

— Что вы ищете? — спокойно, насколько это было возможно, спросил Ваню.

— Золото, — у разбойника с рыбьим ртом оказался слабый, хриплый голос. — И деньги.

— У меня нет ни того, ни другого. Вас здесь трое, никто никуда не спешит, в гости ко мне почти не ходят. Вам и карты в руки — ищите как следует, что найдете — пусть ваше будет, — ответил хозяин.

— Ну и народ! — сказал бородатый, хлопнув рукой об руку, и принялся ходить взад и вперед по комнате.

— У тебя, Ваню Кикилашвили, нет золота? — низкорослый бандит едва сдерживался.

— Сроду не было, — в голосе хозяина поселилось бесстрашие.

— Жоржиа, включи-ка утюг. Я сейчас развяжу язык этому старому шакалу. Некогда мне с ним тарыбары разводить, — пират не шутил.

Жоржиа принес утюг, вырвал из розетки штепсельную вилку, подключаящую телевизор к сети, включил утюг, стоймя поставил его на пол и уселся на арабский стул.

— Для чего вам уют? — поинтересовался Ваню.
— Гладить тебя буду, — удовлетворил любопытство хозяина «кислородных дел мастер».

— Поступайте как знаете, — проговорил Ваню и еще раз оглядел гостей. — Если вы воры, ведите себя как вора́м полагается. Не позорьтесь из-за каких-то копеек. Я не из пугливых, вы еще убедитесь в этом. Говорю вам по чести: золота у меня нет, кроме одного кольца (вот оно на пальце) и часов, подаренных мне отцом, они на тумбочке возле кровати лежат. Что касается денег, деньги есть, а как же иначе, но не столько, сколько вы думаете. Пятьсот рублей лежат в кармане зеленого костюма, а там вот, на книжном шкафу — сберегательная книжка — пятнадцать тысяч у меня в кассе. Вот и все. Поверите — хорошо, нет — поступайте как знаете. Мне семьдесят два года, я свое прожил. И не пытайтесь меня запугать, — Ваню говорил так убедительно, что высокий выключил уют и снова включил телевизор.

— Может быть, и вправду нет, не убивать же его из-за этого, — дрогнувшим голосом произнес тот, что в галстук, пряча револьвер в карман и извлекая пачку «Казбека».

— Прошу, здесь не кури, — снова заговорил хозяин, в то время как бандит искал глазами пепельницу. — Сам я не курю и не выношу табачного дыма. Потом целую неделю проветривай, чтобы избавиться от запаха табака. — Вор без слов погасил папиросу и положил ее обратно в коробку.

«Окурка не бросил, парень не дурак», — подумал Ваню.

Между тем Жоржиа и лысый энергично работали: перевернули вверх дном шкафы, книги свалили на пол, вспороли ножом мутаку¹.

— Как тебя зовут? — спросил Ваню «специалиста по кислороду».

— Бондо, дядя.

— Взгляни-ка, Бондо-батано, разве это дело? Я человек одинокий, без хозяйки, что мне делать с искромсанной мутакой? Откуда вы свалились, разлюбезные, кто в наше время деньги в мутаке держит?

¹ Длинная круглая подушка.

— Не знаю, дядя. Думаешь, они меня послушают? Это же не люди. Будь проклят тот день и час, когда я взялся за это дело. — Он понизил голос и, словно поверя тайну старому другу, прошептал: — Если есть золото, скажи мне, где оно, и я не впущу их в ту комнату. Поверишь, ты мне так понравился, я сделаю все, чтобы твое золото не попало в их проклятые руки. Ваню засмеялся.

— Нет у меня золота, сынок, а то разве же я скрыл бы от тебя?

— Поделом тебе! — разозлился Бондо и покосился на утюг. — Я тебя от пытки избавил. Но разве доброты когда-нибудь была в цене?! Морочишь им голову — морочь, но меня почему дурачишь, а?!

— Нет у меня золота!

У Ваню Кикилашвили действительно не было золота.

Два часа хозяйничали воры в квартире Ваню. Все перешарили. Швейную машину и ту разобрали. Но ничего, кроме названных хозяином ценностей, не смогли найти. Перед уходом развязали ему руки и строго-настрого наказали: в течение часа к телефону не подходить и никуда не выходить. Деньги из кассы вынести, послезавтра в десять часов утра один из них зайдет за деньгами. Никому ни звука об их визите. Если хотя бы одно из трех условий не будет выполнено, они взорвут квартиру и на глазах у него перережут горло сыну-летчику.

Воры унесли с собой пятьсот рублей, золотые часы и кольцо (содрали с пальца). Бондо тут же вернулся, завернул в газету «кислородоизмеритель» («надеюсь, эта газета старая и вы ее уже прочли»), пожелал хозяину всего хорошего и вышел.

Ваню следил за ними в глазок: они вызвали оба лифта; Бондо и Жоржия сели в правый лифт, низкорослый бандит — в левый. Ваню вошел в кухню, выпил воды и взглянул на часы.

* * *

— Я, право, не знаю даже, правильно ли поступаю. Может быть, хуже от этого будет, почему донес на нас, скажут, и в самом деле перережут мне, старику, горло, но они разозлили меня и оскорбили,

между прочим, а так неплохие были ребята. Один из них, тот, что первый пожаловал, даже понравился мне. Чуть было не сказал ему: Бондо, что общего у тебя с этими побирושками? Он Бондо назвался, а как его звали на самом деле, откуда мне знать? Как они выглядели, я вам уже сказал, и, клянусь единственным сыном, унесли все, что я перечислил, искали деньги и золото, одежда их не интересовала, даже новый костюм — в мае сшил, раза два надевал, — не тронули. Я бы не пришел к вам, откровенно говорю, трусоват. Им бы тут же отпор дать, но разве я справился бы с тремя. Нет, я не стал бы вас беспокоить. Ничего не поделаешь, на то он и вор, чтобы красть — либо у меня, либо у тебя. Подарить — никто ничего не подарит! Но они оскорбили меня, и я обозлился! Что взяли — взяли, так им подавай еще деньги (у меня на черный день немного отложено, кто знает, что может случиться, я человек одинокий), так им вынь из сберкассы эти деньги и приготовь к послезавтрашнему дню. И это простиительно в конце концов, но часы, как можно было брать часы?! Послезавтра вы получаете от меня такую сумму (Вано засмеялся) и забираете у меня часы, подаренные отцом! Ну не стыдно?! А спросишь их — они благородные, честные вору!..

Начальник второго отделения милиции Кикнадзе внимательно выслушал старика, потом некоторое время сидел молча, постукивая карандашом по столу, и наконец произнес:

— В котором часу они пожаловали?

— В половине десятого, мне сам вор сказал, а я, по правде говоря, на часы не смотрел.

— Кто-нибудь знает о случившемся? — снова после продолжительной паузы спросил Кикнадзе. Это слегка возмутило пострадавшего: «Стоило столько думать, чтобы задать такой вопрос: я рассчитывал на срочные меры, а эту важность на себя напускает...»

— Кроме вас, никто.

Кикнадзе встал из-за стола. Звеня связкой ключей, открыл сейф, вынул оттуда старый, потрепанный фотоальбом и положил его перед Ваном Кикилашвили.

— Полистайте-ка, может быть, кого и узнаете или найдете сходство с теми тремя.

Вано внимательно просмотрел альбом, в котором оказались фотографии воров почти всех мастей. Но его бандитов там не было.

УДК 625.8
ББК 82.010.003

— Когда они придут за деньгами?

— Послезавтра в десять утра.

— Вранье! — подумав, сделал вывод Кикнадзе и почесал карандашом голову.

— Что вы сказали? — подался вперед Вано.

— Вранье! Они не придут послезавтра, — объявил начальник отделения, словно сделал величайшее открытие.

— Я думаю, они вообще не придут, — проговорил Вано.

— Прийти-то придут, они свое не упустят. Но придут в другое время, когда вы их не будете ждать.

— Что мне делать? — растерянно спросил Вано.

— Садитесь вот сюда и подробно напишите все, что вы мне рассказали. Потом отправляйтесь домой, вынесите из сберкассы десять тысяч... Спрячьте их дома и ждите. Завтра утром подойдут наши сотрудники. Выделите им комнату и никому об этом ни слова, не то операция сорвется. Когда воры заявятся, пригласите их в дом, а там уже наше дело.

Вано встал и, протянув ладонь к вентилятору, спросил:

— Ваши придут завтра утром?

— Да.

— Сколько их будет?

— Трое или четверо.

— И как долго они пробудут у меня?

— Пока не поймают воров.

— Храни вас бог, — успокоился Вано. — Только познакомьте меня хоть с одним из них. Я так напуган, могу и двери не открыть.

Кикнадзе засмеялся.

— Обжегшись на молоке, дуется на воду, да? — Он нажал на кнопку и проговорил в микрофон: — Хускивадзе ко мне!

Вошел Хускивадзе, высокий, широкоплечий смуглый сержант, и вытянулся перед начальником.

— Вот вам один из них, — Кикнадзе повернулся к Вано, — запомнили? — и к Хускивадзе: — Свободны! Хускивадзе вышел.

«Стоило ли все это затевать, не знаю. Поймают их. Начнется следствие, потом суд. Придется бегать туда сюда. У них, наверняка, найдутся приятели, которые дадут кирпичом мне по голове. А если и не найдутся, тоже не радость — всем станет известно о моем ограблении. Не возьми они часы, я не издал бы ни звука. Поделом им. Ненасытный шакал достается собакам. Вор не должен быть жадным. Если ты вор — оставайся вором...» — бормотал про себя Ваню по дороге домой.

* * *

Прошло полтора месяца.

Одним прекрасным утром, когда до девяти часов оставалось несколько минут, в здание второго отделения милиции вошел небольшого роста мужчина с палкой в руке, в черном костюме и соломенной шляпе. Даже не взглянув в сторону дежурного, он направился прямо к кабинету начальника.

— Гражданин! — окликнул его дежурный.

— Чего надо? — незнакомец остановился так внезапно, словно наткнулся на какое-то неожиданное препятствие, и, повернувшись, одной рукой уперся в бок, а другой стал нервно постукивать палкой о пол. Он был явно взволнован.

— Мне?! Твои ношенные штаны! — и дежурный в восторге от собственного остроумия, подобно фининспектору, ненатурально рассмеялся. — Я, по-твоему, для чего здесь сижу?

— Меня совершенно не интересует, почему ты здесь сидишь. У меня дома три таких, как ты, хама сидят, и, если хочешь, я посажу их к тебе.

— Советую быть повежливее! Как бы тебя к кому-нибудь не посадили. Дожил до седины, а вести себя не умеет.

Гость вдруг сообразил, что продолжать беседу с дежурным в подобном тоне не следует. Глубоко вздохнув, он стукнул палкой о пол и, стараясь говорить спокойно, произнес:

— Я к начальнику.

Это был Ваню Кикилашвили.

— Не пропущу! — дежурный подошел к двери, ведущей в коридор, и запер ее на ключ, — вел бы себя по-человечески, пропустил бы. А теперь делай что хо-

чешь. Принципиально не пропущу. Иди и жалуйся. — Он уселся на свое место и, придав голосу официальность, крикнул: — Гражданин! Освободите помещение, пока вас не вывели силком! — и, понизив голос, многозначительно добавил: — Я покажу тебе, как нос драть.

Иного выхода не было, Ваню покинул помещение. Он вышел во двор и сел на скамейку в ожидании, пока какой-нибудь сердобольный сотрудник милиции по его просьбе не доложит о нем начальнику.

Через час он сидел в кабинете Кикнадзе и скороговоркой рассказывал о своих бедах. Он очень торопился. Начальник попросил его быть кратким, потому что должен был срочно ехать в управление.

— Может быть, мне не следовало приходить сюда и затевать этот разговор, — начал Ваню и, заметив, что внимание Кикнадзе полностью поглощено заголовком статьи в старой газете, висевшей на стене, постучал палкой о пол, — прошу вас обратить на меня внимание. Не смотрите в сторону. Уважьте старика. Я был у вас полтора месяца назад, 18 июня, по поводу ограбления, помните, наверное!

— Что значит «помните», батоно? — рассердился Кикнадзе. — Что значит «помните»?! В вашей квартире установлен «пост № 3» и, если даже мышь проскользнет туда, мне немедленно доложат об этом. Вы Иванэ Кикилашвили, проживающий по Гурамишвили, 11, не так ли?

— Вы прекрасно осведомлены, батоно. Дай бог вам здоровья, но я должен кое-что сказать, обязательно должен, иного выхода у меня нет. Я в ужасном положении, в таком, в каком никогда не был — а четвертого марта мне исполнится семьдесят три года. Меня превратили в посмешище, раздавили, уничтожили. Я устал. Мне и в первый раз нелегко было прийти к вам, с трудом решился, все боялся, как бы из огня да в полымя не угодить. Я не привык к такому, не умею жаловаться или шута горохового из себя строить. Я ваших сотрудников, они сами вам скажут, встретил тепло, как подобало. Выделил им комнату, постелил постели, ну, говорю, будьте молодцами. Эти молодцы до сих пор у меня находятся — Хускивадзе, Газаев и Гелантиа. Поначалу они показались мне неплохими ребятами, вежливыми, порядочными, вели себя хоро-

шо. В те дни меня, признаться, заботило другое. За деньгами-то должны были прийти на другой день, не так ли? Вот я и сидел в своей комнате, обливаясь холодным потом. Каково, а, приходит к тебе абраг (такова его профессия), а ты, Вано Кикилашвили, встречаешь его с тремя милиционерами. Заманиваешь мышь в ловушку. Продаешь его наперед, как овцу какую-нибудь. Но, благодарение господу, они не пришли. Ровно в два часа дня, вы, наверное, знаете, позвонили. Телефонный разговор, конечно, записывался на пленку, он вам тоже известен. Позвонили, значит. «Здравствуйте, дядя Вано, что там с нашими деньгами?». «Готовы, — отвечаю. — Вот они лежат, пожалуйста и забирайте ваши деньги».

Как меня научили, так и говорил, спокойно так, складно... «Ну, мы идем, — отвечают, — через полчасика будем у тебя. Только, ради бога, не задерживай нас, как в прошлый раз, у нас масса дел».

Разве переведутся дела у воров! Опять, наверное, собрались в разбой, одним словом, как вам известно, мы ждали их, но они не пришли.

На другой день часов в двенадцать звонят снова. Говорил тот, что первым вошел ко мне. Симпатичный такой парень, я еще тогда вам сказал. И этот разговор, безусловно, записан. Они извинились, естественно, за то, что вчера не смогли прийти, опаздывали, мол, на дело. И сейчас, говорят, все складывается так, что в твою сторону вряд ли попадем, поэтому, сделай одолжение, принеси нам деньги к мосту Бараташвили. «С удовольствием, — отвечаю (весь разговор записывается), — скажите мне точно, куда подойти, чтобы мы не разминулись». «Завтра в двенадцать часов стой под мостом Бараташвили с деньгами в руках, мы проедем на машине». Мы пошли, конечно. Все предупреждены, дороги перекрыты. Ваши ребята, вооруженные, — в засаде. Я стою на дороге с деньгами в руках, обливаюсь холодным потом. «Без стрельбы не обойдется, — думаю, — ну и попал в передрагу». Короче, вы знаете, что они и на этот раз не явились. С двенадцати до шести стоял я под мостом Бараташвили, ноги подкашивались от усталости и голода, но где воры!.. Вер-

¹ Абраг — бандит, разбойник.

нулись домой ни с чем. И в тот же миг зазвонил телефон. Звонил Бондо, ну тот, что понравился мне с виду, разумеется. Благообразная такая внешность и доброе лицо, так мне показалось, во всяком случае с первого взгляда, а так в том, что он вор и абраг, сомневаться не приходится. Звонит, значит, и говорит: — Извини, дядя Ваню, что ждать заставили. Я тут ни при чем, это приятели мои виноваты (все, естественно, записывается на ленту), я собрался идти, а они не пустили. Ты же знаешь наше дело. Ни минуты покоя. Придержи эти деньги ненадолго. Заверни в бумагу и спрячь в ящик. На днях я зайду к тебе и заберу.

И с тех пор никаких известий. Живем мы вместе — я и три ваших сотрудника — Хускивадзе, Газаев и Гелантиа. Своему врагу не пожелаю я такой жизни, какой живу эти полтора месяца, не зная покоя. Каково выносить трех бездельников в доме! Тут и порядочному человеку осволочиться недолго. А этим-то и подавно. Весь дом мне разворотили, батоно. Дом на дом не похож. Каково с утра до вечера стук нарди* слушать?! Хотя бы играли спокойно, так нет, стучат и гогочут. А еще поспорят о чем-то и начинают подушками швыряться. Не комната, а свинарник. А спорят-то все из-за ерунды, вчера, например, препирались по поводу того, кто научил человечество добывать огонь — наш Амирани или греческий Прометей. До драки дошло. Что мне делать, куда бежать, не знаю. Первые два дня вели себя, как ангелы: на цыпочках ходили. А сейчас уселись мне на голову. Ни во что не ставят. В жару затеяли обливаться водой, носились друг за другом по комнатам с ведрами в руках, квартира напоминала поле боя. Тут все, батоно, надо принимать в расчет. Не упрекните меня в скудости, но я человек хозяйственный, приношу с базара провизию, готовлю обед, и не могу же допустить, чтобы три голодных байбака мне в рот смотрели. Пусть я одинок, пусть не удалась жизнь, что поделаешь, но жить-то надо! Короче, хожу каждый день на базар, приношу продукты, готовлю на четверых. В кулинарии кумекаю немного, одним словом, принимаю гостей,

* Нарди — восточная игра, распространенная и в Грузии.

как могу. Одному мне много не надо, а тут от плиты не отойти, кастрюли только успевай чистить. Но ведь эти люди, думаю я, здесь ради меня, меня охраняют, и как это не уважить их. Все это, между нами говоря, расходов требует, мой дорогой, а деньги мы не с дерева срываем — ни вы, ни я. Вот и ушли все мои небольшие сбережения. Но и это ничего, вы должны посмотреть, как они куксятся, когда обед не слишком сытный. Не всегда ведь есть возможность купить то, чего хочется. Опустят носы и смотрят на меня так, словно я им должен, а отдавать не собираюсь. Вот так и живу, вконец затурканный. Оставим все, возьмем такую мелочь: раз десять просил их не курить — не выношу запаха сигарет. Вхожу в комнату, она вся в дыму, а они зажженные сигареты за спины прячут. Ну что им скажешь, они у меня дома — не оскорбишь ведь, но раза два, клянусь памятью отца, подумал: возьму палку и изобью всех троих. А вчера мои вору наконец позвонили, вы, наверное, знаете. Эта беседа тоже записана на пленку. «Ты, дядя Ваню, — говорят, — непорядочно с нами поступил. Мы доверились тебе, уважили, а как ты отплатил нам? В твоём возрасте с милицией связываешься? Если нас не боишься, побойся хоть бога». «О какой милиции речь, — отвечаю, — о чем вы говорите? Приходите и удостоверьтесь, что, кроме меня, никого здесь нет». «Полтора месяца у тебя живет опергруппа в составе Хускивадзе, Газаева и Гелантиа — разве не так?! Мы не ожидали от тебя такого предательства, не ожидали», — и повесили трубку. А теперь я спрашиваю вас: откуда вора́м стало все известно? Клянусь вам единственным сыном (он летчик у меня и каждый день над облаками), если я кому-либо что-то рассказывал, кроме вас. Соседи ни о чем не подозревают, а вора́м известны даже фамилии членов этой вашей группы. Тут что-то не так.

С меня довольно, товарищ Кикнадзе. Я выхожу из игры. Вору, по-видимому, оставили меня в покое, а ваших сотрудников я больше терпеть не собираюсь. У меня к вам просьба. Отзовите их назад, я вам очень благодарен за заботу обо мне, но я человек старый, нервы у меня расшатаны до предела, мне нужно отдохнуть.

Кикнадзе задумался. Раз десять машинально вывел свою фамилию на чистом листе бумаги, потом взглянул на Ваню.

— Номер вашего телефона?

— 2-26-83.

Начальник отделения набрал номер и произнес в трубку:

— Кто это? Позови Хускивадзе. Хускивадзе, постанулируется, через полчаса будьте на месте.

— Благослови вас бог, — Ваню Кикилашвили крепко пожал начальнику руку и, стуча палкой, вышел из комнаты.

* * *

Вечером он гулял в парке Ваке. Необыкновенное спокойствие овладело им, казалось, он освободился из плена. От сердца отлегло.

Возвращаясь домой, вспомнил мотив забытой песенки и уже никак не мог отделаться от него: «Кто на себе не испытал, тому все трын-трава...» Он напевал на улице, в лифте, напевал, вставляя ключ в замочную скважину. И только вошел в квартиру и собирался закрыть дверь, как кто-то вырос позади него и вставил ногу в дверную щель:

— Это я, дядя Ваню, я, Бондо!

— Я узнал тебя, — вздохнул Ваню.

— Может быть, вступишь, сядем, поговорим, если ты располагаешь временем, конечно.

— Заходи, пожалуйста, — у Ваню был вид побежденного, сложившего оружие человека.

...И они вошли.

А ДАЛЬШЕ!

В ТРУБКЕ раздался хриплый голос тещи:
— Слушаю.

— Это Важа. Передайте своей дочери, что я еду в Бакуриани и беру с собой ребенка. На двенадцать дней. Пусть оденет его потеплее и сложит чемодан. Завтра в девять часов утра я буду ждать его внизу, у подъезда.

— Погоди, она дома, спрошу у нее.

— А что там спрашивать?!

Ему показалось, прошла целая вечность, прежде чем в трубке снова раздался хриплый голос:

— Алло!

— Да...

— Важа, сынок, тебе трудно будет с Бату. Не дай бог, простудится, ты ведь замучаешься и ребенка замучаешь. Не знаю... Смотри сам...

— Обо мне не беспокойтесь. Передайте своей дочери, пусть сделает так, как я сказал. И не перегибайте палку. Вы что, хотите, чтоб ребенок окончательно отвык от меня?

Не дожидаясь ответа, он положил трубку.

Четыре года, как он разошелся с женой. И ни разу за это время не подумал о примирении. Он глубоко убежден, что их брак был ошибкой. Трудно даже сказать, по какой причине они разошлись. Однажды он сложил свои вещи в чемодан и ушел. Жена даже не удивилась. словно все шло, как положено. Этот день был подготовлен всем ходом их совместной жизни, и много конца они и не ждали. Важа не любил жену. Он понял это через неделю после свадьбы. В течение трех лет переламявал себя в надежде, что притерпится. Но тщетно. Все оставалось чужим для него в этом доме. И он ушел тогда, когда уже не мог оставаться. Осуди его весь мир, он и дня там больше не выдержал бы. Ничто не могло удержать его, даже двухлетний ребенок.

Бату с трудом тащил по мостовой большую дорожную сумку. Важа вышел из машины и поспешил ему навстречу. Подхватил одной рукой мальчика, другой — сумку.

Бату даже не взглянул на отца. Тыча пальцем в эмблему на парпризе, он спросил:

— Что здесь написано?

— «Саломон».

— Что такое «Саломон»?

— Фирма. Выпускает спортивный инвентарь, — он и сам понимал, что изъясняется слишком сложно для шестилетнего мальчика.

— Что такое фирма?

— Объединение.

— Какое объединение?

— Много дядей сидят вместе и изготавливают спортивный инвентарь.

— Что такое инвентарь?

— Лыжи, мячи, пижамы, санки.

— В Бакуриани мы будем ходить на лыжах Саломона?

— Да, не трогай. Испортишь.

Бату умолк. Стал развлекать себя тем, что дышал на стекло и рисовал голову человечка. Потом стирал, снова дышал и снова рисовал ту же голову с широкими четырехугольными ушами, прямым носом и точками вместо глаз.

В Гори они сделали остановку. Зашли в ресторан.

— Любишь шашлык?

Бату кивнул головой.

«Два года, как мы не виделись. Папой уже не зовет. Посерьезнел, изменился».

Мальчик отщипнул кусочек мяса и отодвинул тарелку.

— Не люблю шашлык, — он посмотрел отцу в глаза и для большей убедительности добавил:—Совсем забыл, что не люблю.

— Давай уговоримся: ты ешь все, что я тебе даю. Иначе у тебя не будет сил ходить на лыжах.

Бату нехотя снова принялся за кусок мяса. Когда они выходили из ресторана, Важа взял его на руки.

— Какой ты тяжелый!

— Я ем картошку, потому и тяжелый.

В машине он снял с него ушанку.

— Пипи хочешь?

— Да.

Он снова надел на него шапку.

— Беги вон к тому забору.

«Идет выпрямившись, мужским шагом. Ноги ровные. Красивый парень будет».

Бату подошел к забору. Задрав пальто, мучительно пытался расстегнуть брюки. Важа вышел из машины, подбежал к мальчику. Присев на корточки, стянул с него одну пару брюк, другую, третью...

Когда они выехали из Боржоми, Бату спал, положив голову отцу на колени. Важа осторожно вел

машину. Время от времени гладил сына по белокурым волосам.

Спящего на руках поднял в номер, раздел, уложил в постель. И когда накрывал его теплым пуховым одеялом, Бату открыл глаза и сел на постели.

— Приехали?

— Да, а теперь спи.

— А снег?

— Снегу много, спи.

— Покажи.

Он поднес его к окну и показал на утопавшее в снегу село.

— Теперь засни, когда проснешься, будем кататься на санках.

Он поднял в номер багаж, сел на постель. Вынул из сумки сборник рассказов Шукшина, стал просматривать оглавление. Выбрал самый маленький рассказ — «Микроскоп». Название, правда, не особенно ему понравилось. У Важа вошло в привычку с каждой новой книгой знакомиться с оглавления и, если это был сборник рассказов, начинать с самого маленького.

Важа осторожно перелистывает страницы и при этом смотрит на спящего сына: не разбудить бы. Рассказ увлек его. В один прекрасный день простой рабочий человек принес домой микроскоп и объявил жене, что получил его в качестве премии. Вся деревня узнала об этом. А человек после работы часами сидит за своим микроскопом, подсчитывая микробы в капле воды. Что он задумал, какое ему дело до микробов? Под конец выясняется: микроскоп он получил не как премию, а купил за сто двадцать рублей, отложенные на пальто для ребенка. Разгневанная супруга бьет мужа сковородой, а микроскоп возвращает в магазин.

Важа так понравился рассказ, что, не будь рядом спящего Бату, он расхохотался бы. Потом задумался и пожалел беднягу, которого жена отделала сковородой, а тому даже некуда было уйти. В худшем случае он напился бы и вечером вернулся бы к своей суровой подруге.

И таких мужчин немало.

К семи часам Бату проснулся. Они спустились ужинать в ресторан. Важа не любил останавливаться в бакурианской гостинице из-за ресторана. Часами

приходится ждать официанта; потом обязательно найдется кто-нибудь из знакомых, пригласит к столу, а там выпьешь, и на другой день голова раскалывается от боли. В горах действие алкоголя вдвое сильнее. Поэтому Важа поклялся себе в Бакуриани не брать в рот ни капли. И потому всегда возвращался отсюда поздоровевшим, полным жизни.

Держа сына за руку, Важа вошел в многолюдный зал. Они сели за свободный столик. К счастью, знакомых в зале не оказалось. После ужина Важа попросил на время у кого-то санки и прокатил мальчика вокруг села. В дороге поминутно оглядывался и спрашивал:

— Тебе не холодно? Хочешь, вернемся?

— Нет.

Отряхивая снег с сапог, они вошли в комнату. Щеки у Бату покраснелись.

— А теперь спать, хорошо? В котором часу мама тебя укладывает обычно?

— После «Спокойной ночи, малыши».

— Здесь у нас нет телевизора, а передача давно прошла.

— А как я засну без телевизора?

— Не беспокойся, я тебе сказку расскажу.

Он разул его, умыл.

— Что мама надевает на тебя на ночь?

— Угадай.

— Пижаму? — он вынул из чемодана голубую фланелевую пижаму.

— Нет.

— Это?

— Нет.

— Так что же?

— Длинную ночную рубашу, вот эту.

— Ладно, давай наденем ее и спать.

— Ты ляжешь со мной?

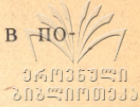
— Да, вот тут рядом.

— Мапочка ложится со мной. Почему она не поехала?

— Не знаю.

У Важа сжалось сердце, но мальчик больше не задавал вопросов.

— Тебе нравится школа, Бату?

Бату хлопает голубыми глазами, смотрит в по-
ТОЛОК.

— Да.

— Что лучше — школа или детсад?

— Садик.

— Почему?

— В школе нас не кормят.

— Вы уже большие, должны есть дома.

— А если хочется?

— Ну, если проголодался, в школе ведь есть бу-
фет.

— Откуда ты знаешь? Мамочка мне денег не да-
ет, говорит, я еще маленький.

— Я тебе дам.

— Когда? Тебя же никогда нет дома.

— Кто тебе сказал?

— Ну где ты, где ты спишь?

— Когда ты уходишь в школу, я прихожу с ра-
боты, потом снова ухожу на работу и возвращаюсь
поздно ночью, когда ты уже спишь.

— А где ты спишь?

— В соседней комнате.

— Ничего подобного. Там спит бабушка.

— Ну, мы и спим вместе. Я и бабушка. Как зовут
твою учительницу?

— Циури Ивановна.

— Хорошая она?

— Да.

— Красивая?

Бату засмеялся.

— Что ты говоришь! Разве учительница может
быть красивой?!

— Она не обижает тебя?

— Нет, только за ухо таскает, когда шалим.

Пауза.

— Расскажи мне сказку.

— Про Нацаркекиа?

— Нет, про мальчика с пальчик.

Важа начинает рассказывать сказку про мальчи-
ка с пальчик. Не забывает и о дэвах, человеке-чеви-
димке, волшебном зеркале, драконе. Рассказывает и
удивляется про себя, какой он, оказывается, хороший
сказочник.

— Это сказка про другого мальчика с пальчик.

— Про другого, но ведь хорошая?

— Да. Дальше, мамочка?

— Папа.

— Дальше, папа?

«Папа». Удивительное тепло разливается по всему телу Важа. Слезы подступают к глазам, комом подкатывают к горлу и звучат в голосе.

И Важа рассказывает про девятиглавое чудовище, про мальчика с пальчик, упавшего в пропасть, про спящую красавицу, старую колдунью, и постепенно дремота одолевает его, он путается, умолкает и прислушивается — заснул?

— Дальше, пап?

В полночь он проснулся. Взглянул на сына. Бату спал безмятежным сном, прижав пухлую ручку к груди, а другой ухватившись за край подушки. Он встал, поправил одеяло и долго, очень долго смотрел на спящего ребенка.

«Что я для него значу? Поймет ли он меня, когда вырастет? Почему так нелепо устроен этот мир? Вот я стою сейчас перед своим сыном и прошу у него прощения. Но ведь я не мог поступить иначе, и почему это должно было произойти?»

На другой день он купил мальчику лыжи и в три дня научил его ходить так, что Бату свободно спускался с середины Кохты. Впереди несся отец, за ним — шестилетний сын, расставив ноги, блестя глазами, ловя каждое слово отца.

Отдыхающие останавливались и с улыбкой смотрели им вслед. Он чувствовал, что им по-хорошему завидуют. А однажды услышал, как за его спиной сказали: «Вот это отец!»

Как быстро промелькнули двенадцать дней! Он почти не спал ночами, то и дело укрывая ребенка, но ни разу не почувствовал усталости.

Он раздевал его, одевал, умывал, причесывал, рассказывал сказки, и ему казалось, он мог бы заниматься этим всю свою жизнь.

И только по ночам им овладевала странная тоска. Слушая ровное дыхание сына, он думал о том, что это его чрезмерное внимание и любовь к Бату объяс-

няются желанием, хоть когда-нибудь заслужить сочувствие и прощение мальчика.

«Дальше, папочка?»

Будь у него десять жизней, он все десять отдал бы за эти слова.

Машина марки «Жигули» остановилась возле девятиэтажного, выкрашенного светлой краской дома.

Из машины вышел мужчина в полушубке. Обогнул ее, открыл дверцу, осторожно высадил мальчика лет шести. Затем подошел к багажнику, вынул оттуда большую дорожную сумку и лыжи. Помог мальчику водрузить их на плечо, а в свободную руку дал ему сумку.

— До кнопки вызова дотягиваешься?

— Да.

— Ну, будь здоров. Мы скоро увидимся.

— В школе или дома?

— В школе.

Он поцеловал его в глаза, лоб, нос, щеки, в потемневшую от загара ручку.

Когда машина тронулась, мальчик махнул ему рукой и что было сил крикнул:

— До свиданья, папочка!

Он с трудом тащил тяжелую сумку и лыжи к кабинке лифта.

В глазах его блестели слезы.

ЧЕСТНОСТЬ

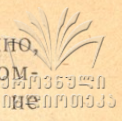
ПРАВО, не помню уже, кто мне сказал как-то, кажется ты: если всю свою жизнь говорить всем правду, несчастнее тебя человека не сыщется на белом свете: иногда от лжи бывает польза. Не знаю, не знаю, у меня так не получалось. Тогда и неправду, наравне с правдой, надо использовать как оружие. Вся жизнь проходит в борьбе с препятствиями — либо тебе повезет, либо нет. Люди так непохожи друг на друга. Один и в пустыне песок продаст, у другого даже вата гремит. Представь себе, в один прекрасный день все мы становимся чистосердечными, честными, говорим в лицо правду. Оцениваем друг друга по достоинству — кошмар, жди светопреставления! Чело-

век потеряет сон и покой. Сколько веков понадобилось ему, чтобы научиться скрывать свои чувства, научиться обманывать. Лживость — атрибут культурного человека, а то дикарь, хоть убей его, неправды не скажет. Просто не сможет.

Я, очевидно, родился на свет слишком рано или слишком поздно. Поверишь, не получается у меня думать одно, а говорить другое. Немедленно сам себя выдаю. Не знаю, может быть, таким воспитал меня, грешная душа, мой отец, или я просто таким уродился. Но кажется, стоит мне схитрить, весь мир об этом узнает. Я-то всем всегда верил, червь недоверия не так уж давно начал грызть меня. Разве это возможно, думал я, чтобы человек смотрел тебе в глаза и говорил неправду. Пусть меня окрестят наивным дураком, главное оставаться тем, кто ты есть, — человеком. Почему излишнее чистосердечие должно считаться глупостью?! Я расскажу небольшую историю о том, как однажды солгал и что из этого вышло. Не сидеть перепелу на дереве... По душе ты мне, вот я и рассказываю тебе: надеюсь, не посмеешься надо мной.

Когда в Сакарии произошло землетрясение, наш проектный институт командировал меня туда. Там действительно большие дела делались. Со всей страны съехались в Сакарию специалисты, чтобы помочь этому древнейшему и красивейшему городу. Мы жили в полуразрушенной гостинице. Кого только не было среди приезжих — врачи, бухгалтеры, каменщики, столяры, не говоря уже о строителях, инженерах, архитекторах, сейсмологах. Одним словом, кто чем мог помогал Сакарии.

Так вот, заказали мне проект бани. Поверишь, я от души взялся за дело. Хотелось спроектировать такую баньку, чтоб и в восточном стиле была, и землетрясений не боялась. Из гостиницы не выходил, день и ночь работал над проектом. Наша слабость, как тебе известно, в том, что стоит оторваться от семьи на три-четыре дня, как нас, будь мы в самом раю, уже тянет домой. К тому же при виде этих несчастных, оставшихся без крова, меня не покидала мысль о родном городе. Целыми днями я только и думал, а вдруг и в Кутайси землетрясение, а по ночам мне снился (вообрази!) разрушенный ломбард. Землетрясение

превратило город в развалины, в том числе, конечно, и ломбард; люди грабят его, тащут что попало. «Опомнитесь! — кричу я во сне. — Куда несете, это же не ваше! Нужда привела владельцев этого имущества в ломбард, а вы так низко пали, что обираете несчастных!» Но кто меня слушает?! Продолжают, растаскивать, и все тут.

Вот что я видел каждую ночь во сне. Всегда мне сны дурацкие снятся, снилось бы что-нибудь стоящее, ради чего не жалко трепать нервы. Так нет, мне, видите ли, обязательно надо тревожиться о проклятом ломбарде, да еще за две тысячи километров от него. Да провались тот, кто его выдумал!

Короче, ночами вижу разгромленный ломбард, а днем работаю над проектом бани и, чего скрывать, только о том и думаю, как бы поскорее убраться отсюда. Мне было сказано: сдавай проект, и ты свободен. К тому же, по правде говоря, и землетрясения боюсь. А вдруг повторится?! Или, скажу я тебе, кто-то в силах запретить ему повториться! Я поставил кровать посреди комнаты, меня научили — на случай землетрясения. безопаснее всего спать посреди комнаты. Выдаю себя, да? Но это ведь лучше, чем позориться так, как один журналист в те дни опозорился. Город наполовину разрушен, транспорт выведен из строя, электричества нет, население живет за городом в палатках, а он в вечерней газете пишет, что ущерб, нанесенный городу землетрясением, незначителен, что, идя навстречу пожеланиям трудящихся, исполком решил им жить в палатках за городом. И это еще ничего по сравнению с тем, до чего он договорился: оказывается, жаркое лето даже приятно проводить в палатках за городом. Ну, не абсурд?! Чего ты боишься? Скажи правду! Кому глаза замазываешь? Не ты же виноват, что землетрясение случилось. Со стихией церемонишься?! Хочешь убедить, что она для тебя не такое бедствие, как для других?! Жить в палатке за городом хорошо во время экскурсии, но когда дом твой разрушен, теща умирает в шезлонге, любимый кот пропал без вести, а табурет служит одновременно и обеденным столом, и туалетным столиком, я думаю (хотя, может быть, и ошибаюсь), ничего приятного и потрясающего в такой жизни нет.

Короче, на четвертый день моего пребывания в Сакарии, под вечер кто-то постучал ко мне. Я удивился: кому я понадобился в чужом городе. Открыл дверь. На пороге стоял худощавый человек с узкими глазами и плоским лицом. Подобного типа люди — всегда неопределенного возраста, но мне показалось, ему лет сорок, не больше. Сверкая белозубой улыбкой, он заговорил на ломаном русском:

— Вы грузин?

Я кивнул.

— Если можно, я зайду ненадолго. — При этом улыбнулся такой смущенной и жалкой улыбкой, словно просил о чем-то невозможном.

— Пожалуйста.

Он поблагодарил меня. Сел в углу и снова улыбнулся. Есть у нас такой грешок, мы почему-то думаем, что незваного гостя, да еще вдаль от дома, обязательно следует потчевать водкой, как будто он за этим и явился. Правда, нередко так оно и случалось, но на сей раз вышло иначе, и мне, надо сказать, стало стыдно. Специально для подобного рода гостей я захватил с собой бутылку бузиновой водки, а то мне самому она и как лекарство не нужна. Вынул, стало быть, я свою бутылочку, наполнил чайный стакан и тротянул гостю: угощайтесь, мол. Он, представьте себе, отказался. «Не пью, говорит, ни капли ни вина, ни водки, никак не привыкну и не пойму, как можно пить эту гадость, а иные-то с ума по ней сходят». Я поставил стакан на стол и с детским любопытством воззрился на него. «Зачем же он явился, если не пьет», — недоумевал я. Вообще-то ничего особенного в его визите не было: захотелось поговорить, вот он и зашел. Но, видимо, так уж неправильно устроены мои мозги, раз подумал, что обязательно какое-нибудь дело должно привести человека к человеку. По правде говоря, мне стало не по себе — не успел он войти, а я ринулся на него с водкой. Нет, не всегда мы бываем правыми перед нашими ближними. «Меня Мансуром зовут, — говорит он мне, — казанский татарин я, каменщик. Я здесь, как и вы, в командировке, живу через три комнаты отсюда, в 318-й».

Одним словом, мы с ним проговорили до глубокой ночи. Он мне о себе рассказывал, я — о себе. Хоро-

шим собеседником, между прочим, оказался. На дру-
гой день, часам к шести, он постучался ко мне и
в дверях же спрашивает, люблю ли я соловьиное пение.

Никто не задавал мне подобного вопроса. Я думаю, вряд ли найдется человек, который упустит возможность доказать свою музыкальность и романтичность и заявит, что не выносит пения соловья.

Я и сказал: обожаю.

«Ну, раз и вы — любитель соловьиных трелей, пошли в конец парка, к роще, ее зовут соловьиной, и вдвоем насладимся пением соловья».

Что ему скажешь! В рощу приглашает, соловьиною... Оставил я свой проект и пошел с ним.

Мог ли я когда-нибудь предположить, что этот каменщик с руками, как грабли, окажется до сумасшествия влюбленным в соловья. Два часа, затаив дыхание, сидел он на пне и слушал. Мне тоже было приятно, разумеется, но в течение двух часов слушать соловьиные трели — это уж слишком. Тем более, что он высвистывает всего четыре мелодии, а затем повторяет их, напоминая заевшую пластинку. Меня поразило не столько соловьиное пение, сколько покой, царивший вокруг. Такая идиллическая тишина стояла в роще, словно не то что стихийное бедствие, обыкновенный дождь и то не случается здесь.

Каждый вечер в шесть часов Мансур как по уговору заходил за мной, и мы отправлялись в соловьиную рощу. Я понимаю, он хотел уважить меня, доставить удовольствие — что может быть лучше этого, но, я уже говорил, меня ждали дела. До соловьиных ли трелей мне было?! Надо срочно заканчивать проект и убраться восвояси — разрушенный ломбард не давал мне по ночам покоя.

Дни напролет бегаю по совещаниям, вечерами забираюсь в гостинице, но только возьмусь за линейку — Мансур тут как тут. Мне порядком надоело соловьиное пение, но, как говорится, не давши слово, крепись, а давши — держись. Отступать — неловко.

Под конец я решил повязать горло и прикинуться больным, а когда он заявится вечером, сказать, что сегодня ему придется одному слушать соловьиный концерт.

Так я и сделал.

Увидев меня с повязанным горлом, он поблел: «Что с тобой случилось, вчера ты прекрасно себя чувствовал, какое несчастье на тебя навалилось?»

«По-моему, у меня ангина», — ответил я.

Он схватил меня за руку, усадил на стул, включил настольную лампу, попросил открыть рот и заглянул в горло. Свет был тусклый, и Мансур ничего не увидел. Это огорчило его, он покачал головой.

«Тебе нельзя работать, давай ложись, я сейчас вернусь», — приказал он мне, убрав со стола чертежные принадлежности.

«Не надо беспокоиться за меня, займись своими делами, а я поработаю немножко, там, глядишь, и лучше станет», — говорю я ему.

«Как это можно, с ангиной не шути, она страшна не сама по себе, а своими осложнениями», — с этими словами он выскочил из комнаты.

Через пять минут вернулся с пищевой содой и стрептоцидом. «Ложку соды раствори в стакане кипяченой воды и прополощи горло. А стрептоцид прожуй». В гостинице кипяченой воды не оказалось. Он сбегал в ресторан, принес оттуда. И волчком завертелся вокруг меня.

Родная мать так не ухаживает за сыном, как ухаживал за мной Мансур.

Казалось, он только и ждал подобного случая, чтобы показать себя.

«Ложись, укройся одеялом», — умолял он меня, а я, как капризный ребенок, упрямился. Он снова выскочил из комнаты и вернулся с горстью таблеток.

«Сперва эту выпьешь, потом вот эту, а потом эту...»

Ну и положеньице!

Только лекарств мне не хватало — я-то ведь как бык здоров. Вошел в ванную, бросил в воду две таблетки, остальные сунул под подушку.

Не прошло и полчаса, как начался поток посетителей. «Как наш больной... Нужно ли что-нибудь... Вы, вероятно, простудились, неплохо бы поставить горчичники...»

А Мансур вел себя так, словно в доме покойник, притом очень близкий ему. Открывал дверь посетителям, подавал стул, благодарил за внимание.

Что я натворил, разыграл настоящую клоунаду, как теперь быть?!

Еще нет и восьми, если мое лечение будет так прогресси́ровать, наутро я могу оказаться в больнице.

Проводив последнего посетителя, Мансур взглянул на часы и объявил: «Сбегаю за врачом, он, наверное, уже вернулся с работы».

Зная, что уговоры не помогут, я вскочил с постели, сорвал с горла повязку, оделся и категорическим тоном заявил Мансуру, что мы идем слушать соловья.

Мансур оторопело смотрел на меня.

«Чего стоишь, — крикнул я ему, — пошли, а то стемнеет, и мы опоздаем».

Он покачал головой: тебе, мол, нельзя, еще больше простудишься.

А я стоял и молил его пойти со мной в соловьиную рощу. Чего только не обещал я ему, лишь бы он согласился. И он, наконец, сдался, но с одним условием — я должен был повязать горло.

В течение последующих трех-четырёх дней соседи справлялись о моем здоровье, потом, видя меня на ногах, мало-помалу успокоились и справляться перестали.

А мы с Мансуром по-прежнему ходили слушать соловья.

КОМУ Я НУЖЕН...

ДИДМИЦЕЛЬЦЫ сразу заметили его, и внушительная толпа любопытствующих следовала за ним на небольшом расстоянии. Он был невысокого роста, в кожаной куртке и мятой выцветшей шляпе. Гости в селе Дидмица — явление обыкновенное, и если бы не странное занятие человека в шляпе, дидмицельцы давно потеряли бы к нему интерес. Незнакомец же, не обращая внимания на окружающих, был поглощен нумерацией столбов электропередачи. Выйдя из автобуса, он достал из кожаного портфеля мел и записную книжку, подошел к первому же столбу и вывел на нем цифру «35». Потом вынул авторучку и что-то отметил в записной книжке. Рабочий инструмент (мел, записную книжку, авторучку) он держал в правой руке. Каждый столб гость сперва рассматри-

вал издали, сощутив один глаз, нацеливался рукой, потом решительно направлялся к нему и ставил цифру.

Дидмищельцы окончательно убедились в тайственности его поступков, когда после цифры «39» на следующем столбе он вывел «221», затем почему-то последовала цифра «7», а столб на сельской площади, что возле клуба, получил номер «511». Тут Виктор Майсурадзе, работяга, специализирующийся на кукурузе, не выдержал, разорвал круг любопытных и приблизился к гостю.

— Издалека ведете счет этим столбам, батано?

Незнакомец поднял шляпу двумя запачканными мелом пальцами и взглянул на Виктора большими голубыми глазами. Чувствовалось, что он ждал вопроса, но не столь уж простодушного, поэтому серьезному ответу предпочел шутку.

— Если я скажу, что учусь считать на этих столбах, поверишь?

За спиной Виктора раздался безудержный дерзкий гогот.

Майсурадзе снял шапку, провел огромной ладонью по жидким волосам и в тон ему ответил:

— Нехитрое занятие нашли себе!

— Пока что не жалуюсь, — бросил незнакомец и направился к следующему столбу, стоящему у самых дверей колхозной конторы. Толпа последовала за ним. Шутливый тон знакомого придавал смелости дидмищельцам. Расстояние между ними заметно сократилось, а Виктор Майсурадзе следовал за знакомцем почти вплотную. Когда гость вывел на последнем столбе цифру «725», внезапно воцарилась тишина. Все поняли, что человек в шляпе не шутит. Изменившийся в лице Майсурадзе тревожно выдавил:

-- Простите нашу серость, батано, но...

-- Что «но?» — Незнакомец вынул обрывок бумаги, завернул в него мел и сунул в карман брюк; записную книжку и авторучку надежно спрятал в кожаный портфель и, отряхнув руки, пошел прямо на толпу. — Да будет вам известно, эти столбы временные! Деревянные столбы электропередачи устарели!

Он прислушался к тишине и продолжил:

— Гниют они. Мы должны их заменить. На днях привезем железные, поставим их, и будут они стоять и стоять, — он улыбнулся, сплел пальцы рук и с видом человека, весьма довольного сказанным, добавил: — Так будет лучше, не правда ли?

— Дай бог вам здоровья! — произнес кто-то.

Незнакомец улыбкой ответил на эту искреннюю благодарность. Улыбка у него была обаятельная. Невинная. Выражение глаз при этом не менялось, он улыбался не глазами — красивым ртом. На левой щеке у него был шрам, который улыбка делила надвое.

— А с этими столбами что собираетесь делать? — Виктор Майсурадзе был практичный человек.

Толпа вновь затаила дыхание. По-видимому, судьба столбов волновала многих.

— Я же сказал вам, мы заменим их на железные! — произнес незнакомец тоном учителя, недовольного своими непонятливыми учениками.

— Это-то мы уразумели. Но вот старые столбы куда денете? — почесал затылок Майсурадзе.

— Найдем им применение, — улыбнулся мастер по замене столбов электропередачи.

Колхозники как по команде уставились на столб, возвышавшийся перед конторой. Прямой, как стрела, смазанный мазутом, — превосходный материал для стропила.

Незнакомец, посчитав законченным вечер вопросов и ответов, собрался было подняться в контору, как кто-то остановил его:

— Может, продадите нам эти столбы, батоно?

Незнакомец остановился, внимательно посмотрел в замершую толпу и громко, словно декламируя, произнес:

— Как я могу продать вам эти старые столбы?! Если они вам так нужны, распределите между собой и забирайте даром. Но, — он поднял руку, успокаивая взрепевшую толпу, — с двумя условиями. Первое — во время распределения не скандалить, каждой семье — по одному столбу. Второе — до того, пока не будут установлены железные столбы и перемонтирована линия передачи, старые столбы не трогать!

Никто не поблагодарил его. Все как один сорвались с места и сломя голову помчались вниз по улоч-

ке. А незнакомец, подобно фельдмаршалу, стоял на лестнице, глядя вслед толпе, несущейся лавиной к ближайшему столбу. Первым до столба добежал верзилка в галифе и обхватил его руками. Это означало, что отныне столб принадлежит ему. Остальным ничего не оставалось, как бежать к следующему. Распределение столбов электропередачи происходило по закону джунглей: все решали сила и быстрые ноги.

Незнакомец поправил шляпу, еще раз взглянул с улыбкой в сторону охотников за столбами, покачал головой и стал подниматься по лестнице.

Подойдя к дверям кабинета председателя колхоза, он вдруг повернул назад и пошел влево по коридору. Навстречу ему спешила женщина с кувшином воды. Он остановил ее, протянул руку. Женщина, смутившись, вытерла правую руку о передник и ответила энергичным рукопожатием.

— Председателем у нас все еще Пармен, не так ли?

— Да, да, Пармен Какабадзе, — лицо уборщицы просветлело оттого, что ей задали такой простой вопрос.

— Он председательствует...

— Уже два месяца, батоно, он ведь на ферме работал, наверху!

— Вот проклятье! Из памяти вон выскочило, старею, старею.

— Ну что вы, батоно!

Она посмотрела вслед незнакомцу и решила про себя, что самое большее ему лет пятьдесят, а человеку в таком возрасте, да еще так хорошо сохранившемуся, рано думать о старости.

У председателя было круглое, как мяч, рябое лицо. Страдальчески изогнутые брови на гладком, без единой морщины лбу создавали своего рода треугольник. Буденовские усы браво тянулись кверху. Карие глаза смотрели кротко, но при этом он до хрипоты кричал на стоящего перед ним человека с большими ушами. Одурев от крика, тот втягивал голову в плечи так, что казалось, она уйдет под воротник ватника.

— Вы все одинаковы! Мне никто ничего не прощает! Хотите работать — работайте, нет — разойдемся по домам!

— Что нам делать? — робко спросила жертва.

— Мы должны раз и навсегда договориться, иначе ничего не получится.

— О чем договориться?

— А вот о чем. Когда меня вызовут и спросят, как идут дела, я позову тебя и спрошу, как идут дела! Когда меня вызовут и скажут: работай быстрее, я прикажу тебе: работай быстрее! Когда мне дадут выговор, я дам выговор тебе, когда меня будут ругать за плохую работу, я буду ругать тебя! — председатель постепенно повышал голос и на слове «ругать» встал из-за стола.

Гость немедленно сообразил, что эта интеллектуальная беседа вряд ли улучшит настроение председателя, поэтому убрал с лица дежурную улыбку и, протянув к нему руки, направился к столу.

— Мой дорогой Пармен! И опять я твой гость, но на этот раз хорошие дела привели меня к тебе, очень хорошие! А у тебя, я знаю, все в порядке, в столицу неплохие вести о тебе приходят. Клянусь детьми, очень рад за тебя! — залпом выпалил он, не давая хозяину опомниться. Он расцеловал его, повесил шляпу на гвоздь, провел пятерней по густым каштановым волосам, положил на стол свой портфель и защелкал замком — словом, произвел впечатление вполне делового человека.

— Каково мне среди таких вот! Если не стоишь над головой — никто не работает, не хотят! А наверху с меня требуют.

— Конечно, конечно. Ты по-прежнему требователен, мой Пармен, но трудолюбивых людей мало. Повсюду так. Я вот езжу, смотрю, везде одна и та же картина. Кто этот товарищ?

— Бригадир огородников. Так вот каждый день заставляешь лаяться. Вгоняет меня в гроб, а сам как кремень, — председатель не сводил глаз с незнакомца, сиюсь вспомнить, где и когда он встречал этого человека, но так и не вспомнив, разозлился на себя.

Обладая председателем феноменальной памятью, он и тогда не припомнил бы его, потому что видел незнакомца впервые. Гость уловил дымку неопределенности в голосе и во взгляде хозяина, открыл портфель, вынул бумаги и спокойно произнес:

— Боюсь, Пармен, что ты забыл меня. Я
Како Ратиани. Давненько мы с тобой не виделись. И
я, правда, высказал опасение, что ты забыл
но разве можно забыть нашу первую встречу, такое
редко бывает в жизни и запоминается навсегда. Это
был не просто ужин, это была клятва в верности и
братстве. В настоящее время я являюсь начальником
геологической партии. Здесь, в вашей деревне, у меня
будет штаб, думаю, мы не станем мешать друг другу.

По правде говоря, Пармен не слишком хорошо
представлял себе, что нужно геологической партии в
селе Дидмица, но, оказавшись перед фактом, согласо-
но закивал головой.

— Да, да, конечно. Голову положим, а поможем.
Что ищете у нас?

— Нефть ищем, Пармен.

— И думаете найти?

— Надеемся. По предварительным расчетам, дол-
жна быть нефть. Организуем поисковые работы. Най-
дем — хорошо, а нет — распрощаемся, и все тут.

— Хорошо, надеюсь, все согласовано там, наверху?

— А как же! Без согласования и утверждения ни
одна геологическая партия не приступит к работе.
Здесь тысячные затраты, мой дорогой, так что все
знают, все осведомлены, будь спокоен.

— От нас вам что-нибудь нужно? — подумав,
спросил председатель.

— Этого Како Ратиани тебе не забудет по гроб
жизни, — по выражению лица председателя гость
заклучил, что он забыл его фамилию, и деликатно на-
помнил ее, — до приезда людей и техники мне надо
провернуть подготовительные работы. Дорога у вас
никуда не годится. Мне понадобится твой «вилис»
ненадолго, рабочая комната и люди в помощь.

Пармен Какабадзе ответил решительным отказом.

— Нет, батона, это невозможно. Я всех уважаю,
всех люблю, но что не могу — не могу. О каких лю-
дях речь?! Я тут надрываюсь из-за недостатка рабо-
чих рук, сам ищу, кто бы мне помог. Ни на минуту
никого не могу оторвать от работы!

— А зачем отрывать? — вставил Како. — Если
в свободное от работы время человек заработает ка-
кую-то копейку, тебя от этого не убудет!

— У меня план, — понимаете, план!

— Ну и что? Он поработает у тебя и пойдет мой, так? И если потом часа на два займется делом, это уже тебя не касается! Причем никто не принуждает его работать даром, у нас ставки наивысшие!

— Не знаю. Ничего не знаю. Еще что? Машину? У меня один раздолбанный «вилис», день и ночь гоняю на нем вверх-вниз.

Начальник геологической партии улыбнулся своей магической улыбкой.

— А ты отдохни немного. Человек плечо подставляет другу, а ты машину жалеешь, палки мне в колеса вставляешь. В течение двух недель я получу три новеньких «вилиса». Даю честное слово, возьму и один «вилис» от имени нашего управления подарю вашему колхозу. Вот тебе моя рука, врать я не умею, так и знай. Что еще я просил? Комнаты для меня не найдется? И не надо, перебыюсь как-нибудь, если нет возможности...

Словом, они договорились. Новенький «вилис» сделал свое дело. Председатель обещал всестороннюю помощь. Одолжил машину, выделил рабочую комнату здесь же, в здании конторы, и временно (до того как придут палатки и финские дома, как сказал Како Ратиани) поселил его в своем доме Виктора Майсурадзе.

Виктор Майсурадзе был безмерно рад и воодушевлен тем, что ему доверили в квартиранты начальника геологической партии. В ту ночь в честь гостя хозяева закатали пирушку и основательно кутнули. Пармен Какабадзе оказался добродушнейшим существом. Его так очаровали непринужденные манеры и фамильярные шутки Ратиани, что, прощаясь, он обнял его и прижал к своей груди, не желая с ним расставаться, так что пять человек с трудом вырвали задохнувшегося гостя из железных объятий председателя.

* * *

На другой день, ранним утром, Како Ратиани с видом делового человека с неразлучным портфелем в руке шел по главной улице села. По пути он останавливался у столбов электропередачи и громко смеялся.

Цифры, проставленные им, оказались стертymi, а вместо них появились такие вот надписи, сделанные чернилами, тушью, мелом (а кто поработал и ножом): «Этот столб принадлежит Микеладзе Мурману», «Амберки Тадумадзе», «Севасти (сын)», «Марта Кебуладзе-Квеквескири», «Наташа», «Корнели Швангирадзе» и т. д.

У конторы стоял худой с тонкой шеей человек. Завидев начальника геологической партии, он бросился ему навстречу, правой рукой придерживая белую имеретинскую шапку, чтоб она не слетела с головы.

Догадавшись, что у человека дело к нему, Ратиани показал ему спину и быстрым шагом поднялся по лестнице. Тот последовал за ним.

— В чем дело? — не замедляя шага, спросил Како, давая понять, что очень занят и просит не отрывать его от дел.

— Я, батано, Саша Вашакмадзе. Вчера ездил в деревню к родственникам жены и прозевал свое. Пропал я!..

— Надеюсь, там все благополучно? — насупился Ратиани.

— Вы вчера столбы распределили, батано, и надо же было случиться такому, что именно вчера меня не было. Вот я и остался ни с чем.

— И это все? А я-то думал, бог весть что случилось, — успокоился глава геологов.

— И случилось, батано, конечно же, случилось, если кому и нужен этот столб, то только мне. Весной дом собираюсь рушить и новый строить. А столбы таким достались, на дрова ведь пустят такой прекрасный материал.

— Ничем не могу помочь, что есть, то налицо. Я и не вмешивался в это дело. Сами распределяйте — так и сказал председателю. Остальное меня не касается, — он подошел к двери своего нового кабинета, открыл ее и с таким мрачным видом вошел в комнату, еловно всю свою жизнь проработал в ней и она порядком ему надоела.

Саша Вашакмадзе следовал за ним по пятам.

— Вы должны мне помочь, батано!

— Как?

— Должны мне устроить один столб.

— Каким образом? По-твоему, у меня они есть, а я не даю, да?!

— Не знаю каким...

— Отнять у кого-нибудь и отдать тебе? Ты позволишь себе такое? А что скажет тот, кто оставил на столбе свое имя и фамилию? Что он обо мне подумает?

— Я ведь не за так, батона, — понизил голос Вашакмадзе.

— И тебе не стыдно? А ведь молод еще! Как ты смеешь предлагать мне такое! Продать тебе столб и положить деньги в карман. Почему ты решил, что я способен на это? Мое честное имя, чтобы ты знал, дороже мне всего на свете. В другой раз чтобы этого не было! Я прожил честную жизнь, ты меня пока не знаешь, но запомни, не перевелись еще на этом свете честные люди!

— Не обижайтесь! Что мне теперь делать, не знаю. На нет суда нет, вы только не сердитесь, — грустно проговорил Саша, еще раз взглянул на геолога и собирался выйти из комнаты, но Ратиани остановил его.

— Ты кем работаешь, парень?

— Механизатором.

— Образование высшее?

— Нет, — устыдился Саша.

— Очень хорошо. Оформлю тебя начальником отдела кадров, согласен?

— Меня не отпустят из МТС.

— И не надо. Работай и там и тут. Здесь немного работы будет. Собери мне народ. В неделю надо будет сладить дощатый мост у сихарулидзеvских ворот. Техника прибдет большая, а этот ваш разваленный мостик не выдержит. Обойди всех, кого знаешь, сообщи. Председатель в курсе. Он тоже там будет. Поработаем вечерами по два-три часа. За эти два часа каждый рабочий получит по двадцать рублей, а если будет стараться, то и по двадцать пять. Что, плохо? Никому не говори, но ты лично будешь получать тридцать!

— Хорошо, батона, когда привести людей? — Вашакмадзе не стал тратить время на раздумывание.

— Сегодня же вечером. Сперва расчистим дорогу, а то она никуда не годится. Беги сейчас, а ровно

в пять я жду тебя у моста. Пусть возьмут с собой заступы и лопаты.

Новоиспеченный начальник отдела кадров согласно кивнул головой.

— Погоди, — еще раз остановил его Ратиани. — В конце села, там, где наша дорога начинается... есть один столб... он, правда, к основной магистрали относится, ну да черт с ним, в конце концов выпрошу у начальника лишний железный столб. Надпиши свое имя и фамилию и забирай его. Только никому ни слова, слышишь? А то отбою не будет от желающих. Ну давай, беги!

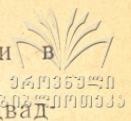
Саша Вашакмадзе, сорвав шапку с головы, счастливый сбежал с лестницы.

* * *

В селе Дидмица нашлось немало желающих заработать лишние деньги, тем более, что за час работы платили десять рублей. Саша Вашакмадзе привел около сорока добровольцев. В первый же вечер они убрали с моста сгнившие бревна и расчистили дорогу. На другой день, по настоянию Како, председатель колхоза выписал из районного склада аварийный лесоматериал для моста. В тот же день он был доставлен в Дидмица. А к концу недели через сихарулидзевский ручей перекинулся чудесный мостик. После окончания работ Како Ратиани записывал в тетрадь фамилии колхозников, ставил против них цифру «25» и заставлял расписываться. Прошло пятнадцать дней. Начальник геологической партии стал своим человеком в деревне. Его уважали, с ним считались. На работу по вечерам выходили с такой охотой, что Како нередко отказывался от услуг некоторых — «мне не нужно столько народу, будет перерасход». Потихоньку он распределял должности. Среди колхозников насчитывались уже три заместителя начальника геологической партии, четыре делопроизводителя, три землемера, шесть проводников-спасателей и четыре счетовода-уборщицы. Каждому из них в соответствии с должностью Како назначил зарплату, и немаленькую.

Авторитет Како Ратиани достиг кульминационной точки, когда бригада под его руководством закончила

ремонт дороги и приступила к строительству бани в центре села.

Энтузиазм трудящихся не имел границ. За двадцать дней иные работяги выработали до пятисот рублей. Когда речь заходила о деньгах, Како с удовольствием объяснял, что в середине месяца придет кассир и раздаст зарплату.

Прошло двадцать дней. Зарплаты не было видно. Среди штатных и нештатных сотрудников геологической партии возникли пересуды и подозрительное ворчание.

Однажды на сельской площади появились два тралера, груженные огромными трубами. Шоферы спросили начальника геологической партии — Ратиани. Како был в своем кабинете. Он вышел на балкон и, увидев трубы, гневно обрушился на них в чем не повинных шоферов. «Что вы натворили, для чего мне сорокадюймовые трубы, когда я выписал двадцатидюймовые. Раззявы, тоже мне работнички! Двадцать дней я кручусь здесь как белка в колесе, люди не покладая рук работают, а из управления до сих пор не соизволили кассира с деньгами прислать. Отправляйтесь немедленно и доставьте сюда материалы и людей. А в первую очередь кассира и три моих «вилыса». «Слушаемся, начальник, все будет сделано, начальник», — заверили его шоферы и повернули назад.

После этого никто уже не сомневался, что Како Ратиани действительно начальник геологической партии.

А спустя месяц после появления Како Ратиани внезапно исчез. Виктор Майсурадзе обнаружил на письменном столе письмо, оставленное квартирантом: «Большое спасибо за все, дорогие дидмицельцы. Видит бог, я люблю вас. Покидаю вас, поскольку близится время расплаты. А откуда у меня такие деньги. Я всего лишь неудачник, у которого не сложилась жизнь. Хотелось провести с вами месяц, ну и провел. А теперь пойду своей дорогой. Не ругайте меня, вы так бесхитростны и доверчивы, что у меня не хватило духу предать вас. Я ничего не украл у вас, ничего не отнял. Ваш Како Ратиани».

Через несколько дней на доске объявлений отделения милиции появилось фото Како Ратиани со сле-

дующей надписью: «Органами милиции разыскивается мошенник, проходимец и аферист, называющий себя Како Ратиани. Выдавая себя за начальника геологической партии, он знакомится с ответственными лицами, входит к ним в доверие и использует доверчивых людей в качестве бесплатной рабочей силы для выполнения различных негосударственных дел».

Вскоре после этого на сельской площади снова появились груженные трубами тралеры. «Мы из третьей АТК, — объяснили шоферы. — Возим трубы на строительство ГЭС. Недавно в дороге нас остановил какой-то мужчина и попросил свернуть в эту деревню. «Я встречу вас там, — сказал он, — отругаю. А вы выслушаете меня, кивнете головой и поедете своей дорогой. Я, ребята, побился об заклад, помогите мне выиграть». И сунул нам в карманы до десятке. Мы постеснялись отказать ему. Он показался нам серьезным человеком. В шляпе. Откуда нам было знать, что он мошенник».

Когда разъяренные дидмицельцы разошлись по домам, перед зданием конторы колхоза остались два человека. Они сидели на камне и курили.

Был тихий вечер. Откуда-то доносился звук патефона.

— Я вот что хочу сказать, — начал Виктор Майсурадзе.

— Что? — спросил Саша Вашакмадзе, бывший начальник отдела кадров геологической партии.

— Все вот кричат, какие деньги проел, пусть только попадется нам в руки — забьем камнями, ну, скажи, справедливо это?

— По-твоему, не проел, не заставил нас работать, как волов, в течение целого месяца?!

— О чем ты говоришь, Саша! Если и заставил, то опять же на себя работали: мост построили, дорогу отремонтировали, баню отгрохали — все для себя. Ему-то какая выгода от этого? Что он взял у нас??

— Взять ничего не взял, но как ты считаешь, что ему нужно было от нас? Думаешь, из-за моста и бани приехал он сюда черт знает откуда?

— Бог знает, что ему нужно было, но ругать его — нет, не заслужил он этого.

— А что заслужил. — благословения?

— Пусть каждый заглянет себе в душу и пошевелит мозгами. Чего тебе от Ратиани нужно, уже одно то, что дорога на дорогу похожа и я не утопаю в грязи, одно это чего стоит!

— Не знаю, не знаю, ничего не знаю, ничего не понимаю. Вот поймают его, наверное, он сам все объяснит, чего хотел от нас, почему приехал к нам, именно к нам, — растерянно произнес Саша.

— Может, это был бог, бог, понимаешь, а мы его не узнали. Сожрать захотели. Мы ведь это умеем! — усмехнулся Виктор.

— Скажешь тоже — бог. Не бог, а... — Саша Вашакмадзе встал, поправил накинутый на плечи пиджак и шагнул в темноту. Он пошел не домой, а к оклице села, где у самого поворота на шоссе стоял столб электропередачи. На нем белой краской было выведено: «Саша Вашакмадзе». Он спешил стереть эту надпись.

МАКВАЛА

ПРОЕХАВ Гудамакари, я вдруг почувствовал, что изрядно проголодался, но, как назло, не то что ресторана, ларька, и того нигде не было видно — словно земля их поглотила.

Наконец, потеряв всякую надежду встретить хотя бы подобие торговой палатки, у деревни Самеба я увидел дорожный знак с изображением ножа и вилки. Сердце мое забилося от радости.

«Не отпускай!» — гласила вывеска вдоль резной лестницы ресторана. Неплохое название придумано, ничего не скажешь. Я остановил машину, набросил на плечи шубу и поспешил к ресторану. Только открыл дверь, как у меня тут же упало настроение. В зале, красиво расписанном Кобой Вашадзе, не было ни души. Я отыскал буфетчика и бесцеремонно спросил:

— Что у вас есть?

— Нельзя сказать, чтобы мы были во всеоружии, но, если понадобится, все пойдем воевать, — не задумываясь, ответил буфетчик.

мываясь, бойко ответил худой усатый буфетчик, с трудом сдерживая улыбку.

Мне понравилась его шутка, но время ли было вносить иносказаниями!

— Я про еду спрашиваю.

— Еда у нас есть, батона, а чем еще другим заняты мы здесь, — и он протянул руку в сторону узкого, как на минарете, арочного окна, возле которого сгруппировались официанты.

— Ну, так за дело, где мне сесть?

— Где вам угодно, а я мигом обслужу. Ради вас, пожалуй, оленя на ходу подою. Такой стол накрою!.. Этого только не хватало, чтобы Какая Пественидзе стоял за прилавком и не знал, чем накормить гостя!

Он вмиг нарезал сыр, щедро разложил по тарелкам зелень и джонджоли, открыл холодильник, вынул оттуда длинные подносы с закусками. Все спорилось у него в руках, движения были ловки и точны, так что я не мог оторвать от него глаз. Хорошо, когда человек знает свое дело.

— Какая судьба занесла вас, имеретина, сюда, в горы Восточной Грузии? — спросил я его.

— Нашли чему удивляться, люди за рубеж едут работать, а сюда подняться — долго ли? В Грузии нет больших расстояний.

— Это верно.

— У меня знакомые ребята есть, так когда их здесь поприжали, они все бросили, уехали и устроились буфетчиками в других городах — туда письмо три недели идет. Что будете пить?

— Кахетинское, если есть.

Он улыбнулся.

— Я тоже, вроде вас, ничего, кроме кахетинского, не пью. Если пить, так только кахетинское, а ежели ты пришел на дегустацию, то выпьешь ли пару стаканов «Цицки» или «Цоликаури» — все одно.

Я поправил сползшую с плеч шубу и направился к ближайшему столику.

Окна ресторана выходили во двор, и в отдалении, у самого оврага я увидел два огромных мусорных ящика и старуху возле них. Я замер, не веря своим глазам: в одной руке старуха держала длинную сумку,

другой шарилла в ящике, что-то выбирала и прятала в сумку, которая наполовину уже была заполнена.

— Что она делает?

— Эй, Гвтисавар! — не отвечая мне, крикнул открытую дверь буфетчик, — опять Маквала роется в мусоре? Разве вы люди? Ничего вам не поручи! Позорите меня и только, да еще аппетит гостям портите!

Я оглянулся. В дверях стоял веснушчатый парень в белом переднике и улыбался.

— Она только вышла отсюда. Две тарелки харчо навернула и компот впридачу!

— Чего ж еще ей нужно, проклятой, что она там в мусоре ищет?!

— Ты что, Маквалу не знаешь? Я мигом!

Парень исчез, а Како Пественидзе повернулся ко мне.

— Если человек начнет побираться, конченное дело, его уже не отучишь. Я, как перебрался сюда, сразу эту старуху приметил. Ничего подобного у нас, в Имерети, быть не может, клянусь детьми. Что я вижу, подумал тогда, человек в поисках пищи роется в мусорном ящике?! Волосы дыбом встали у меня. Стал расспрашивать о старухе, мне сказали: одинокая она, живет над деревней, Маквалой зовут, никого у нее нет на свете, так вот и побирается. Сегодня, мне кажется, никто не умирает с голоду, и, по правде говоря, пропустил я здесьних, не стыдно, говорю, человека нужда заела, а вы равнодушно смотрите на это, вперед, говорю, как увидите Маквалу, зовите ее сюда, накормите, напоите и отпустите с богом. И чтобы, говорю, я этого больше не видел, чтоб человек в мусоре рылся. И вправду, как увидят наши работники Маквалу, тут же зовут в ресторан. Ежели мы одного-двух голодных не сможем накормить бесплатно, какое же мы заведение! Впрочем, ее и звать-то не надо, сама каждый день приходит. И как ее ни корми, сунет свой мешок под мышку и непременно обойдет мусорные ящики. Никак не отвяжется от своей проклятой привычки. Вы же сами слышали, что парень-то сказал: она только что вышла отсюда.

Я увидел в окно, как Гвтисавар подбежал к Маквале, почти с силой оторвал ее от мусорных ящиков и повел к воротам.

Настроение у меня испортилось. Я пообедал без аппетита. Вздремнуть в машине, как собирался до этого, не удалось. Сон не шел ко мне. Включил магнитофон в надежде, что музыка развеет меня, но увы. Тогда я вышел из машины, закрыл ее и стал подниматься в гору. Однако вскоре прогулка наскучила мне, я повернул обратно и снова очутился возле ресторана. Мысль о несчастной старухе не оставляла меня. Я понял, что пока не узнаю о ней все досконально, не уеду отсюда.

Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать, так у нас говорят. Я и решил навестить Маквалу. Буфетчик, узнав о моем намерении, сперва с подозрением взглянул на меня, затем позвал Гвтисавара.

— Это недалеко. У родника поверните направо. Езжайте все время прямо. Как доедете до места схода, там старики сидеть будут. Остановите машину. Оттуда и километра не будет.

— Моя машина поднимется?

— Отчего же нет. Дорога хорошая. Отсюда до дома Маквалы не больше трех километров.

И словно только сейчас задумавшись над тем, почему это я так подробно расспрашиваю его, веснушчатый парень оглядел меня с ног до головы и с улыбкой спросил:

— Вы родня Маквале?

Я кивнул.

— Сфотографировать ее хотите? — И он засмеялся.

Я не ответил. Спустился вниз по лестнице и, пока не отъехал от здания ресторана, чувствовал на себе пристальные взгляды Како Пественидзе и Гвтисавара.

Миновав деревню, я прошел немалое расстояние, прежде чем добрался до дома Маквалы. Он стоял над оврагом, в стороне от всего поселения. Читателю, вероятно, хорошо известны горские деревушки с домами, стоящими впритык друг к другу. Известна и причина такой их скученности. Кем был, хотелось бы мне знать, тот предок старухи, который рискнул отмежеваться от деревни и поселиться отдельно. Я говорю — предок потому, что дом был очень старый, сложенный

из сланца. Каменный забор вокруг дома оказался без ворот. Я позвал хозяйку. На мой голос появились четыре собаки. Остановившись в отдалении, они хотя залаяли, как мне показалось, скорее из желания проявить преданность хозяйке, чем испугать меня. Собаки смотрели на меня, потом поворачивались к дому и лаяли, равнодушно, без всякой охоты. Я позвал хозяйку три или четыре раза, но никто не отозвался. Так и не сумев заставить меня отказаться от намерения проникнуть в усадьбу и не дозвавшись хозяйки, собаки (обыкновенные дворняги), прижав уши, еще раз оглядели меня напоследок, и решив, по-видимому, что я не похож на злого духа, затрусили под навес.

Простояв некоторое время, я собрался было повернуть назад, но любопытство взяло верх, и я вошел во двор. На старой прокопченной двери дома висела подкова. Изнутри не доносилось ни звука. Я толкнул дверь, она со скрипом отворилась, и глазам моим открылась удивительная картина: старинная грузинская зала, куда свет проникал через отверстие в потолке, была полна кошек и собак: котят, щенят, взрослых сук, пятнистых кошек и котов с глазами рыси. В таком количестве я их не видел даже на выставках. Посреди залы на чурбаке сидела старуха и, шепча что-то ласковое и непонятное, кормила животных объедками из сумки. Вот, оказывается, почему она рылась в мусорных ящиках!

Я кашлянул. Все, кроме хозяйки, обратили на меня внимание. Оно выразилось в беглых взглядах, брошенных в мою сторону: дескать, мы тут важным делом заняты, не мешай нам.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул я что было сил.

Старуха, заметив настороженность своих подопечных, наконец оглянулась. Сморщенное лицо, потухший взгляд. А ведь глаза стареют последними. Маквала одряхлаела вплоть до глаз. Из-под платка выбивались пожелтевшие от грязи, щетинистые волосы. Она встала, пододвинула ко мне чурбак, и я понял, время согнуло Маквалу так, что ей уже не выпрямиться. Не отвечая на мое приветствие, она шуганула своих подопечных, вышла в кухню и вскоре вернулась, выти-

рая руки грязной тряпкой. Старуха не сводила с меня глаз.

Я произнес еще несколько безобидных фраз и, окончательно убедившись, что Маквала безнадежно глуха, вынул записную книжку и написал «Для чего вам столько кошек и собак?». Затем вырвал листок и протянул Маквале. Она и не взглянула на него, взяла листок и сказала:

— Читать не умею.

Эта женщина так и осталась бы для меня загадкой, не заговори она сама:

— Что тебя удивило, сынок? Моя старость или мои кошки с собаками? Да не будь их, хоть сейчас в могилу ложись. Что есть дом без мужчины да гора без травы? Они — моя забота. Зимой согревают меня, а летом помогают коротать бесконечные дни. Понятливы и послушны, как птенчики. Где еще ты видел таких дружных тварей? Они не обижают друг друга. Я их так вырастила, потому и не обижают. Все зависит от того, как вырастишь. Ты не думай, Маквала не полоумная. Видать, нездешний ты, так не дивись тому, что услышишь. На все воля господа. Эти вот руки семерых вырастили, но ни одного мне в живых не оставили ни человек, ни бог, ни бог, ни человек, будь благословенна их справедливость. Муж в ту войну погиб. Ушел — и как в воду канул. Ни слуху ни духу! Семьдесят лет прошло, свбей смертью уж помер бы. Трoих сыновей в эту войну потеряла, четвертый у Гудамакари вместе с конем со скалы сорвался, а жена его через неделю от родов померла. Пятого со всей его семьей тиф унес, шестой, он проводником альпинистов был, встретил свою смерть на Гергети. Тридцать лет уж прошло, а все не сыскали его, горе мне. Последыш на свадьбе друга гулял и пропал ни за грош. С той поры двадцать весен минуло, слышали, может, в перепалке человека из пистолета убили. Шутя убили, так

и писали в газете. По мне, что поймали убийцу, что нет — все одно, сына-то не оживить.

Так уж повелось, сынок, сыздавна: бог за человеком охотится, тиф за человеком охотится, лихо за человеком охотится — все враги жизни. Вот я и осталась одна. Раз подумалось мне, сколько на свете несчастных сирот, возьму одного, сердечного, и выращу. Но не решилась, сробела. Гробы, вынесенные из этого дома, вконец сгубили меня. С этими вот собаками да кошками я и отвожу душу. Их бог хранит. Ни тиф не берет, ни усобица. В походы и на сходки не зовут. Они более надежны. Надоело мне со смертью играть, на мертвых смотреть. Люди уходят. Потому что рождены для смерти, для горя рождены, для слез. Не думай, сынок, Маквала в своем уме. Правду говорит. Тебе легко и осудить меня и в обмане уличить. Пусть тот, кто пережил с мое, судит меня. Он знает, что такое смерть.

Больше ничего она не сказала: И, по правде говоря, что можно было добавить к сказанному? Какое-то время старуха смотрела на меня, потом повернулась спиной и засеменила к середине залы. Взяла в руки сумку, подозвала своих подопечных.

...Я спускаюсь к Пасанаури. Слезы застилают мне глаза, голова раскалывается от боли. В ушах все еще звучит голос Маквалы. А перед внутренним взором маячит одна и та же назойливая картина: из соседнего с нашим подъезда выходит бездетная супружеская чета. Муж поддерживает жену за локоть. В руках у нее белая, пушистая, кудрявая болонка. Никакой связи между этой парой и судьбой Маквалы я не вижу, однако стоит мне нащупать малейший намек на смысл в трагедии старой женщины, как тут же, словно по воле провидения, мысли мои путаются и снова возникает навязчивое видение: из подъезда выходит супружеская пара с холеной белой кудрявой болонкой в руках.

УДК 82.001.01

Мурлычук

ВАСИЛИИ любил свистеть. Другие тихо про себя, а Василий любил свистеть — негромко, грустно, непринужденно. Все в учреждении давно свыклись с ним. Как только Василий водружал на нос ветхие очки, надевал сатиновые нарукавники и вооружался счетами, сотрудники статистического бюро замирали в ожидании свиста.

Нет, главный бухгалтер свистел совершенно особенно. Это было своего рода пение, идущее от сердца, толковое, сдержанное. Когда Василий свистел, старые сотрудники знали — у главного бухгалтера все в порядке: зубы не болят, жена не жалуется на подагру, письмо сыну, находящемуся на военной службе, только что отослано и очередь за мацони сегодня утром была на редкость организованная.

Однажды в статистическое бюро заявился служитель сцены и направился прямо к Василию.

— Василий-батано!

У служителя сцены был энергичный голос несмотря на то, что он добровольно руководил шестью драматическими кружками в различных организациях и, кроме того, числился заведующим клубом Союза рыболовов.

Василий продолжал свистеть. Он не удивился приходу служителя сцены по той простой причине, что не был с ним знаком. И когда вновь прибывший представился ему, Василий засмеялся. Оказывается, до сих пор ему в своем бюро приходилось сталкиваться с людьми самых различных профессий, но визит служителя сцены был совершенно неожидан для него. Однако главный бухгалтер не выразил удивления.

— Только не отказывайте нам, Василий-батано. Завтра концерт.

Главный бухгалтер надел очки. Его смущало выражение мольбы на лице служителя сцены. Он ведь никогда не отказывался от билетов на самодеятельные концерты.

— Батоно Василий, вы должны нам помочь!

— Сколько?

— Один.

— Почему?

— Да я не о билетах говорю, в концерте надо принять участие.

Василий снял очки и сатиновые нарукавники. Как видно, дело обстояло гораздо серьезнее, чем он предполагал.

— Да, но что я должен делать?

— Свистеть.

— Что?

— Есть идея выпустить вас с художественным свистом.

Василий был заслуженным бухгалтером, он совершенно свободно оперировал десятизначными цифрами, но никогда не выступал не то что в концерте — на обыкновенном собрании. Сейчас же от него требовали ни много ни мало — художественного свиста на объединенном концерте самодеятельности.

— Откуда вы взяли, что я умею свистеть, да еще художественно?

— Мы все знаем. Не будь я уверен в ваших возможностях, не стал бы вас беспокоить. Притом ваше выступление придаст особый вес концерту.

Главный бухгалтер долго увиливал от прямого ответа, попытался обратить все в шутку: осталось мало времени до завтра, мол, не успею подготовиться к выступлению. Но убедившись, что служитель сцены говорил не просто от лица учреждения, но вообще от имени самодеятельных художественных коллективов

земного шара, посчитал, что отказываться оскорбительно для искусства, и покорно понурил голову.

Служитель сцены покинул статистическое бюро в приподнятом настроении.

А младшие и старшие бухгалтеры в течение остального рабочего дня грустно переглядывались и пожимали плечами. Василий не свистел.

Марта, супруга Василия, скинув шлепанцы и оставшись в шерстяных носках, встала на стул, приставленный к двери, ведущей в спальню, и заглянула внутрь. Хотя Марта уже не жаловалась на подагру, на бледном ее лице было написано отчаяние.

Супруг Марты, заслуженный бухгалтер, надежно заперев дверь в спальню, сидел перед зеркалом и свистел.

Свист для Василия всегда был делом второстепенным. Он свистел только в том случае, когда занимался какой-нибудь важной работой. А сейчас он не считал, не писал, даже газеты не читал, просто сидел перед зеркалом и свистел.

У Марты от страха дрожал подбородок, и это было вполне естественно.

Ведущий, молодой человек в черном фраке, бегом нес стул к роялю. Это был уже четвертый стул, который он ставил у инструмента, и на сей раз ведущий решил не сводить с него глаз до начала концерта. На что похоже, в конце концов, поведение иных зрителей: поднимаются на сцену, крадут единственный стул у рояля и тащат его в зрительный зал, вместо того чтобы всячески содействовать нормальному ходу концерта.

Ведущий спешил, концерт должен начаться точно в назначенное время.

— Товарищ...

Ведущий остановился.

— Мой номер, так сказать, в начале или в конце? Меня безусловно это интересует, поскольку я впервые... конечно...

— Что за номер? — вежливо осведомился у Василия молодой человек во фраке. Он, ведущий столь обширную программу, конечно, не мог знать в лицо всех участников концерта.

— Художественный свист, — застенчиво ответил старший бухгалтер.

Ведущий заглянул в свои бумаги, с сожалением покачал головой и, встретившись с тревожным взглядом исполнителя, спокойно ответил:

— Оставайтесь здесь, я вас вызову.

...И, чтобы развеять чувство неловкости, овладевшее им, распорядился поднять занавес.

Концерт начался.

Танец «Картули» сменился скетчем, за скетчем последовала песня в два голоса, вслед за песней — декламация.

Василий волновался. Поначалу он стоял за кулисами, стараясь оставаться незамеченным, затем стал ходить по пятам за ведущим, безмолвно напоминая о себе. Под конец, потеряв терпение, бросился к нему и дрожащим голосом спросил:

— А я... мой номер?

Машинально кивнув ему головой, ведущий, находившийся в крайней степени возбуждения, с развязной улыбкой вышел на сцену и объявил:

— Концерт окончен.

Затем, вернувшись за кулисы, поискала глазами исполнителя художественного свиста, чтобы принести ему извинения: «Программу сократили, и на этот раз вы уж нас простите», но главного бухгалтера нигде, не

было видно, и ведущий, по правде говоря, не стал
утруждать себя его поисками.

На другой день сотрудники статистического бюро в ожидании всяческих новостей сели за свои рабочие столы. И все шло бы своим чередом, если бы не пустующее почему-то потертое кожаное кресло старшего бухгалтера...

Перевод Лианы ТАТИШВИЛИ

* * *

На каком языке говорю?
 А молчу на каком? Не на том же?
 Вот и слово на мысль не похоже...
 Влажный огонь языка покорю.
 Прямо в синее пламя жил,
 Прямо в розовый рой присосков
 Кто молчание мне вложил?
 Пепел звуков и отголосков...
 Существуют же зов и зык
 У неназванной словом вещи!
 Здравствуй, самый отныне вещей,
 Мой родной, за зубами язык.

О РОЗАХ

На чашечку чая к себе затащу,
 С шутливой — влюбиться — угрозой.
 Вареньем из розы тебя угошу,
 Подаренным девушкой Розой
 И сваренным ею же... Там, далеко,
 Где розы растут и где Роза
 Живет среди роз, но не то, чтоб легко,
 Но все же не зная мороза.
 Ах, чаю горячего выпить скорей!
 А я все про метаморфозы,
 О том, что изнеженный вырез ноздрей
 От частого нюханья розы,
 И что аромат у мороза иной,
 Не ту вызывает щекотку...
 Но чайник кипит... И в другой, заварной,
 Кладу за шепоткой шепотку.
 И все говорю, говорю, говорю
 О розах: о розе и Розе...
 О том, что такого вовек не сварю
 Предмета поэзии в прозе.
 Но вот и заварен и чай, и горит
 В стеклянных розетках варенье...
 И роза в розетке сама говорит:
 Все Розе благодаренье!
 И благодарение ей, я не льщу
 Себя и надеждой на счастье...
 Я просто вареньем тебя угошу,
 Вареньем, подаренным к стати.
 Подарком оттуда, где только живи,
 Где розы... Но Роза живая
 Живет там, не то, чтоб не зная любви,
 Но лишь на любовь уповая.

...Что я жила над гнилью овощей,
 Над грязною и прибыльною лавкой,
 Над взвешиваньем, деньгами и давкой
 За свежими исходными для щей,
 Не понимая существа вещей,
 Так это правда...
 Правда, что рассол
 С цветами дрезовидного укропа
 Окрестным алкоголикам укропно,
 бесплатно разливался...
 И посол
 Страны нездешней
 Из окон упорно
 Гладел на этот странный произвол.
 И, может быть, ему была видней
 Оттуда нашей жизни мешанина...
 Его превосходительства машина
 Стояла у порога лучших дней,
 Какие знал старинный особняк,
 А ныне заняла его особа.
 Над гнилью овощей мы жили оба,
 Но он всегда вывешивал свой флаг,
 Внося тем самым небольшую ясность

О СТИХАХ АЛЛЫ АХУНДОВОЙ

ПЕРВАЯ книга стихов Аллы Ахундовой «Белый свет» вышла десять лет назад, в 1971 году. Помню, что ее выходу предшествовали наши надежды на благорасположение судьбы к стихам молодой поэтессы.

Тверской бульвар, 25 напутствовал свою выпускницу. Мой семинар долго вспоминал пристальную, ироничную, несловоохотливую Аллу Ахундову. Сейчас она — в числе преподавателей Литературного института. Прошедшие годы были заполнены работой над стихом — оригинальным и переводным, прозой, сценариями. Особую популярность получили книги Аллы Ахундовой для детей с их баснословными тиражами и вернейшими читателями-слушателями.

Сказать одним словом: Алла Ахундова — ярко оправдавшаяся наша надежда.

В предисловии к «Белому свету» я писал о том, что Алла Ахундова никогда не ставит под стихами даты и не обозначает места написания. Но все и без того ясно. Перед нами — современность, будущее, Россия, Кавказ. Образная ткань стихов состоит из льняных нитей срединной России и пурпурно-шерстяных нитей Кавказа. Пестрый, живой, запоминающийся узор.

Куда ни посмотришь, в стихах Аллы Ахундовой — зеленая, бегущая к небу равнина. Куда ни посмотришь — вершины гор.

В его к сей грязной лавке непричастность...
Что мы не кланялись друг другу, как друзья,
Так это тоже правда, но не вся!

КРЫМ

Светились горы из-за гор,
Как тело сквозь полуистлевшие
Одежды, к телу прикипевшие...
Шел о богатствах края спор.
В словах звучал восторг, напор...
Как тело сквозь полуистлевшие
Одежды, к телу прикипевшие,
Светились горы из-за гор.
Шел о несчастьях края спор.
Не слушая весь этот вздор,
Светились горы из-за гор.

* * *

Деревья в сумерки смолкают.
Они уже явление тьмы.
Но мыслью солнечной сверкают
Их помраченные умы.

Все знакомо. И обо всем сказано свежо, по-своему, как бы впервые.

Природа не ждет, когда ее опишет поэт. Она сама говорит о себе. Из объекта наблюдения она становится наблюдателем. И — творцом.

О деревьях: их «вздых внезапный не от ветра, на вспышку разума похож». Проникновенно! А может быть, и впрямь у корней и кроны «есть древесное сознание?»

О росте поэта говорит не только расширившийся тематический кругозор. Прежде всего это относится к душевному кругозору. Пережитое выразилось в стихе, запечатлелось в нем. И нет смысла в стихах Аллы Ахундовой прилагать анкету или автобиографию. По ее стихам прочитывается ее жизнь.

Но этого мало. За ее жизнью сквозит жизнь ее современников. И тогда творчество поэта обретает особую значимость. Алла Ахундова нигде и никогда не отказывалась от мощного лирического конденсатора, воплощенного в местоимении «я». Это не ячество, это не приглашение любоваться персоной автора. Это желание говорить с полной искренностью и полной ответственностью за свое слово. Таковы и ее переводы из грузинской поэзии. Запасники текстов у Аллы Ахундовой велики. Я прочитал ее большую рукопись. Вот некоторые извлечения из нее. Надеюсь, эти стихи заинтересуют читателя «Литературной Грузии».

Лев ОЗЕРОВ

Корней и кроны полушарья
Ствола соединяет мост.
Быть может, мыслит этот мозг
И есть древесное сознание?
О чем они хранят молчанье,
Оберегая тайну тьмы?
И дышат так же, как и мы,
Но только ночью, не случайно ль,
Что в новых сумерках рассвета
Их вдруг охватывает дрожь?
И вздох внезапный, не от ветра,
На вспышку разума похож.

* * *

Я все такая же! И мне не привыкать
Смотреть в окно, переживать невзгоды...
Какие непосевы и невсходы
В душе моей ты можешь потоптать?
Какой невозводимый в ней дворец
Ты можешь возвести или разрушить?
Ведь ты не сеятель, не зодчий, не кузнец,
Не швец, не жнец, ведь ты в дуду игрец...
Ну, так играй! А я умею слушать...

* * *

Все тяжелей во сне летаю,
Все ниже, ниже над землей,
И тенью собственной летаю
Прореху света под собой.
Но иногда еще я властна
И над землей легко парить,
И крепко сшитое пространство
Распарывать и вновь кроить,
И так с судьбой своей прекрасно,
Высокопарно говорить.

* * *

Я жилы порву,
А стихов не порву.
Я сердце сожгу,
А стихов не сожгу.
Чего не могу,
Уж того не могу.
Я в жизни солгу,
А в стихах не солгу.
Найдется, кому
Рвать в клочки и сжигать
И жилы, и сердце,
И эту тетрадь.

* * *

Всё, как всегда,
И привыкать не надо...
Чуть приоткроешь сердце —

И сквозняк.
Еще одна ступень во круги ада.
Все, как всегда,
И все-таки не так!

ХРАМ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

Пряник коричневый в белой глазури
Как на морозе грызу.
Охры, сиенны, кармина, лазури
Голод и гдлод в глазу.
Где ж по цветочку умеют соскучиться,
С тыквой рисуя табак?
Где же народу сбежаться да скучиться,
Если не тянет в кабаке?
В этом ли самом закругленном месте
Ряженой, пьяной земли
Семь женихов златоглавой невесте
Рот целовать не могли?
Ею ли зодчие были наущены:
Храму стоять на горбе!
Вот и юродивый, слюнка уж пущена
По шепелявой губе.
Вот и скуластый, читающий надписи,
Грамотный стал ротозей.
Ну-ка вот, выкуси! Выкуси, накося!
Храм это, али музей?
А из толпы воспаленно-утробное,
Все вопрошают, спешат:
— Где ж это лобное, лобное, лобное
Место, где казни вершат?
Сладостно знать, где другого замучили,
Лишь бы не здесь, не тебя...
Новых гостей выкликают заученно
Экскурсоводы, трубя.
— Что рукоплещете, рукополощете? —
Спросит старуха с клюкой, —
— Вот он стоит на заснеженной площади,
Словно блаженный какой!

* * *

Пока у вскрытых писем
Неясен адресат,
У нас не будет чисел,
У нас не будет дат.
Пока дележ на эры:
До нас и нас с тобой...
Не существует меры
И веры никакой.
Пока над Вифлеемом
Обычная заря,
Нет летоисчисления,
И нет календаря.

* * *

Задаешь ты, мой милый, задачу,
Что решай, не решай, не решить!
А решу — над ответом заплачу,
А ответ не такой, может быть.
Не смотри на меня с укоризной,
Не дается мне этот предмет...
Все сложилось и вычлось из жизни,
Но не сходится с жизнью ответ.

* * *

Ну, еще, еще, пока не смолк
Рев машины, вязнувшей в сугробе...
Ну, еще, еще, еще рывок,
И дитя не улежит в утробе.
Ну, еще, еще хоть пару строк,
И воскреснет слово, а на гробе
С образом нетленным площаница..
Ну, еще, еще одна страница!
Но с бумаги стали исчезать
Буквы и слова мои бесследно...
И бумага чистая надменно
Предлагала заново начать:
— Ну, еще, еще, пока не смолк
Голос твой, и помни, близок срок.

ПЕРЕВОДЫ НА РОДНОЙ

Белогорье... Черногорье...
В сизой дымке Старый Крым.
Не бывает белым горе.
Не бывает черным море,
А бывает голубым.
Все бывает, говорим.
Говорим и называем
Черным море оттого,
Что не ведаем, не знаем
Первоимени его.
И упорно переводим
Черногорьем — Карадаг...
Переводим, как низводим,
Сводим все на нет... И так,
На иной язык и земли
Переводится народ.
Ах, не тем ли, ах, не тем ли
Своеволен перевод,
Что становится ничейным
Этот, в сизой дымке Крым,
Или этот дым вечерний,
Не становий,
Не кочевий,
А фабричный, желтый дым...

В белой гари Белогорье.
В черной гари Карадаг.
Не бывает белым горе,
Но еще бывает так,
Что не радует свобода
Там, где слов не нахожу,
Где обратно с перевода
На язык перевожу,
Чтобы ропот вод бунтарский,
Этот холм и эту падь,
Это море по-татарски
Говорящее понять.
А оно слезой соленой,
Зорче глаза стрекозы,
Камень гранит воспаленный
До прозрачности слезы.
Берег в возгласах и криках,
Берег в каменных слезах,
Халцедонах, сердоликах,
Крепко сжатых в кулаках.
И туманят людям взоры
Эти слезы, как свои.
Не бывает белым горе,
Не бывает черным море,
Как его ни назови..
Но опять вокруг другие
Месяц — «Ай» зовут луной..
Ах, какие дорогие
Переводы на родной!

ЛИАНА ЛОРДИА — Повесть

ВОТ уже целую неделю, не переставая, идет снег. Деревья оделись в снежный наряд, земля набухла и отяжелела. Белые хлопья, резвясь и играя, падают на землю.

Опустела сельская дорога, лишь изредка нарушают тишину торопливые шаги случайного прохожего. Мне стало грустно, я подошла к окну и увидела своего мужа, который, стоя на лыжах и перекинув через плечо ружье, звал гончих.

— Куда собрался? — спросила я.

— Пожелай удачи, Лиана, — ответил он и, не торопясь, двинулся к тропинке, ведущей к лесу.

Среди светлых имен женщин-писательниц Грузии нельзя не вспомнить выдающуюся поэтессу и писательницу Сафо Мгеладзе, 85-летие которой отмечалось не так давно. Грузинский народ, история которого не забывают тех, кто достойно выполнил свой гражданский либо писательский долг, не пожалел сил и энергии и вложил свой, хотя бы небольшой, кирпич в величественное здание грузинской культуры. В числе этих людей можно назвать Сафо Мгеладзе.

Она прожила интересную творческую жизнь и оставила последующему поколению немало интересных книг. Это был весьма романтически настроенный человек, и, естест-

венно, в ее произведениях чувствуется эта романтическая взволнованность.

«Я всегда ощущаю себя в бурном море, всегда нахожусь на гребне штормовой волны» — эти слова как нельзя лучше выражают духовный мир писательницы.

Самый тонкий и взыскательный читатель — это молодежь. И сейчас смело можно сказать, что Сафо Мгеладзе покорила сердца молодых читателей своего времени.

Большое признание писательнице принес ее первый роман «Лиана Лордиа». В нем она попыталась передать духовный мир художницы, творческую радость либо печаль и неизбывное стремление к прекрасному и доброму, со-

Мне не понравилось, что он в такую погоду собрался на охоту, но я ничего не сказала, заранее зная, что он ответит.

Мне было 18 лет, когда Арчил, уже пожилой человек, агроном по образованию, женился на мне. Хотя с тех пор прошло несколько лет, он продолжал ко мне относиться как старший к младшей, как взрослый к ребенку. Конечно, такое отношение было не совсем приятно мне, но это чувство сглаживалось его преданной любовью, которую я ощущала на каждом шагу. Он приобрел в этом пустынном уголке большое поместье и так организовал его, что подобное едва ли можно было встретить во всей Грузии. Правда, я была оторвана от города, от общества и развлечений, но не особенно страдала от этого. Я любила уединение, деревенская тишина и покой помогали мне в работе и питали мою фантазию.

В художественной школе я считалась способной ученицей, и хотя мне вскоре пришлось бросить учебу, писать я не перестала, и репродукции моих картин нередко печатались в различных журналах.

Я любила свою работу, благодаря которой забывала о духовном одиночестве, нередко овладевавшем мною.

Вот и сейчас грустные воспоминания, словно туман, окутали меня, и я, как всегда в такие минуты, направилась в рабочий уголок и только успела повернуть мольберт, как открылась дверь и в комнату вошел ты, незнакомый высокий брюнет в папахе и бурке, запорошенной снегом.

ставляющее смысл жизни творца.

«Лиана Лордиа» относится к жанру лирической прозы. От начала до конца роман пронизан чистой романтической страстью к прекрасному.

Молодая художница ищет в человеке душевную чистоту и доброту, но очень часто во круг, в среде обывателей, не находит понимания и сочувствия, и в этом аспекте она вы гглядит даже трагической фигурой. Она чувствует веяние новой жизни и в то же время видит, что в людях осталось много от старых обычаев и взглядов, что на женщину они смотрят как на предмет для развлечения. Лиана задыхается в кругу провинциальных донжуанов, не понимающих ее стремлений к идеалу. И это несоответствие между дейст-

вительностью и идеалами и есть основная причина драматической напряженности ее жизни.

Роман Сафо Мгеладзе воз величивает искреннюю любовь, рыцарскую самоотверженность и чувство нерушимой дружбы. Это гимн чистой любви, воз вышенным чувствам, чести сти и искренности.

Может быть, в произведе ниях Сафо Мгеладзе нынеш ний читатель усмотрит неко торую наивность, но никто не усомнится в ее таланте, в том, что она любила все пре красное и нежное. И все это она попыталась передать в своих книгах. И именно поэто му у нее есть право вновь предстать со своей книгой пе ред советским читателем.

Георгий НАТРОШВИЛИ

— Простите за неожиданное вторжение, клянусь — это произошло не по моей вине. Я иду из ближайшей деревни, моя лошадь увязла в снегу, и я еле добрался до вашего дома, — сказал ты, скинул бурку и сделал несколько шагов в мою сторону.

— Милости просим, — ответила я совершенно спокойно, подвигая стул к горящему камину.

— Разрешите представиться, уважаемая Лиана. Я — Тамаз Зурабидзе и еще раз покорнейше прошу не принимать за дерзость мое неожиданное появление.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросила я удивленно.

— Я знаком с вашими картинами и несколько раз видел вас в городе.

— Я тоже читала ваши статьи. Вы, кажется, занимаетесь публицистикой?

— Иногда, от скуки. Можно посмотреть ваши рисунки? — спросил ты. Получив разрешение, взял альбом и стал внимательно его рассматривать. Тишину нарушало приятное гудение огня. Ты молча листал альбом, и у меня было достаточно времени, чтобы разглядеть тебя. Зачесанные кверху черные волосы не закрывали широкого лба, а тонкие черты лица не смягчали чувственного очертания губ и того огня, который исходил из твоих глаз.

— Мне очень нравятся ваши «Сельские дети», «Самотверженность», «Слезы», в них есть чувство, красота, талант художника.

— Благодарю за похвалу.

— Нет, это не похвала. Я люблю говорить об искусстве беспристрастно и поэтому не могу высоко оценить вашу «Первую любовь», это — слабая картина.

— В чем же заключается ее слабость?

— А ну, взгляните на женщину в белом, она стоит в уединении и с гордо поднятой головой, равнодушно смотрит на молодого человека. Он же словно чувствует это и не может приблизиться к любимой женщине.

— Там, где вы видите равнодушие, кроется застенчивость и сдержанность, — ответила я насмешливо.

— Между вами и этой картиной большое сходство. Ваши глаза смотрят так же холодно и гордо, и вся вы такая же далекая и неприступная, как женщина на этой картине. Но вас не удивляет, однако, что я, почти незнакомый человек, так много позволяю себе?

— Напротив, мне нравится ваша смелость, продолжайте.

— Я хочу задать вам один вопрос.

— Пожалуйста.

— Любили ли вы кого-нибудь?

— В том смысле, в каком вы спрашиваете — никого. У меня есть муж, он мой большой друг, но...

— Дружба мужа и жены похвальна лишь тогда, когда она является следствием любви.

— Я люблю его.

— Верно, но эта любовь настолько бледна и обыденна, что не может вызвать порыва, вдохновения. Если художник сам не прочувствовал и не пережил глубокого чувства, он никогда не сможет передать его. Если вы хотите стать длинным художником, вы должны полюбить.

— К сожалению, я не могу принять вашего совета.

— Почему?

— Потому что герой моей мечты еще не родился. Вы правы, художник должен сам испытать то или иное чувство и, уж конечно — любовь. Я верю, что Беатриче вдохновила Данте на «Божественную комедию», а Руставели вдохновляла царица Тамар, когда он писал свою бессмертную поэму. Любовь возвышает. Да, любовь возвышает каждого, имеющего тонкую душу. Я не отрицаю, это чувство красиво. Но если в любви побеждает голая чувственность, там не может быть ни красоты, ни творчества.

— Чего же вы требуете от героя вашей мечты?

— Искренней любви, рыцарской преданности, сочувствия и дружбы, но он не должен требовать от меня физической близости. Страсть, чувственность не присущи истинной любви, и нежная фея любви оставляет того, кто уродливой страстью оскорбит ее чистоту.

— Да, такая любовь под стать только творцу. Правда, это редкое явление, но есть и любители редкостей.

— Вы не станете смеяться над таким человеком?

— Напротив.

— Так дайте же вашу руку. Я искала такого человека, ждала его, я полюблю вас...

— Ах, — воскликнул ты, вскочив со стула.

— Одну минутку, сударь, вы забыли, о какой любви шла речь...

— Нет, но и это для меня большое счастье. Вы, как ангел, раскрыли двери жизни и как наивный ребенок ищете чистоту и прекрасное, — сказал ты и прижал мою руку к груди. В твоих черных глазах страсть вспыхнула искрящимися огоньками, которые обжигали меня.

— Мне не нравятся ваши глаза, Тамаз, вряд ли вы сможете стать моим другом, — сказала я с обидой и отдернула руку.

— Я, только я смогу растопить лед, сковавший вас. Я должен зажечь в этих глазах такой же огонь, какой горит сейчас во мне, это не должно пугать вас. Лиана. Я буду так далеко от вас, так далеко, что никогда не оскорблю вас грубым прикосновением. Вы верите мне, Лиана?

— Я хочу верить, Тамаз.

— А сейчас до свидания. Мы еще встретимся, — сказал ты, простился и вышел.

Я проводила тебя до дверей. Ты обернулся, многозначительно посмотрел на меня, загадочно улыбнулся и ушел.

Я вернулась в комнату, села перед камином и стала смотреть на пылающий огонь. В эту минуту я и сама была охвачена таким же огнем...

Прошел год. Я жила в том же городе, что и ты, это произошло совершенно случайно, и ты почти каждый день заходил ко мне. Приносил книги, газеты, новые журналы. Вскоре для нас стало потребностью быть вместе, рассуждать, спорить, а иногда и...ссориться. Мне не нравились некоторые твои взгляды и мысли, а порой наш спор настолько обострялся, что мы уставали, и в конце концов ссорились как малые дети. Ты был сдержан, но иногда в тебе с такой силой вспыхивала любовь, что я трепетала, как птица, попавшая в силки. Я видела, что наша дружба принимает иной характер, сознание этого сильно мучило меня. Чем дальше, тем все сильнее беспокоило меня это чувство. Вот и сейчас ты сидишь в моей комнате и весело говоришь о предстоящей поездке. Ты собираешься ехать в Аджарию осматривать развалины крепостей и храмов древней Грузии. Обещаешь привезти много интересного.

— Как долго продлится твое путешествие?

— Дней двадцать — двадцать пять, разве это много?

— Много, очень много.

— Капризный ребенок, когда я здесь, ты ссоришься со мной, сколько раз ты говорила: уходи, надоел своей болтовней, а сейчас, когда мы расстаемся всего лишь на несколько дней, ты недовольно опускаешь глаза, а губы твои уже не улыбаются.

— Я всегда такая, Тамаз.

— Нет, не всегда. А я такой эгоист, что страшно рад этому. Я скоро вернусь, но в мое отсутствие ты должна думать только обо мне.

— Это не обязательно.

— Что не обязательно?

— Думать о тебе.

— Почему?

— Потому что...

— Никаких оправданий... Я знаю, ты будешь думать обо мне, будешь думать утром, в полдень, вечером, одним словом, все время.

— Да, если не будет другого дела... Ты ведь знаешь, я хочу закончить новую картину.

— На которую не разрешаешь смотреть?! И поэтому всегда запираешься в своей рабочей комнате. К чему это упрямство? Ведь должен же я увидеть ее в конце концов.

— Увидишь, когда закончу.

— Ладно. Придется подождать, иного выхода нет. А тебе я хочу оставить вот эту золотую вещицу. Она очень дорога мне, и мне не хочется брать ее с собой. Спрячь, храни ее, и при этом внимательно присмотришься, что в ней оригинального и необыкновенного.

Ты положил на стол золотые наручные часы, несколько раз с жаром поцеловал мою руку, заглянул мне в глаза и вышел.

Я закрыла дверь. Проходя мимо зеркала и невольно посмотрев на себя, я обнаружила новое выражение в своем ли-

це. В глазах залегла задумчивость, грусть, на лбу появились две морщины.

Я отвернулась, лениво опустила на кровать и листать книгу, но читать не могла.

Нечаянно коснувшись рукой твоих часов, я вздрогнула. Взяла их, перевернула и на крышке увидела надпись — «Лиана», а внизу — дату нашей первой встречи. Больше ничего я в них не обнаружила. По-видимому, эту надпись ты имел в виду, говоря об оригинальном и необыкновенном. Меня удивило другое: каждое прикосновение к ним вызывало во мне непонятный трепет, как будто я касалась живого существа. Мне стало трудно дышать, я открыла дверь и вышла в сад. Незамеченной прошла мимо друзей и знакомых, отыскала укромный уголок и села на скамейку. Музыка играла что-то грустное и я перенеслась в прошлое. Вспомнилось детство, родители, школа, разочарования, духовное одиночество, и мои глаза невольно наполнились слезами. Стало грустно... Среди моря людей я чувствовала себя одинокой. Еще некоторое время я слушала шелест ветерка, затем встала и медленно направилась домой.

Луна наполняла комнату фантастическими картинами, в зеркале отражались тяжелые ветки сирени, куст которой цвел у меня под окном. Я застыла в каком-то оцепенении, глубоко вдохнула льющийся в окно весенний воздух, разделась и собралась было уже лечь, как вдруг краска залила мое лицо и я стыдливо прикрыла грудь руками. Мне показалось, что в комнате, кроме меня, был еще кто-то, кто следил за каждым моим движением. Но я тут же отогнала эту нелепую мысль. Поспешно легла в постель, повернулась на бок и внезапно увидела часы, лежащие на столе...

Охватившее меня непонятное чувство погрузило в конце концов меня в дремоту, и когда я заснула, мне снились высокие горы, сосновый лес, журчащие ручейки, черноглазый юноша и часы... Твои часы...

— Вот твои часы, возьми их и уходи, — сказала я, когда ты вернулся из путешествия.

— В чем дело? Разве мои часы обидели Лиану? — весело спросил ты, удобно устраиваясь на диване.

— Обидели, да, обидели. Ты велел им наполнить мою комнату фантастическими картинками, а мое сердце — смутными желаниями. В течение двадцати дней своим бесконечным тиканьем они рассказывали мне историю твоей жизни. И сейчас продолжают этот рассказ, нарушая тем самым мой покой. Прошу, заведи их как можно скорее.

— Отныне я со своими часами буду приходить сюда каждый день, и мы никогда не покинем тебя.

— Допустим, я не разрешу этого.

— А я и не прошу разрешения. Молча войду, поздороваюсь и молча буду наблюдать за каждым твоим движением, за выражением твоего лица.

— Что же ты узнаешь этим путем?

— Я узнаю, куда стремится твоя душа, куда несется твоя мысль, кого любишь или собираешься полюбить...

— Я никого не люблю и не собираюсь полюбить.

— Но я хочу спросить у тебя: кто я? И что ты обо мне думаешь?

— Ты мужчина, Тамаз, мужчина с низменными мужскими инстинктами, которые сковывают тебя и не позволяют высизиться.

— В мужчине ты ищешь друга, а его мужская природа пугает тебя. Неужели ты можешь увлечься мужчиной, у которого нет ни страсти, ни энергии?

— Всякая ненормальность вызывает жалость и отвращение, и с таким человеком, конечно, было бы неинтересно. Я бы хотела, чтобы в моем друге, наряду с мужской природой, я видела бы благородные стремления, высокие идеалы, большую духовную силу.

— В течение года не было секунды, когда бы я плохо относился к тебе, чем-нибудь обидел бы тебя. Если ты помнишь что-либо подобное, скажи мне. Знаешь, как оскорбительны твои слова?

— Нет, Тамаз, ты никогда не обижал меня, всегда был вежливым, добрым, воспитанным, но...

— Продолжай, я должен знать, что скрывается за этим «но».

— Ты никогда не чувствовал моей печали, не заглядывал в мою душу, не понимал, что происходило там. Сколько раз в душевном одиночестве я проливала горькие слезы, а сколько раз я плакала без слез, но ты этого не чувствовал. Настоящий друг поймет душевные тревоги ближнего и постарается облегчить его страдания.

— А если я не знаю причины грусти моего друга, если он не делится со мной своими переживаниями?!

— Это объясняется слабостью твоих чувств.

— Я спустился с неприступных вершин жизни для того, чтобы оторвать твою странствующую душу от земли и с драгоценной ношей вновь вернуться в свои владения. Ты не знаешь меня, Лиана, не знаешь! — с упреком сказал ты, и в твоих глазах я увидела грусть.

— Мне нужен еще год.

— Длинный, бесконечный год...

— Тамаз, ты забываешь обещание, которое ты дал в первый день нашего знакомства.

— Я знал, что не смогу вырвать тебя из той глухой пустыни, и невольно пообещал такое, чему не верил никогда... Я хотел подойти к тебе как можно ближе, вызвать ответное чувство и...

— И увидеть побежденной. Но этого не случилось. Впереди еще один год, и посмотрим, что произойдет за этот год. А сейчас до свидания, Тамаз.

— У меня к тебе одна просьба, Лиана, подари мне эти черные агатовые четки.

— Это подарок бабушки, и я очень люблю их.

— Знаю, именно поэтому и хочу их иметь. Сколько раз перебирала ты эти камни своими бледными, красивыми пальцами. Подари их мне, Лиана. — Ты взял бусы из моих

рук, с затуманенным взором прижал к лицу и вышел из комнаты. Я услышала твои шаги, стук трости о мостовую и мне показалось, что от моего существа отделилось что-то очень близкое, какая-то частица, и это вызвало острую боль в моем сердце, которое так утрачено билось сейчас. Необычные переживания уносили куда-то далеко-далеко. Что было это? Неужели ты и есть тот, кого я так давно ищу! Не знаю... не знаю...

— Сегодня я покажу тебе мою новую картину, — сказала я, открыв дверь в мастерскую. Мы остановились перед картиной. Зачарованный, ты стоял перед ней в глубоком молчании.

— «Молитва любви»! Так вот как ты назвала эту картину! Она принесет тебе славу. Не красней. Ты заслужила похвалу. Твоя женщина — гибкая фея в объятиях любимого мужчины, с упоением сочиняет молитву, сладкую и вечную, молитву любви. Сегодня и ты такая, Лиана, твои глаза утратили то холодное, гордое выражение, которое едва не заморозило меня.

— Пожалуйста, не смотри на меня так, — попросила я и закрыла рукой твои пылающие глаза.

— Меня сводит с ума твоя близость. Я не перенесу этого, умру, — говоря это, ты дрожал, а твои глаза с мольбой смотрели на меня. Мною овладели страх и волнение, я подошла к открытому окну и постаралась успокоиться.

— Скоро пройдет наш срок и, наверное, выяснятся наши дальнейшие отношения, а пока постарайся не приходить ко мне, читай книги, развлекайся с друзьями и не думай обо мне, — сказала я наставительным тоном.

— Как же мне не думать о тебе, когда ты всецело покорила меня и все мое существо заполнено тобой. Мне дорого все, что напоминает о тебе. Я люблю улицу, на которой ты живешь, двор, по которому ты ходишь, эту маленькую комнату и эту маленькую, маленькую женщину.

— Да, я давно чувствую, что я для тебя всего лишь женщина, — сказала я с обидой.

— Скажи, каким я должен быть, таким я и буду, чего ты требуешь от меня?

— Душевности, нежности, человечности, я хочу найти друга, которому могла бы раскрыть душу, а потом... потом, наверное, смогу простить тебе и мужские слабости. Где истинная любовь, там любовь опережает страсть, в тебе же эта безумная страсть заслоняет все.

— Лиана, сейчас я действительно могу сойти с ума. — Сказав это, ты схватил мои руки и прижал их к своему лицу.

— Это еще что такое?

— Хочу поместить тебя в своем сердце и всегда, всегда быть с тобой. О, о! Как ты красива сейчас, Лиана! Твои глаза сияют, словно звезды, щеки залиты розовым румянцем, и эти алые, полуоткрытые губы трепещут в ожидании поцелуя. Ты должна стать моей, слышишь? Моей, — сказал ты и внезапно твои горячие губы обожгли мой лоб, ты обнял

меня и сжал в своих объятиях. Нечаянно ты толкнул маленький круглый столик, и стоявшая на нем ваза упала и разбилась на куски. Звон разбитого стекла отрезвил тебя, ты отошел и сел в кресло.

— Что ты сделал? — спросила я гневно, так крепко сжав в руке осколок разбитой вазы, что хлынувшая из пальцев кровь вмиг окрасила складки моего белого платья.

— Чувства победили рассудок! Ты должна простить меня!

— Нет, я не могу простить тебе этого. Сейчас я ненавижу тебя, твои мутные, красные глаза. Уходи! — крикнула я. Не помню, как ты вышел из комнаты. Я же долгое время не могла потушить огонь, который вызвали во мне твои объятия. Я чувствовала обиду, возмущение, но в то же время и какое-то неиспытанное, странное состояние, и не могла понять, была ли то печаль, возмущение или счастье. А может быть, все вместе?!

Медленно, очень медленно тянулись дни. Все это время я большей частью сидела перед мольбертом, а ночью читала, стараясь не думать о тебе. Спрятала открытки, которые ты мне подарил, сожгла сонет, который написал ты, и постаралась совершенно вычеркнуть твое лицо из памяти и предать твое имя забвению. Я вступила в сложную, тяжелую борьбу. Прошло двадцать дней, и я почувствовала страшную усталость.

Однажды вечером ко мне зашел мой приятель Виктор.

— А, Виктор, как это случилось, что вы вспомнили обо мне? — обратилась я к нему.

— Прошу вас, не закрывайте дверь, там стоит молодой человек, который, кажется, не решается войти. Тамаз! Что с тобой, неужели Лиана так опасна, что ты не смеешь даже войти в комнату.

Ты вошел и нерешительно приблизился ко мне.

— Случайно вы не обижены на Тамаза? — сказал Виктор, заметив, как я равнодушно встретила тебя.

— Нет, не обижена, садитесь, сударь, — сказала я холодно и подвинула к тебе стул.

Целый час мы непринужденно болтали с Виктором, и я ни разу не посмотрела на тебя. Виктор говорил о политике, искусстве, поэзии, и больше всего о безнадежном положении служащих. Он говорил обо всем с таким юмором, что я невольно смеялась. Ты же сидел молча.

— Покажите, пожалуйста, вашу новую картину. Тамаз говорит, что она замечательна, — сказал Виктор.

— К сожалению, я не могу выполнить вашу просьбу: собираюсь ехать в деревню, и картины уже упакованы.

— Едете в деревню? Что произошло? Почему вы так неожиданно покидаете нас?

— Я вообще живу в деревне. Вот временно покинула ее, хотела избежать ежедневных домашних хлопот и всецело отдаться любимому делу. Я довольна собой. В течение этих двух лет я много сделала, многое изучила, поняла.

— И несмотря на это ваша душа охвачена какой-то меланхолией, и у вас грустные глаза.

— Меланхолия — моя врожденная черта, и я едва ли когда-нибудь расстанусь с ней.

— Уже 12 часов. Лиане нужно отдохнуть. Пошли, Виктор, — сказал ты и встал.

Вы ушли, а я долго сидела, думала и не могла понять, что тебя привело ко мне: любопытство, сожаление или любовь.

На следующий день я укладывала вещи и никак не могла отделаться от грустных мыслей. Дверь неожиданно открылась и в комнату вошел мой муж, я бросилась ему навстречу и, когда он нежно погладил мои волосы, у меня выступили слезы, я положила голову ему на грудь и горько заплакала.

— Лиана, мой маленький друг, кто тебя обидел? Как ты изменилась, похудела, что с тобой? Говори! — сказал он с нежностью.

— Хорошо, я скажу тебе, Арчил, если ты не рассердишься.

— Нет, мое дитя, разве я могу сердиться на тебя?

— Да, я знаю, что ты любишь меня, балуешь и все прощаешь. Ты хороший, добрый, и я расскажу тебе все, ничего не тая.

Я села на маленький стул у его ног и рассказала буквально все, что было между мной и тобой со дня нашего первого знакомства.

— Видишь, я была готова бросить тебя, моего большого и хорошего друга, я чувствую себя виноватой, — сказала я, взглянула на него и ласково погладила его руку, Арчил слушал спокойно, на лице его не дрогнул ни один мускул.

— Вот, оказывается, как опасно оставлять тебя одну, конечно, я не хочу упрекать тебя, Лиана. Понимаю, тебе скучно со мной. Когда я женился на тебе, я не знал тебя хорошо и искал в тебе женщину, но затем полюбил тебя, Лиана, и вместо жены ты стала для меня ребенком. Так или иначе, мы оба виноваты в том, что соединили свои судьбы, но я готов один нести всю тяжесть этой ошибки и ради твоего счастья отказаться от тебя, но я уступлю тебя только тому, кто действительно будет достоин этого и даст тебе счастье, а он, видно, не такой, и поэтому ты должна забыть его, Лиана. Забудешь? — спросил Арчил, погладив меня по голове.

— Забуду, постараюсь забыть, а сейчас исполни мою просьбу: завтра ты должен приехать и взять меня в деревню.

— С радостью, Лиана, ты вносишь в наш большой дом жизнь, счастье, и мы с нетерпением ждали твоего возвращения. А сейчас до свидания, мое дитя, надеюсь, до завтра ты не будешь скучать, — и он, поцеловав меня в лоб, вышел. Я почувствовала безграничную благодарность к нему.

Я была уверена, что деревня и близость Арчила помогут мне все забыть. Я не сомневалась, что там я буду если не счастлива, то, по крайней мере, спокойна.

Моя комната была пуста, вещи сложены, и я сидела на балконе, когда какой-то человек вручил мне твое письмо, — сообщил, что заболел, и просил меня зайти к тебе. Я не верила, видно, ты захотел вновь встревожить меня. Я сконкала письмо и твердо решила не ходить.

— Тамаз действительно болен. Ему необходимо видеть вас, я передам, что вы придете, — услышала я голос незнакомца, принесшего письмо.

«Пойду, узнаю, что ему от меня надо, и попрошу забыть меня», — решила я и вскоре стояла у дверей твоей комнаты.

— Что вам угодно? — спросила я холодно, увидев тебя на ногах, совершенно здоровым.

— Садитесь, — произнес ты почти шепотом и предложил стул.

— Я думала, что иду к больному, но раз это не так, я ухожу.

— Ты не уйдешь, пока не выслушаешь меня, — сказал ты и взялся за ручку двери. — Почему ты едешь в деревню?

— Это мое личное дело, и вы не имеете права спрашивать меня об этом.

— Лиана, не говори со мной таким тоном, меня мучает твое равнодушие, эти холодные слова. Посмотри, разве я тот Тамаз, каким был раньше?

Я украдкой взглянула на тебя, ты действительно изменился.

— Что с вами? — спросила я дрогнувшим голосом.

— Лиана, я виноват, вы должны простить меня.

— Мне нечего прощать, мы просто не поняли друг друга и разошлись. Я ничуть не обижена на вас.

— Мы не можем расстаться.

— Я уже решила это.

— А если я не могу без тебя?

— Тем хуже для вас. Неужели вы не чувствуете, что унижаетесь.

— Для меня любовь дороже гордости. После знакомства с тобой ни одна женщина не привлекла моего внимания. А ты, ты так спокойно выслушала меня и указала мне на дверь.

— Я не стану доказывать, что любила тебя, это сейчас ни к чему.

— Ты не уйдешь, пока не скажешь, что все простила, что вновь будешь моей.

— Еще рано говорить об этом.

— Ведь осталось уже совсем мало. Пройдет и это время, ты будешь со мной, всегда со мной, да, Лиана? — сказал ты и так крепко схватил меня за руку, что я невольно застонала от боли.

— Пусти, Тамаз, мне больно.

— Я так хочу! — крикнул ты и схватил меня за запястье.

— Ты грубый, сумасшедший.
— В этом виновата любовь, из-за которой я потерял рассудок. Иногда мною овладевает желание разрушить, что-то жить тебя и все твое существо соединить с моим, пере-плести твою душу с моей. Скажи, Лиана, что и ты меня любишь, что и ты хочешь быть моей, — сказал ты и положил голову мне на колени.

— Заранее ничего нельзя сказать. Нередко то, что создается годами, рушится в один день. Кто знает, что произойдет за это время.

— Произойдет то, что наша разлука станет невозможной. А сейчас приласкай меня, Лиана, дай почувствовать, что и ты любишь меня, кто знает, когда мы увидимся снова.

— Там я буду думать о тебе. — сказала я и погладила твое бледное лицо и черные волосы.

— О, дорогая, эти маленькие, нежные руки обжигают, мучают меня, но сколько красоты в этой муке, Лиана, Лиана... Лиана, уйди, если не хочешь, чтобы вновь повторилось... нет, не бойся, я возьму себя в руки, подойди ко мне ближе... Ах, ты убьешь меня, Лиана, — воскликнул ты, как безумный схватил меня, бросил на диван и стал осыпать мое лицо поцелуями. Инстинктивно я схватила большую книгу, которая лежала там же, на диване, и, не отдавая в том себе отчета, с силой бросила тебе в лицо. Ты отшатнулся, я вскочила, открыла дверь и, оскорбленная, бросилась вон.

— Куда ты ходила, Лиана, в такую рань? — спросил Арчил, когда я поднялась на балкон.

— Сдала книги в библиотеку, — ответила я и отвернулась, чтобы он ничего не прочел на моем лице.

Вскоре мы сидели в экипаже и ехали в деревню. Я грустно глядела на голые деревья и желтые листья, покрывавшие землю.

— Почему ты печальна, Лиана? Тебе ведь хотелось ехать в деревню.

— Прости, Арчил, скоро все пройдет, и я снова буду веселой и постараюсь развлечь тебя.

— Я забочусь не о себе. Мне жаль тебя. Ты сидишь, как обиженный ребенок. Может быть, тебе не хочется расставаться с городом?

— Нет, Арчил, я очень довольна, что еду в деревню. А вот и наш дом, — сказала я и указала пальцем в ту сторону.

* * *

Прозрачная пелена, окутавшая аджаро-гурийские горы, растаяла, лес оделся в изумрудное одеяние, зацвели фиалки, весна вступила в свои права. Ласточки вернулись на родину и с веселым чириканьем кружили перед домом.

Очнулась и я, постепенно рассеялась моя грусть.

Я спустилась в сад, прилегла на траву. Воспоминания, словно туман, окутали меня, и перед моим взором чаще всего мелькало твое лицо. Хорошее настроение неожиданно исчезло. Прошло пять месяцев, как я тебя не видела, пять

месяцев, как я ничего тебе не писала. Я оставила без ответа ту маленькую записку, где ты горячо зывал ко мне: «Приди, приди, я умираю без тебя». Я разорвала эту записку на клочки и пустила их по ветру, но слова, слова остались со мной, и я не смогла избавиться от них. Все это время я усиленно работала, читала, рисовала, размышляла и внешне была спокойна, но в моем сердце не затухал огонь, который разжег ты. Я молчала и молчание это мучило меня, я оставила тебя, но чувствовала, что эта любовь не оставит меня и будет всегда со мной.

— О чем мечтаешь, Лиана? — спросил муж, который незаметно вошел в сад и бесшумно приблизился ко мне.

— Я не мечтаю, Арчил, я думаю.

— О чем, мое дитя?

— Обо всем, Арчил, обо всем. Думаю вот об этом голубом небе. Думаю о жизни о смерти, о вечности и... кто знает еще о чем.

— Я знаю, что ты еще думаешь о чем-то или, вернее, о ком-то. В последнее время ты перестала быть со мною откровенной. Почему я потерял твоё доверие? А я думал, что мы с тобой настоящие друзья.

— Ты мой друг, Арчил. Мой единственный друг.

— Так скажи, от кого было то письмецо, которое ты получила недавно. Я помню, ты побледнела и разорвала его.

— От Тамаза.

— Что он писал?

— Просил приехать.

— И ты не исполнила его просьбы?

— Как видишь, после этого прошло уже несколько дней, и я не поехала, значит не желаю его видеть.

— Лиана, может быть, он действительно любит тебя... Я не хочу стоять между вами и быть свидетелем ваших мучений. Лучше уж страдать мне одному. Мое страдание облегчит сознание того, что ты счастлива. Вы молоды и имеете полное право жить, любить, быть счастливыми.

— У тебя тонкая душа, Арчил!

— Но это слишком мало для молодой женщины. Не жертвуй личным счастьем из жалости или уважения ко мне. Я много пережил, прошел через невзгоды и бури и вынесу любую перемену в жизни.

При этих словах он вынул из кармана маленький розовый конверт и протянул его мне.

— Вот письмо, которое мне сегодня передали. Это, наверное, от Зурабидзе. Я прав, Лиана?

— Да, — с трудом вымолвила я и почувствовала, что краснею.

— Прочти, а потом зайди ко мне, — сказал он, повернулся и, не торопясь, вышел из сада. Я осталась с письмом, каждое прикосновение к которому заставляло меня трепетать. Я разорвала конверт и начала читать. «...И ты ушла разгневанная, возмущенная. Я долго смотрел тебе вслед, что будет, если она не вернется, промелькнуло у меня в голо-

ве. «Ты грубый, безумный», — вспомнил я твои слова. Неужели я действительно такой?

Где ты, где? Я задыхаюсь, мне все надоело, я потерял душевное спокойствие и думаю, что моя жизнь потеряла смысл. Больше не могу. На днях отправляюсь далеко, очень далеко. Очень хочу увидеть тебя в последний раз.

Руки бессильно опустились и тяжелые мысли овладели мной. Я услышала, что меня зовут. Передо мной стоял муж.

— Можно узнать содержание письма?

— Я молча передала ему письмо.

— Как ты поступишь? Ты поедешь к нему? — спросил он, когда прочел письмо, и лицо его стало печальным.

— Он уезжает очень далеко, и я не могу не исполнить его последней просьбы, — сказала я, теребя в руках цветок.

— Когда ты едешь?

— Завтра утром. Ты ведь ничего не будешь иметь против, Арчил? — спросила я и нежно погладила его руку.

— Ничего, родная, ничего, только не надо так легко верить людям, — ответил он и резко отвернулся.

* * *

Середина апреля. С шумом несется вышедшая из берегов река. Лучи солнца, как волны, заливают купол колокольни, над ним ярко сияет крест. Я сижу в церковном дворе. И ты здесь, со мной, ты лежишь на траве и задумчиво смотришь на заходящее солнце. Мы оба молчим, но столько в этом молчании, что ни один из нас не хочет нарушить его. Налетевшие откуда-то облака черной мантией окутали все вокруг, мне стало холодно. Ты заботливо накинул мне на плечи пальто и прижал мою руку к груди.

— Скажи что-нибудь, Тамаз.

— Я хочу упрекнуть тебя, хочу спросить, зачем ты покинула меня?

— Ты прекрасно знаешь, Тамаз.

— Ты опасная и страшная женщина, если не можешь простить человеку даже ласку.

— Эта была не просто ласка. Это было насилие.

— Я не виноват в том, что так поступил, я не мог совладать с собой. Что поделаешь, такова природа мужчины.

— Лучше скажи — природа безнравственного мужчины.

— Не оскорбляй меня, Лиана.

— Я знаю мужчину, который месяцами жил в одной комнате со своей новобрачной и ни разу не подошел к ее постели.

— Причина?

— Молодость женщины, ее страх перед мужчиной, которому помимо ее воли отдали родители.

— Что случилось потом?

— Своим благородным отношением мужчина снискал ее расположение, жена привыкла к нему.

— И он ждал несколько месяцев, чтобы покорить сердце своей жены?

— Да.

— Это сказка, таких мужчин не бывает.

— Этот мужчина — мой муж.

— Ну и ледышка же твой муж!

— Думай как хочешь.

— Ты настолько покорена им, что ни на минуту не можешь забыть его. Если ты его любишь, если ты его уважаешь, если он твой друг, тогда... тогда кто или что я для тебя?

— Моя половина, частица моей души и сердца, вот кто ты, Тамаз.

— Лиана, Лиана, повтори эти слова еще раз, о, повтори!

— Я не люблю повторяться и перехожу к более серьезному вопросу. Ты писал, что уезжаешь далеко, очень далеко, а сейчас говоришь, что поездка откладывается. Что это значит?

— Я не могу сказать всего, но поездка не состоится.

— И ты, разумеется, встретил это с радостью, да?

— Я с тобой счастлив, Лиана, — сказал ты, нежно гладя мои растрепавшиеся волосы.

Облака рассеялись, лениво всплыла луна и слабым светом залила окрестность. С шумом мчалась река. На берегу, склонив головы, стояли ивы и шептались о чем-то бесконечном. Древние памятники со стертыми надписями, окутанные какими-то тайнами, выглядели холодными и далекими.

Мы же среди этого мертвого безмолвия сидели и мечтали о жизни, о любви, о счастье.

* * *

Курорт переполнен. Ежедневно меняются театральные афиши. Веселый вечер. Новая пьеса. Диспут. Большое гулянье.

Люди стараются развлечься. Единственная забота — весело провести время.

Я в стороне от всех и всего. Я одна.

У меня есть свое дело, свои любимые места, и это мне интереснее, чем незнакомые люди и дешевые дачные развлечения. Любуюсь величественной красотой природы, а чтобы не скучать, всегда ношу с собой книги, тетради, карандаши.

Откровенно говоря, мне и скучать-то некогда.

«Какая скука, хоть бы кто-нибудь пришел, сыграли бы в карты или нарды», — не раз жаловались мне знакомые.

Мне было странно и непонятно.

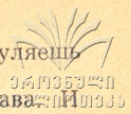
Разве не лучше любоваться природой, чем терять время на карточную игру или же на нарды.

Я стремлюсь ввысь. Не думайте, что подняться туда легко, не думайте, что можно преодолеть этот путь без потерь и жертв.

Много слез пролито на этом пути, многие падали, и только избранные добивались до вершины.

Я шла к опушке леса, когда встретила тебя.

— Где ты пропадала? — спросил ты с явным раздражением.

— Это тебя должно мало интересовать.
— Двери твоей комнаты закрыты целый день. Гуляешь одна в лесу...
— Что это, упрек? Я тебе не давала на это права? Я очень прошу, избавь меня от такой заботы, я знаю, что делаю.

— Ты прячешься, избегаешь меня, это обидно.
— Ты ведь знаешь, я здесь не без дела. Вдохновение похоже на капризного ребенка, приходит, когда совсем не ждешь его. В такие минуты невозможно думать о постороннем. Это тебя не должно обижать.

— Мне бы хотелось, чтобы любимая женщина забыла ради меня не только искусство, но и себя. Я всегда нахожусь в страхе, в сомнениях, я не верю тебе.

— Женщина имеет цену в глазах мужчины до тех пор, пока он сомневается в ее любви, а достаточно ему поверить в нее, как он охладевает и начинает снова искать.

— Я не согласен с твоей философией.

— Вообще мы никогда ни в чем не соглашаемся друг с другом. Как тебе это нравится?

— К сожалению, мы не можем ни перевоспитать друг друга, ни уступить, я не знаю, до чего нас доведут эти бесконечные споры.

— Посмотрим, у нас еще времени много.

— Не так-то уж это легко. Можно посмотреть, как ты работала на этой неделе? Новый пейзаж... Хорошо... великолепно, но кто этот юноша? Так вот где кроется причина твоего отшельничества?!

— Тамаз, ваша смелость похожа на дерзость!

— Разговариваешь со мной на вы? Я пошутил, не сердись, что бы я тебе ни сказал, ты все-таки моя упрямая девочка, «мой капризный ребенок», — сказав это, ты так прижался к моим плечам, что я вся вслыхнула. Ты внимательно посмотрел мне в глаза и с мольбой обернулся в ту сторону, откуда виднелись окна твоей комнаты. В знак отказа я покачала головой и повернулась спиной.

— Нет? — спросил ты чуть слышно.

— Нет, я не хочу ссориться снова.

Ты повернулся, быстро взбежал вверх по склону и сел на огромный камень, который лежал почти на самой верхушке скалы. Я поднялась по тропинке, вошла в сосновый лес и нарвала красивый букет.

Когда я подошла к тебе и поднесла букет к твоему лицу, ты не обернулся и продолжал внимательно рассматривать какой-то журнал.

— Я не настроен шутить. Прошу, оставь меня.

— Не сердись, иначе я заплачу...

— Интересно, я еще не видел твоих слез, любопытно посмотреть, как ты плачешь, — сказал ты и твое лицо приняло какое-то злое выражение.

— Я не узнаю своего умного Тамаза, что с тобой происходит?

— Ничего, — недовольно ответил ты и начал листать журнал, твой взор долго был устремлен на одну страницу.

— А-а, напечатали твое новое произведение? Обязательно прочту. А сейчас давай помиримся, посмотри на эти цветы, которые гордо росли на склоне этой горы и единственный человек, для которого мне их не жаль, это — ты. Взгляни, длинные стебельки покрыты зелеными листьями и маленькие голубые, шелковистые головки цветов кажутся сказочными. Поистине велик художник, создавший столько красивых видов и так искусно разукрасивший природу, — сказала я и дала тебе цветок.

— О каком это художнике ты говоришь? — спросил ты.

— О том художнике, — ответила я, указав рукой на небо.

Ты, снисходительно улыбаясь, приколот подаренный мною цветок к своей синей куртке.

— Тамаз, чего ты сидишь здесь? Пойдем туда, наверх, на гору, и посмотрим оттуда заход солнца, — раздался женский голос, и я увидела высокую женщину в красном платье.

— Я устал и не могу туда взбираться, — ответил ты и лениво поднес к губам ее протянутую руку.

— Лучше скажи, что ты просто не хочешь идти со мной.

— Наоборот, приятнее этого ничего не может быть, но я сейчас не могу и ты должна простить меня, Шура.

— Хорошо, за это ты будешь наказан, я отниму у тебя вот этот цветок.

С этими словами она нагнулась, взяла цветок и стала быстро подниматься со своим спутником. Ты обернулся и искоса посмотрел на ее округлые бедра.

— Почему ты отдал ей мой цветок? — спросила я сердито.

— Ты ведь видела, я не давал, она сама взяла его.

— Но ты не помешал.

— Это произошло так неожиданно, что я не успел помешать ей.

— Лжешь! — воскликнула я и топнула ногой.

— Нет, Лиана, я не лгу, но как идет тебе ревность. Ты мне нравишься такая.

— Тебе нравятся низменные чувства, но позволь заметить, что во мне говорит не ревность, а обида. Эта женщина ведь была когда-то твоей невестой? Что произошло потом между вами?

— Она обвинила меня в равнодушии и вышла замуж за человека богаче меня, я легко перенес эту измену, а здесь мы встретились как приятели.

— Я вижу, она заигрывает с тобой, мне это неприятно.

— А я ничего не имею против, пусть вспомнит прошлое.

— До свидания, Тамаз. Хочу сегодня же прочесть твою статью, — и я ушла.

Это был первый день за последние два года, когда я не хотела думать о тебе.

16 03 57 02 0
8 02 21 01 03 3

* * *

Прочла твои «Маленькие статьи о серьезных вопросах» и была потрясена. Горькие мысли обуревали меня, и я, столь жестоко обманутая тобой, желала только одного — как можно скорее увидеть тебя, сказать свое последнее слово и расстаться, расстаться навсегда. Ты не заставил меня долго ждать, в 12 часов, как всегда, ты прошел мимо моего окна, весело поздоровался и направился к тому холмику, где мы недавно сидели. Через некоторое время я стояла перед тобой и строго смотрела тебе в лицо.

— Я предчувствовал, что тебе не понравится, — сказал ты и смущенно поднял брошенный мною журнал.

— Ты знал, ты отлично знал, что я не разрешила бы напечатать это безнравственное произведение.

— И, несмотря на это, я все равно напечатал бы его.

— А если бы я попросила тебя, очень попросила?

— Дорогая, по твоей просьбе я могу переменить сорочку, пойти куда-нибудь, даже убить кого-нибудь, если тебе это будет нужно, но веру, которую я вынашивал годами, я не изменю, и ты должна понимать, что такая просьба совершенно неприемлема и наивна.

— Так оставайся со своей верой, и ты увидишь, к чему она приведет тебя. У достойного ученика Эпикура и Отто Вейнингера нет будущего.

— Так у кого же, по-твоему, будущее, у того, кто судорожно цепляется за прошлое и ищет в небе богов?

— А ты потерял своего бога и никому и ни во что больше не веришь.

— У меня есть своя вера.

— Которая призывает сбросить с себя одежду и не скрывать божественных очертаний?! Ты отвергаешь нормальную жизнь, утрачиваешь чувство меры и единственным повелителем человеческой жизни объявляешь чувство. Где был твой разум, когда ты писал это? А совесть?

— Совесть и трусость в сущности одно и то же, говорит Оскар Уайльд, и я вполне согласен с ним.

— А что вы скажете о морали?

— Мораль — выдумка безнравственных людей. Вспомни моралистов прошлого века, какими развратными и низкими они были. Я проповедую естественность. Естественность и абсолютная свобода. Вот мой девиз.

— Ты говоришь, что проповедуешь естественность, но естественность должна сочетаться с нравственностью и сдержанностью, иначе люди станут походить на скотов.

— Ты думаешь, что своей сдержанностью производишь впечатление? Наоборот, эта сдержанность убивает в тебе женщину, нежность. Природа создала тебя свободной и прекрасной, а воспитание и традиции совершенно изменили и изуродовали тебя. Ты можешь принести большое счастье любому мужчине, но ты сковываешь свои естественные желания, мучаешь человека, которого называешь другом, меня раздражает это шелковое тряпье, хочется изорвать его в клочья

и хоть раз увидеть тебя нагой, — сказал ты, подвинувшись ко мне, и в твоих глазах зажглась страсть.

— Не трогай меня, если не хочешь, чтобы я бросилась с этой скалы. Клянусь, я сделаю это, — сказала она на высокий острый камень.

— Твоей холодности позавидовала бы даже весталка. У тебя нет чувства, и я...

— С сегодняшнего дня вы свободны. Живите как хотите, любите кого хотите. Наши жизненные пути разошлись, и отныне ничего нельзя сказать о нашем духовном родстве. Ступайте к своей бывшей невесте, которая развлекается с молодыми людьми и по ночам гуляет в сосновом лесу. Вы прекрасно поймете друг друга.

— Не шути с моим чувством, Лиана, и у меня может лопнуть терпение.

— Я и не думаю шутить, я любила тебя, пока ты скрывался под маской, но сегодня, когда маска спала и я увидела твое подлинное лицо, я ухожу навсегда.

— Хорошо, будь по-твоему, но я больше не вернусь к тебе, ты думаешь, у меня нет гордости и самолюбия? До свидания, — сказал ты холодно и, не торопясь, стал спускаться с горы.

Я видела, как ты присоединился к толпе, подошел к Шуру и скрылся вместе с ней. Я повернулась, села на камень и долго-долго смотрела на горы, покрытые соснами и елью, на высокие вершины с белеющими там снежными пятнами, на ручейки, текущие с гор, и когда встала, почувствовала, что в моем сердце потух огонь и там воцарилось спокойствие, холод и пустота...

Прошел месяц, и мы ни разу не видели друг друга. Большую часть времени я проводила у себя в комнате, обдумывая тему новой картины. Ты вращался в кругу людей, с которыми я не имела ничего общего. Один раз, гуляя со своей родственницей Лили, я увидела, как ты и Шура вышли из леса. Вы вызывающе смотрели друг другу в глаза. Заметив меня, ты смутился, побледнел и ускорил шаг. Вы пошли вперед. Я с отвращением посмотрела вам вслед и продолжила путь.

— Знаешь, что говорят, Лиана? — спросила Лили.

— Что?

— Говорят, что Шура бросает мужа и выходит замуж за Тамаза.

— Подходящая пара, будет очень хорошо, если они так поступят, — равнодушно ответила я.

— Все не подходящая пара. Шура никогда не сможет быть другом Тамаза.

— Ты, видно, плохо знаешь мужчин. Они ищут женщину, а не друга.

— Ты не обидишься, Лиана, если я что-то спрошу у тебя, — сказала она ласково и обняла меня.

— Нет, не обижусь.

— Скажи, Лиана, что произошло между тобой и Тамазом. В течение последних двух лет вы были такими друзьями и вас так часто видели вместе, что люди догадывались и сплетничали о вас. А сейчас так неожиданно расстались. Всех интересует причина, говорят, виной тому твоя ревность. — Эта правда, Лиана?

— Нет, Лили, неправда. Хоть ты поверь этому. Мы разошлись из-за разных взглядов. Я убедилась, что мы никогда не пойдем друг друга и нам лучше разойтись.

Беседуя, мы подошли к бульвару. Шура стояла на видном месте и играла в мяч, то один, то другой молодой человек обнимал ее за талию. Когда я прошла мимо, она смеялась. На лице у нее было слишком много всякой косметики, а губы — ярко накрашены.

Увидев меня, она нарочно высоко подняла руку, чтобы показать часы, которые ты подарил ей.

«Лиана! Если не хочешь, чтобы я силой ворвался к тебе, выйди, выйди на то место, где мы сидели в последний раз. Я непременно должен видеть тебя!» — Записку такого содержания принес мне какой-то мальчик, и через того же мальчика я ответила: «Не желаю ни видеть вас, ни, тем более, разговаривать с вами. А если вы все-таки настаиваете, приходите ко мне. Я дома. Но, предупреждаю, это посещение навсегда отобьет у вас охоту видиться со мной. Вы ничего не услышите приятного и обнадеживающего».

Я была уверена, что после этого ты не придешь, и, спойноно раскачиваясь в гамаке, просматривала свежие номера газет. Но... вдруг послышались твои шаги, и я увидела, как ты быстро взбежал по лестнице на балкон. Когда ты увидел недовольно устремленные на тебя глаза и сурово сдвинутые брови, ты смутился, попятился назад, кровь подступила к твоему лицу, но, преодолев неловкость, ты отошел от дверей балкона и без приглашения вошел в комнату.

— Ваши глаза смотрят так холодно, что они буквально заморозили меня. Дайте очнуться, — вымолвил ты и схватился за голову.

— Что вам угодно, господин Зурабидзе, что привело вас сюда? — спросила я строго.

— Я уже стал господином Зурабидзе? — промолвил ты с горькой усмешкой.

— Это не должно вас удивлять.

— Значит, и к вам нужно обращаться как к госпоже Лордиа?

— Разумеется, как к Лиане Лордиа.

— Вы слишком гордитесь своим именем. На самом же деле вы не создали ничего, заслуживающего внимания.

— Эти слова как нельзя лучше характеризуют вас. Получается, восхищение, проявленное вами в отношении моих картин, было всего лишь жалким притворством.

— Единственное, что вы создали, это прекрасная и бессмертная «Молитва любви», и то я помог вам создать ее. Да, вы должны быть признательны мне за нее!

— О, да, конечно, но позвольте спросить: вы являетесь сюда для того, чтобы дать оценку моему творчеству?

— Меня приводит в бешенство ваша гордость и надменность. И это не только со мной, вы со всеми такая. Выходите редко, окружаете себя молодыми женщинами и направляетесь к уединенному уголку, словно какая-то повелительница или королева.

— А что вы мне советуете, господин Зурабидзе, составить свиту из молодых людей и ходить с ними? Вас не очень должно волновать то, что я плохо усвоила вашу проповедь. Зато Шура оказалась более способной ученицей, вы можете гордиться ею.

— Прощу без иронии! — сказал ты раздраженно.

— Она вызвана вашим поведением.

— И тебе не стыдно так унижать мое чувство и издеваться над моей любовью?

— Смешно, неужели вы можете снова говорить о любви к женщине, которая вам уже надоела?! Это ваши слова, и мне хотелось бы напомнить их вам.

— Это были слова, произнесенные в минуты ревности. Что же касается того, что ты несколько раз видела меня с Шурой, то, поверь, это было вызвано чувством мести, а вовсе не любовью к той женщине.

— И подарок часов тоже был вызван мстью, часов, на которых стояло мое имя? Этим вы заставили людей говорить, сплетничать, унизили меня. Что вы скажете на это?

— Часы я ей не дарил. Я просто попросил ее, чтобы она несколько дней их поносила. Я думал, что возмущение приведет тебя ко мне, но когда я убедился, что на тебя ничего не действует и ты спокойно принимаешь все, я бросил глупую затею и окончательно порвал с Шурой.

— Наверно, потому, что вы поняли, что она не годилась для мести. Вам должно быть стыдно, тем более, что, возможно, эта женщина любила вас.

— Мне не нужна ее любовь, и, конечно, мне не может нравиться такая женщина.

— Вы и меня не пощадили. Оторвали от спокойной жизни, против моей воли смешали с толпой, а потом этих же людей заставили говорить обо мне.

— Если тебя так беспокоят эти разговоры, то почему ты не бросишь мужа и не пойдешь ко мне?

— Прийти к тебе и смотреть, как ты будешь бегать за женщинами в пестрых платьях в сосновый лес?

— Ладно, Лиана, прошу тебя, забудь этот случай. Клянусь тебе, там не было серьезного чувства.

— Чем вы докажете, что вы любите меня по-настоящему? Я, наверное, привлекаю вас тем, что вы не достигли цели и не смогли покорить меня. Если бы вы знали, как низко пали в моих глазах.

— Какого бы мнения ты ни была обо мне, ты будешь моей.

— Никогда!

— Твоя любовь не могла умереть так скоро.

— Уверяю, моя любовь к вам умерла в тот день, когда я узнала вас. Но, допустим, вы правы и во мне есть еще что-то похожее на любовь, я потушу ее, заглушу, а если не смогу сделать этого, покончу жизнь самоубийством, брошусь со скалы, но к вам больше не вернусь. А сейчас, прошу, уходите, наш разговор окончен! — Эти слова были сказаны таким тоном, что ты не смог ничего возразить, опустил голову, побледнел и вышел из комнаты.

Когда мое волнение прошло и ко мне вернулась способность соображать, я увидела на столе твои часы и маленькую записку: «Лиана! Когда-то эти часы возбудили в тебе странные мысли. Оставь их себе. Может быть, тебе передастся то страдание, которое я перенес в течение этих нескольких месяцев». Я взяла часы в руки и по телу пробежала дрожь. Мне казалось, что я держу в руках сердце живого человека, которое жило, работало. Я чувствовала, что каждое прикосновение к часам обжигало мои пальцы, я не знала, как с ними поступить.

Вернуть тебе? Но... я не хотела, чтобы кто-нибудь увидел выгравированную на них надпись. Оставить себе? Но я не могла выносить их близости.

— Подарите что-нибудь несчастной, — слышался голос, и в мою комнату вошла пожилая женщина с маленькими детьми в лохмотьях, которые, держась за грязное платье матери, смущенно смотрели на меня. Я обрадовалась, что нашла выход, и сразу схватилась за часы.

— Я подарю тебе вот эту золотую вещицу, но с условием, что ты не покажешь ее на даче. Отнеси в город и продай, — сказала я ей и поспешно вручила часы.

— Как вы можете так шутить? — сказала женщина с упреком в голосе и вернула мне часы.

— Я не шучу. Эта вещь принадлежит тебе и делай с ней что хочешь, — сказала я, закрыла дверь и побежала к речке, чтобы хоть как-нибудь успокоиться. На берегу реки я разостлала пальто, легла, положив под голову книгу, и глаза мои невольно закрылись. Когда я проснулась, было уже поздно, солнце уже зашло. Только я собралась встать, как передо мной появился ты.

— Опять вы? Что вам угодно, почему вы не оставите меня в покое?

— Ты отняла у меня спокойствие души, и я не оставлю тебя.

— Я исчезну так, что ты никогда не найдешь меня.

— Попробуй.

— Прошу, отстань от меня.

— Я не смогу исполнить эту просьбу.

— Тогда я приказываю.

— На меня не действуют ваши приказания.

— Да, я хочу напомнить, что когда-то вы взяли у меня простую, но дорогую мне вещь. Верните мои агатовые бусы.

— Нет, они останутся у меня.

— Прощайте, я не желаю более разговаривать с вами, — я поднялась, хотела уйти, но ты остановил меня.

— Лиана, если в тебе нет больше никакого чувства, скажи это, скажи в последний раз, и я уеду из Грузии.

— Как вам угодно. Мое решение непоколебимо.

— Ты желаешь моей смерти.

— Вы не существуете для меня, умрете вы или будете жить, мне это безразлично.

— Вы злая, Лиана.

— Нет, я совсем не злая. Наоборот. Я искренне желаю, чтобы ваша будущая подруга обогатила вашу фантазию и унесла бы вашу душу к вершинам Парнаса.

— Это чудо могла совершить только ты.

— Огонь, зажженный вами, вы сами же погасили. Это не моя вина.

— Угасший огонь можно разжечь снова, и на этот раз он будет гореть так сильно, что сожжет нас и превратит в пепел.

— Замолчите, я не разрешаю какому-то Зурабидзе так разговаривать со мной. Я ненавижу вас! — крикнула я разгневанно и повернулась, чтобы уйти, но, пройдя несколько шагов, я вспомнила о книге и вернулась. Ты валялся на траве навзничь, глаза у тебя были закрыты, а на ресницах блестели слезы. Во мне вдруг заговорила жалость, но мое упрямство и гордость подавили ее, и я вернулась домой.

— Ты всегда так поздно возвращаешься, Лиана? — спросил муж, который приехал из деревни и ждал меня на балконе.

— Нет, это сегодня так получилось, но я должна упрекнуть тебя, оставил меня одну и ни разу не приехал.

— Как одну? Здесь были твои родственники, товарищи и... друг, — сказал он.

— О каком друге ты говоришь?

— Ты ведь знаешь, о каком друге я говорю. Ради тебя, ради твоего счастья я могу вынести все, примириться с любым положением, но право не любить этого человека я оставляю за собой.

— Мы расстались с Зурабидзе. Отныне у Лианы один друг и этот друг ты, Арчил, только ты.

— Вы помиритесь.

— Никогда, я хочу, чтобы ты верил мне.

— Мне хочется верить тебе, Лиана, — сказал он, и его лицо засияло.

— Арчил!

— Что, детка?

— У меня к тебе просьба, отправь меня через несколько дней в Тбилиси. Я хочу учиться, работать, создать что-нибудь такое, чтобы никто не посмел сказать: ты ничего не создала заслуживающего внимания — это слова Зурабидзе, брошенные им, когда я ему указала на дверь.

— Слова, сказанные из чувства зависти, не должны волновать тебя. Что же касается твоего желания, то оно будет выполнено. Ты поедешь туда, будешь учиться, писать новые картины, а потом, когда устанешь от городской жизни, приедешь в деревню, отдохнешь, а затем вернешься в город, чтобы снова трудиться, бороться.

— Спасибо, Арчил, я никогда не забуду этого.

— Благодарить будешь потом, а сейчас до завтра, моя хорошая, я устал и должен отдохнуть, — сказал он, поцеловал меня в лоб и ушел. «Кто поверит, что этот человек застенчив, мучается ради меня и в то же время настолько застенчив, что не требует от меня выполнения обязанностей жены. Он великодушный и замечательный человек», — подумала я и легла в постель, но заснуть не смогла. Несколько раз ты являлся мне с заплаканными глазами, и это видение вызывало во мне странные чувства. Это не было любовью или жалостью, это было нечто другое, более сильное чувство, у которого нет названия.

* * *

Год, который я провела в городе, до предела напряг мои силы, пробудил во мне желание борьбы, наполнил новыми переживаниями и впечатлениями.

Я чувствую в себе творческое горение, и оно подавляет во мне все остальное, тоску и неприятности. Единственный человек, который вносит диссонанс в мою жизнь, это опять-таки ты. Ты не выполнил обещания и не уехал из Грузии, продолжаешь жить здесь. Живешь растерянный и измученный, продолжаешь писать, но твои статьи, как кошмар, ложатся на сердце читателей. Твое вдохновение лишено веселых красок, и твоя мечта окутана черной мантией.

В последнее время тебя часто видят в ресторанах, в садах, с женщинами легкого поведения. «Уродливым путем хочу войти в красоту», — сказал, оказывается, ты. Бедный, ты даже не замечаешь того, что стоишь на скользком пути, который ведет вниз, совсем вниз. Недавно я видела тебя в театре, ты сидел, опустив голову, и был так задумчив, что даже не заметил, когда я прошла мимо и поздоровалась с твоим другом. Я часто встречаю тебя, но встречи не волнуют и ничего не говорят моему сердцу, ты для меня такой же чужой и далекий, как те незнакомые люди, которые ходят по улицам Тбилиси.

Несколько раз ты подошел ко мне на улице, но я отвернулась и продолжила путь. Сколько раз ты приходил ко мне домой, но тебя ко мне не пускали.

В последний раз я видела тебя вчера. Шел дождь, я подошла к окну. Люди спешили домой. Небо было мрачным, серым, по мокрым улицам шлепали дети, возвращавшиеся из школы. А ты смотрел вверх, в мое окно. Твоими черными волосами играл ветер, а дождь бил в лицо. Увидев меня, ты печально улыбнулся и взглядом что-то сказал мне, что-то очень горькое и упрекающее. Твое лицо показалось мне худым и бледным, я невольно остановилась у окна, что-то удержало меня там. А ты стоял, смотрел и не собирался уходить. Наконец я переборола себя и, отойдя от окна, тяжело опустилась в кресло. Стемнело. Крупный дождь громко стучал по крыше. Находясь в каком-то странном, тревожном состоянии, я прислушивалась к шуму дождя, тяжелое предчувствие охватило меня, и я, закрыв глаза, отдалась мрачным мыслям. В комнате было темно, очень темно, и

среди этой тьмы неожиданно разлился розовый свет. Отворилась дверь и в комнату вошел ты, твое лицо приняло какое-то неземное выражение: «Лиана, я пришел. Ты должна пойти со мной. Ты была моей и будешь моей, полетим, дорогая, полетим». С этими словами ты обнял меня, мы поднялись в воздух и полетели.

Послышался стук в дверь, и я открыла глаза. Стук повторился, я открыла дверь, в комнату вошел незнакомец. Он протянул мне маленький предмет, тщательно завернутый в бумагу, и сказал, что тебя уже нет в живых. Он говорил много, очень много, но из его слов я почти ничего не поняла. Молча слушала его, молча проводила.

Друзья и знакомые приходят посмотреть на тебя и прочесть маленькую записку, оставленную тобой: «Пусть в моей смерти никто не увидит ни храбрости, ни трусости. Ни того, ни другого не было. Некого благодарить, некого упрекать. Положите со мной агатовые бусы, а мои часы передайте художнице Лиане Лордиа».

Твои часы лежат у меня на столе, и я не могу понять, где и как ты нашел их, неужели эта роковая вещица стала причиной твоей смерти.

Смотрю на часы, но они уже не волнуют меня. Ты умер, и этот предмет для меня мертв. Беру часы, переворачиваю, завожу, напрасно — стрелки неподвижны.

Твоя смерть удивляет всех, кроме меня. Ты хотел найти способ примирения со мной. Для этого ты выбрал смерть и не ошибся. Только сейчас смысл ты грязь и низменные страсти, которые наполняли твою жизнь. Сейчас ты так чист и так далек, что к тебе вернулась моя любовь. Торопясь, нервно перенесла я на полотно запечатленное в памяти твое лицо и вложила в него всю земную и небесную красоту. Ты так прекрасен сегодня, и я целую тебя. Целую наше общее творение.

Моя душа зовет и ищет твою душу, измученная бьется о холодные стены, увы, напрасно... Мой призыв остается без ответа. Ты никогда не придешь ко мне и не скажешь обычным ласковым голосом: «Моя упрямая капризная девочка, мой своевольный ребенок». Навеки умолкли твои уста, сомкнулись очи... Ныне и во мне такая же пустота, такой же ледящий холод, как и в той могиле, которую утром вырыли для тебя.

Бедный мой Тамаз, ты пришел вчера, но я не приняла тебя, даже не удостоила взглядом.

Виновата ли я перед тобой? Не знаю, не знаю, уж лучше пусть об этом говорят другие, а я перестану писать и с разбитым сердцем иду куда-то...

Куда? Не знаю... не знаю... Куда плывет в бурную ночь оставленная на произвол судьбы лодка с проломленным дном...

Перевод Изольды ЧХАРТИШВИЛИ

Цецилия КАЛАНДАДЗЕ

ОБРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ

ГРУЗИНЫ В КУЛЬТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ПОСЛЕ присоединения Грузии к России грузинские колонии в Москве и Петербурге пополнились — за счет приехавших в Россию вместе с лицами грузинской царской фамилии многих видных общественных и политических деятелей, ученых и писателей, людей, имевших широкое образование. Таким образом, с начала XIX века число грузин, живших в России, значительно увеличилось.

«Грузинская колония в Москве долгое время существовала как очаг грузинской культуры»¹.

Одну группу представляли грузины, ставшие уже общественными деятелями России и служившие русской науке и культуре. Это большей частью были выходцы из семей, эмигрировавших в Россию вместе с царем Вахтангом VI или раньше. Другая группа состояла из грузин, приехавших в Россию в начале XIX века. Они также принимали активное участие в научной и культурной жизни России, но их деятельность в основном развернулась в области развития грузиноведения, собирания древних рукописей — исследования вопросов истории, литературы Грузии.

Выходцами из семей ранней грузинской эмиграции были выдающиеся ученые, имевшие большие заслуги перед русской наукой — публичные ординатные профессора Н. Н. Сандунов (Зандукели) и И. Е. Грузинов (Немчевадзе), деятельность которых развернулась в Московском университете. В Петербургском университете десятилетиями преподавал кафедрой грузинской словесности выдающийся ученый-филолог, профессор Д. И. Чубинов (Чубинашвили), дважды награжденный Демидовской премией Российской академии наук. Большие заслуги в сфере восточной политики принадлежат

¹ Н. А. Бердзенишвили. Путеводитель к выставке «Грузинская колония в Москве». В кн.: «Вопросы истории Грузии», т. III, 1953, с. 281—285.

дипломату С. А. Лашкареву (Бибилури), а его сыновья и внуки также проявили себя в различных областях деятельности в России. К числу видных деятелей науки и культуры принадлежали представители семей Гарсевановых (Гарсеванишвили)³, Донауровых (Донаури), Баратаевых (Бараташвили), Чилиевых (Чилашвили) — Сулакадзевых (Сулакадзе), С. И. Давыдовых (Давиташвили), П. Р. Багратиони, Д. А. Эристовых (Эристави), Н. А. Церетеловых (Церетели)¹ и многие другие.

Среди грузин, принимавших деятельное участие в государственной, общественно-политической и культурной жизни России, выделяются представители семьи Панчулидзевых (Панчулидзе).

Известно, что имеретинский дворянин Давид Матвеевич Панчулидзе в 1738 году переселился из Грузии в Россию в царствование императрицы Анны Иоанновны². В 1764 году он в чине коллежского асессора служил в городе Мценске Белгородской губернии воеводой.

В 1776 году Давид Панчулидзе занимал должность воеводского товарища в Великом Устюге, а в 1780 году — председателя Великоустюгской Верхней Расправы. В 1782 году он был назначен советником Саратовской гражданской палаты. Следует отметить, что в известных записках Ф. Ф. Вигеля довольно часто упоминается фамилия Панчулидзевых³. Это, как видно, объясняется и тем, что племянница Ф. Ф. Вигеля (дочь его брата Павла Филипповича) — Наталья Павловна (1825 — 1880) была замужем за Алексеем Алексеевичем Панчулидзевым (1816 — 1880), отставным гвардии поручиком, пензенским уездным предводителем дворянства.

Давид Панчулидзе имел трех сыновей: Ивана (генерал-лейтенант), Семена (генерал-майор, 1764 — 1819), Алексея (саратовского губернатора, 1769 — 1839) и 6 дочерей.

У Алексея также было три сына: Александр (1790 — 1867) — тайный советник, пензенский губернатор; Дмитрий (1798 — 1822); Алексей (1816 — 1880) — пензенский уездный предводитель дворянства.

Семен имел сына Ивана (1814 — 1893) — инженер.

Сын упомянутого пензенского губернатора Александра — Алексей (1819 — 1888) — действительный статский советник был черниговским губернатором, другой сын — Александр — полковником (1823 — 1890), Давид (р. 1850) — земским начальником в Пензенской губернии.

Итак, сын саратовского губернатора Алексея Давидовича — Алексей был женат на Н. П. Вигель. Их сын Павел Алексеевич (р. 1847 г.) камер-юнкер был консулом в Лю-

¹ О них подробно сказано в первой части настоящей статьи. См. «Литературная Грузия» № 6, 1980.

² См. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Сиб., 1897, т. XXIIа, стр. 713.

³ Ф. Ф. Вигель. Записки, тт. I—VII. М., 1887—1893. См. т. II, с. 118, 129; т. III, с. 28—31; т. IV, с. 35, 97; т. VI, с. 76; т. VII, с. 70—71.

беке. В 1880 году император разрешил ему присоединить к его фамилии фамилию Вигель, пользоваться гербом этого рода и называться в дальнейшем «Вигель-Панчулидзев»¹ тем, чтобы в его нисходящем потомстве фамилия Вигель переходила только к одному старшему в роде.

Сыновья Давида Панчулидзе — генерал-лейтенант Иван Давидович и генерал-майор Семен Давидович героически сражались в русской армии во время Отечественной войны 1812 года против Наполеона¹.

Иван Давидович начал службу в чине сержанта и дослужился до чина генерал-лейтенанта. Панчулидзе командовал всей кавалерией правого фланга в бою с наполеоновской армией при Аустерлице, а в Бородинском сражении разбил полк французского генерала Нансути. В источниках по военной истории говорится, что боевые успехи, достигнутые под командованием Панчулидзева, явились результатом его отличных действий и беззаветной храбрости. За выдающиеся боевые подвиги Панчулидзе два раза был награжден золотой шпагой с алмазами с надписью «За храбрость», получил два Георгиевских креста, орден Белого орла и многие другие знаки отличия². Генерал-майор Семен Давидович был известен как Панчулидзе-второй. В течение тридцати лет он участвовал во всех важнейших боевых операциях русской армии под командованием Суворова, Кутузова, Багратиони. Семен Панчулидзе особо отличился в сражениях под Аустерлицем, в Бородинской битве, под Тарутином и т. д., а также в заграничных походах 1813 — 1814 годов. Он, также как и его старший брат, был кавалером двух Георгиевских крестов и дважды был награжден золотой шпагой с алмазами с надписью «За храбрость», орденами и другими знаками отличия. Здесь же следует упомянуть, что его сын Иван Семенович был первым грузином-инженером, окончившим в 1831 году Петербургский институт корпуса инженеров путей сообщения.

Значительный интерес представляет деятельность представителей семьи Панчулидзевых на государственной службе.

Особенно проявил себя в гражданской, административной деятельности саратовский гражданский губернатор Алексей Давидович Панчулидзе.

С самого же начала, еще будучи вице-губернатором, он показал большие административные способности. В 1808 году он «за скорое прекращение возникшей в губернском городе Саратове и во многих селениях чумы» был назначен саратовским гражданским губернатором. Источники говорят о том, что до управления Панчулидзева улицы в городе были расположены неправильно, без планировки. Большое число деревянных строений вызывало в городе частые пожары.

¹ И. Г. Антелава. Участие грузин в Отечественной войне 1812 года. Тб., 1962 (на груз. яз.); Б. Эсадзе. Летопись Грузии, вып. I, Тб., 1913, с. 276—277; «Военная галерея 1812 года». Спб., 1912, с. 288 — 289.

² Военная галерея 1812 года. Цит. изд., с. 276.

Особенно большой пожар возник в Саратове в 1811 году в числе заслуг Панчулидзева относится утверждение нового плана Саратова. Согласно этому плану улицы стали выравниваться, стали следить за правильностью построения домов. Был построен корпус присутственных мест, были построены вновь церкви. Усилиями Панчулидзева была открыта губернская гимназия², для которой он уступил свой дом, находившийся в центре города: интересные сведения об открытии в Саратове гимназии даны в книжке М. Арнольдова³. За инициативу, труд, положенный на открытие гимназии, Панчулидзев был избран ее почетным попечителем. Здесь же следует упомянуть, что он был также избран почетным членом Казанского университета. Благодаря стараниям Панчулидзева в Саратове был построен гостининый двор, большое двухэтажное здание с большим количеством лавок на обоих этажах.

Как свидетельствуют современники, Панчулидзев проявлял большую заботу о благоустройстве Саратова. Он, как говорилось выше, не только принимал меры для правильной постройки домов, но и по поддержанию в городе чистоты и порядка. Многие сделал Панчулидзев и для устранения ежегодно вспыхивавших в Саратове пожаров. Была создана за счет городских доходов пожарная команда, снабженная средствами для тушения пожаров. Благодаря энергичной деятельности Панчулидзева в 1870-х годах были построены почтовые станционные дома и проведены почтовые дороги по трактам Московскому, Воронежскому, Симбирскому и Астраханскому.

Панчулидзев положил много труда на восстановление и открытие типографии в Саратове. Следует упомянуть, что в 1816 году типография Саратова совершенно вышла из строя. В 1816 году Панчулидзев ходатайствовал перед правительством о пособиях для типографии. Вместе с этим губернатор сообщал о жалком положении канцелярских служащих губернского правления, которые, несмотря на пособия, получаемые ими от губернатора, находились в рубищах, без обуви и приличной одежды. После долгих хлопот Панчулидзева правительство в 1819 году отпустило средства на устройство типографии. Для обучения саратовцев типографскому делу на год были наняты наборщики московской типографии. Таким образом, Панчулидзев с честью вышел из всех затруднений в деле ремонта и реставрации типографии, и она начала работать.

¹ Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы, вып. I, Саратов, 1893.

² Об основании саратовской гимназии и о Панчулидзеве см. «Саратовский листок», 1874, № 262 и 1848, № 44.

³ М. Арнольдов. К материалам для истории просвещения России в эпоху Александра I. Учреждение в Саратове гимназии... Тифлис, 1870.

«Надо отдать полную справедливость А. Д. Панчулидзеву, — говорится в воспоминаниях саратовца К. И. Попова, что в его канцелярии была самая лучшая служба и служащие дорожили ею»¹.

Панчулидзева обращался со своими чиновниками гораздо лучше и был к ним внимательнее, чем правитель канцелярии Симановский.

Интересные подробности о Панчулидзеве, его взаимоотношениях с населением, с общественностью и о Саратове во время его управления содержатся в путевых записках Г. Геракова². Гераков часто упоминает о чистоте города. Он сообщает о своем посещении саратовского театра, который был открыт Панчулидзевым. По его мнению, участники спектакля играли не хуже петербургских актеров и среди них особенно выделялась Грузинова, которая «украшением была бы и петербургскому театру». Относительно открытой Панчулидзевым больницы и богадельни он пишет, что «больница в самом лучшем порядке, дай бог видеть везде то же: богадельня прекрасна, старость имеет особое прибежище, и все это труды Панчулидзева»³. Гераков был восхищен концертом крепостных Панчулидзева. В 1815 году Саратов посетил известный ориенталист и археолог, профессор Казанского университета Ф. Эрдман, описавший Саратов в двух томах, изданных в Лейпциге «Beitraege zur Kenntniss des Inneren von Russland». Он пишет о Панчулидзеве, что «Предупредительная любезность этого сановника, который, возвысившись благодаря значительным заслугам из низшего звания до настоящего своего положения, умеет с каждым обойтись по его состоянию, обеспечила ему всеобщую любовь всех сословий»⁴.

В конце 1826 года Панчулидзева вследствие интриг был освобожден от должности губернатора⁵.

Панчулидзева умер в 1832 году во время губернаторства Переверзева. Панчулидзеву были оказаны большие почести. Во время похорон «саратовцы всех сословий и состояний сопровождали его в большой массе». «Даже в 50-е годы многие старожилы помнили добрые дела Алексея Давыдовича»⁶.

Очень долгие годы в Саратовской государственной думе висел портрет Панчулидзева. Интересно, что когда в 1837 году

¹ Записки о Саратове К. И. Попова. Цит. изд., стр. 166, в кн.: Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893.

² Путевые записки по многим российским губерниям. 1820, статского советника Гавриила Геракова. Пг., 1828.

³ Там же, стр. 35—36.

⁴ Саратовский край. Цит. изд., стр. 60.

⁵ В конце 1826 г. на место Панчулидзева был назначен А. Б. Голицын (женатый на дочери министра внутренних дел Ланского). Это был надменный и властолюбивый человек. К нему весьма труден был доступ. Жил он в доме Панчулидзева.

⁶ Записки о Саратове К. И. Попова. Цит. изд., стр. 178.

в Саратов приезжал император Александр, он был в думе и обратил внимание на этот портрет. Когда ему доложили, что это портрет бывшего губернатора, он спросил, почему же нет портретов других. «Этот губернатор сделал много доброго и полезного», — ответили ему.

Старожилы Саратова вспоминали, что он из бедного состояния достиг степени губернатора «за добрые свои дела и душу»¹.

Оказывается, мать у него была совсем простой женщиной, но Панчулидзева относился к ней с исключительным уважением и вниманием. Это еще больше возвысило Панчулидзева в глазах всех саратовцев².

Несмотря на то, что Алексей Давыдович Панчулидзева, а также его сын, пензенский губернатор Александр закончили свою службу на посту губернатора при неприятных обстоятельствах, все же нельзя зачеркнуть все положительное в их деятельности по управлению вверенными им губерниями в продолжение многих лет. О том, что саратовский губернатор стал жертвой интриг, упоминается во всех источниках.

Назначенный саратовским губернатором в 1841 году А. М. Фадеев пишет, что в то время было нелегко прослужить много лет на таком ответственном посту и до конца сохранить авторитет, заслуженный плодотворной работой и ее положительными результатами³, и что он много раз видел, «как трудно, без особенной протекции, в редких благоприятных случаях быть у нас истинно полезным на этом поприще и как легко потерять в этом звании репутацию, завоеванную долговременной службой, «иногда без действительной собственной вины».

* * *

Сын саратовского губернатора Алексея Давыдовича Панчулидзева — тайный советник Александр Алексеевич (1790 — 1867), так же как и его отец, управлял одной из крупных губерний России — Пензенской губернией в первой половине XIX века, в течение 28 лет — с 1831 года, а его старший сын — Алексей Александрович (1819 — 1888) был черниговским губернатором.

До назначения пензенским губернатором Александр Алексеевич Панчулидзева⁴ три трехлетия (1822—1831) избирался саратовским губернским предводителем дворянства⁵, в тот же

¹ Записки о Саратове К. И. Попова. Цит. изд., стр. 178.

² Об Алексее Давыдовиче Панчулидзеве см.: Формулярный список архива департамента герольдии. Саратовский листок 1877, № 262, 1878 № 44; А. М. Фадеев. Воспоминания (1790 — 1867). Одесса, 1897, стр. 157. Г. В. Гераков. Путевые заметки. Спб., 1828, стр. 29, 32, 36. Саратовский сборник, т. I, Саратов, стр. 512. Журналы Комитета министров, т. I, Спб., 1888; Русская старина, т. 85.

³ А. М. Фадеев. Воспоминания. 1790 — 1867 гг. в двух частях. Одесса, 1897, стр. 157.

⁴ Г. В. Гераков. Путевые заметки. Спб., 1828, стр. 33.

⁵ На эту же должность в 1855 г. был избран его сын Алексей.

период, когда там был губернатором его отец. Интересно упомянуть, что Александр Алексеевич был женат на сестре известного писателя М. Н. Загоскина — Варваре Николаевне. Начав службу на военном поприще с 1807 года, Панчулидзев дослужился до чина полковника и в 1819 году перешел на гражданскую службу. В 1832 году он был назначен пензенским гражданским губернатором (и произведен в чин действительного статского советника).

В отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина сохранились воспоминания Григория Ивановича Мешкова (1810 — 1879) — правителя пензенской губернской канцелярии, в которых имеются сведения, характеризующие деятельность и личность Панчулидзева.

Между прочим, не лишен интереса факт, что на титульном листе мемуаров имеется автограф автора — дарственная надпись, гласящая: «Любезнейшему племяннику Александру Соломоновичу Размадзе, на память о старом дяде. Г. Мешков, Москва, 30 мая 1872 г.»¹.

По сообщению Мешкова, реформы и улучшения в губернском управлении начались сейчас же после приезда в Пензу А. А. Панчулидзева в 1831 году: Панчулидзев пользовался большой популярностью в своей губернии и произвел большие реформы по управлению губернией. Он проявил с самого же начала большую заботу о материальном положении своих служащих. По свидетельству современников вообще было приятно служить с таким благородным человеком и справедливым, беспристрастным начальником, каким был А. А. Панчулидзева².

Но в 1859 году Панчулидзеву пришлось выйти в отставку. После отставки Панчулидзева уехал в свою деревню в Пензенском уезде и умер там в 1867 году³.

* * *

Значительный интерес представляет личность инженера-путейца Ивана Семеновича Панчулидзева, сына генерал-майора Семена Давыдовича Панчулидзева.

Автор вышеупомянутых воспоминаний Г. И. Мешков был в очень близких отношениях с семьей генерал-майора Семена Давыдовича Панчулидзева.

¹ Г. И. Мешков. Мемуары. Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 178 в составе музейного собрания, д. № 9812.

² Там же.

³ «Ведомости Московской городской полиции», 1856 № 63, Об А. А. Панчулидзева см.: Ф. Ф. Вигель. Записки. Приложение к VII части. М., 1893, стр. 70 — 71; Русская мысль, 1897, № 7, стр. 21. 24; Воспоминания П. А. Салова.

По сообщению Мешкова генерал С. Д. Панчулидзе жил в селе Пановке в 27-ми верстах от Пензы, и у него было двое сыновей, родившихся в 1810 году, и одна дочь.

В 1827 году, как передает Мешков, сын С. Д. Панчулидзева — Иван Семенович, достигший 17-летнего возраста, должен был поступить в высшее учебное заведение и поэтому вся семья Панчулидзевых переехала жить в Петербург².

Иван Семенович поступил в институт инженеров путей сообщения и окончил в нем полный курс. После окончания института он был произведен в поручики в 1831 году и прикомандирован к институту. И. С. Панчулидзе работал в институте путей сообщения до 1837 года и, кроме того, обучал канонистов кондукторской школы топографической съемке в 1835—1837 гг.

И. С. Панчулидзе перевел работу Прони «Записка о приложении вычисления к определению возвышения горизонта».

* * *

В одно время с семьей Панчулидзевых в Саратове жила семья Баратаевых³.

Тайный советник Иван Михайлович Баратаев с 1804 по 1806 год был саратовским предводителем дворянства.

В сборнике «Саратовский край»⁴ в главе «К истории топографии Саратова» имеются интересные подробности о месте жительства семьи И. М. Баратаева в Саратове. В источнике сказано, что «нынешний дом Семенова когда-то принадлежал князю Баратаеву, который был губернским предводителем дворянства. Этот дом и теперь считается большим домом, но в прежнее время он принадлежал к лучшим домам, составлявшим украшение Саратова»⁵.

Дом Баратаева был известен под именем дома князя или князевского, почему и переулочек, который упирался в этот дом, получил название Князевского.

Сохранились интересные сведения о некоторых заслугах Баратаева перед общественностью Саратова: «...при нем, в 1804 году положено основание Александровской больницы, которая была окончена и сдана в ведение приказа общественного призрения в 1806 г. Торжественное открытие больницы состоялось 30 августа 1806 г.»

Как свидетельствуют источники, представители семьи Баратаевых жили и в Казани. Например, в «Спутнике по

¹ В русском биографическом словаре указан год рождения Ивана Панчулидзе — 1813, а год смерти 1853. В Записках Вигеля, стр. 71, в «Родословной росписи дворян Панчулидзевых» указан год рождения 1814, смерти 1843.

² Г. И. Мешков. Мемуары..., л. 86.

³ См. Ц. П. Каландадзе. Участие грузин в культурной и общественной жизни России в первой половине XIX века. Тбилиси, 1978.

⁴ Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы, вып. I. Саратов, 1893.

⁵ Там же, стр. 128.

Казани»¹ говорится, что в Казани с 1789 по 1798 г. губернаторствовал местный дворянин и помещик князь Семен Михайлович Баратаев, при котором и при ближайшем участии которого в Казани получил начало публичный театр. В Алфавитном списке родов потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии, значится Баратаев Николай Семенович (сын вышеупомянутого губернатора Семена Михайловича Баратаева), внесенный в 3-ю книгу 1-й части (роды дворянства, приобретенного на службе гражданской или получившие права потомственного дворянства через пожалование одним из присваиваемых российских орденов) 11 октября 1832 года².

В Центральном государственном архиве Татарской АССР в документах фонда попечителя Казанского учебного округа имеются сведения, что «согласно ходатайства Симбирского губернатора и министра народного просвещения и согласно избранию губернским предводителем дворянства, старший советник, князь Баратаев Михаил Петрович был утвержден в июле 1832 г. почетным попечителем Симбирской гимназии»⁴.

Однако в этом же архиве, в фонде канцелярии казанского губернатора нет сведений о казанском губернаторе Семене Михайловиче Баратаеве, т. к. в архиве отсутствуют документы за 1784 — 1797 годы.

В книге Н. Я. Агафонова «Казань и казанцы»⁵ описан Казанский некрополь и даются сведения о казанцах, погребенных на городских кладбищах Казани с 1794 по 1894 год. Судя по этим данным, на кладбище в Казани были похоронены и, следовательно, жили в Казани: в 1798 г. — губернатор Семен Михайлович Баратаев, Наталья Семеновна (1805), Прасковья Семеновна (1814), Варвара Семеновна (1818), Анна Александровна (урожденная Родионова). О ней сказано, что она являлась тайной советницей и следовательно, по нашему предположению, супругой губернатора Семена Михайловича.

Приведенные выше сведения свидетельствуют о том, что Баратаевы жили в Казани во второй половине XIX века, но о раннем и дальнейшем периоде судить нельзя, поскольку эта книга содержит данные за 1794—1894 годы.

По сведениям А. Б. Лобанова-Ростовского, князь Мелхиседек Мелхиседекович Бараташвили — камергер грузинского царя Вахтанга VI выехал вместе с ним в Россию в 1724 году. Он поступил на русскую службу и стал именоваться князем Михаилом Михайловичем Баратаевым. Сначала он в чине капитана служил полицеймейстером в Астрахани (1733), за

¹ Спутник по Казани (под ред. Н. П. Загоскина). Казань, 1895.

² Там же.

³ Алфавитный список родам потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу. Казань, 1898, стр. 10.

⁴ ЦГА ТАСР, ф. 92, оп. I, д. 3643, лл. 1—3.

⁵ Н. Я. Агафонов. Казань и казанцы, ч. I. Казань, 1906.

тем получил в 1751 г. чин титулярного советника и дослужился до чина надворного советника.

У М. М. Баратаева было четыре сына: Петр (1784—1789), генерал-поручик, кавалер ордена Св. Владимира II степени, был симбирским губернатором с 1780 по 1789 г. Он был женат на Екатерине Саввичне Назимовой, дочери известного контр-адмирала Назимова. Иван (р. 1796 г.), тайный советник, был уфимским губернатором.

Семен, о котором говорилось выше (1745—1798), генерал-поручик, а затем тайный советник, кавалер ордена Св. Георгия III степени, был казанским губернатором в 1789—1796 гг.

Он оставил пять дочерей: старшая из них Елена Семеновна была женой казанского же губернатора, действительного статского советника Бориса Александровича Мансурова (умер в 1814 г.)¹; Александра — была замужем за Михаилом Николаевичем Мусияым-Пушкиным, сенатором, кавалером ордена Св. Александра Невского².

Сын Петра Михайловича Баратаева, Михаил Петрович — известный археолог и нумизмат (1784 — 1856), симбирский губернатор, предводитель дворянства (1820 — 1835), действительный статский советник. Начальник Закавказского таможенного округа (1839). Был женат на Александре Николаевне Чеглоковой. У них были сыновья Алексей и Михаил.

Выясняется, что в Казани из грузин жили не только Баратаевы. По сведениям современников, в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. в Казани имелась грузинская церковь и Грузинская улица, что дает основание предполагать о существовании грузинской колонии. Это подтверждает казанским купцом И. А. Сухоруковым, который сообщает интересные подробности о пребывании Пугачева в Казани и о ее состоянии в то время, записанные К. Ф. Фуксом³.

Сухоруков сообщает, что дом его родителей стоял на Арском поле, недалеко от грузинской церкви. Во время приближения Пугачева к Казани казанские военачальники наскоро построили на Арском поле четыре батареи. Пугачев поставил несколько пушек там, где в начале XIX в. был каменный мост с Сибирской заставой, и стрелял по этим батареям. «Когда началась пушечная пальба, — вспоминает Сухоруков, — дед наш Михаил Сухоруков отвел нас в грузинскую церковь, в которой укрывался близкивающий народ. Вскоре наши воины принуждены были отступить, только уже с двумя пушками, из которых они, ретируясь по Грузинской улице, стреляли так, что картечи падали на церковь и нас приводили в страх»⁴.

¹ Ф. Ф. Вигель. Записки. Цит. изд., т. II, стр. 202.

² Там же, стр. 34, 202.

³ Казанские губернские ведомости. 1843 № 44, «Сказание казанского купца И. А. Сухорукова о пребывании Пугачева в Казани и о ее состоянии в то время» (записано К. Ф. Фуксом); Н. Я. Агафонов. Казань и казанцы, ч II, цит. изд., с. 87.

⁴ Там же, с. 89.

Укрывшиеся в церкви жители увидели, что люди Пугачева идут по этой улице и кричат, чтобы они открыли двери. Дед Сухорукова опоздал скрыться вместе с ними в церкви и был убит казаками потому, что, как объясняет рассказчик, был в «немецком платье и без бороды». «Священники же грузинской церкви ходили с нами в одной рубахе и босиком, чтоб казаки их не узнали, иначе они подверглись бы такой же участи, как и дед мой»¹.

Далее Сухоруков опять упоминает Грузинскую улицу, когда описывает г. Казань. Он сообщает, что каменных построек в городе было немного «в окружности одного квартала, где дома купца Каменева находились, т. е. в Полавской улице: потом далее на Грузинской улице»².

* * *

Среди деятелей, принимавших активное участие в общественно-политической и культурной жизни России, были представители фамилии Донаури (Донауровых).

В родословный сборник русских дворянских фамилий внесен род Донауровых, о котором сказано, что первый Донауров — Герасим — грузинский дворянин³. Его сын Иван Герасимович быстро выдвинулся на государственной службе, имел чин тайного советника и был сенатором. Он умер в 1776 г. и похоронен в Невской лавре. Иван Герасимович имел двух сыновей: Сергея — статского советника и Михаила, так же как и отец, выдвинувшегося на государственной службе. В 1785 г. Михаил Иванович Донауров уже получил чин надворного советника, затем был переведен на военную службу. Когда император Павел I взшел на престол, он выдвинул Донаурова, имевшего тогда чин полковника. В 1797 г. ему присваивают чин генерал-майора и назначают управляющим императорским кабинетом. В 1798 г. Михаил Иванович Донауров получил чин тайного советника. В следующем году он уже действительный тайный советник, кавалер ордена Александра Невского. Его назначают сенатором. После некоторого перерыва в службе при Павле I в 1801 году Донауров вновь был назначен сенатором в 3-й департамент сената.

Сын Михаила Ивановича — Петр (1802 — 1863) сначала был занят военной деятельностью, отличился во многих боях, но в 1832 г. по состоянию здоровья перешел на гражданскую службу, работал по государственному контролю и в 1840 году уже получил чин статского советника. Донауров своей энергичной организаторской деятельностью заслужил большой авторитет. В 40-летнем возрасте он был выдвинут на пост владимирского губернатора, а в 1851 г. — петер-

¹ Казанские губернские ведомости, 1843. № 44.

² Там же, с. 91.

³ Герб Донауровых помещен в IV часть Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи, т. I, Спб. 1799 — 1840, с. 237—239. В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Спб., 1886, с. 237—239.

бургского губернатора и произведен в чин тайного советника. Указом императора от 2 апреля 1855 г. Донауров назначается сенатором. Умер Петр Михайлович в 1863 г. Брат Петра Михайловича Донаурова Николай (1805) был коллежским ассессором и камер-юнкером, в 1833 г. состоял при миссии в Мадриде.

Другой брат, Иван (р. 1806) также играл видную роль на государственной службе. В 1831 г. он был камер-юнкером, служил в министерстве иностранных дел, а затем в министерстве государственных имуществ. В 1843 г. Иван Михайлович Донауров был назначен ярославским вице-губернатором, а в 1846 г. получил чин статского советника. Он умер в возрасте 43 лет.

Из представителей пятого колена Донауровых (считая первым Герасима Донаурова) следует упомянуть генерал-майора Алексея Петровича (р. в 1830 г.), Захария Петровича — генерального консула в Париже (р. в 1832 г.), Петра Петровича — генерал-майора (р. в 1842 г.).

Всего в пятом колене Донауровых 7 сыновей Петра Михайловича, 3 сына и 4 дочери Ивана Михайловича и 2 дочери Андрея Михайловича.

* * *

Наряду с государственными деятелями следует упомянуть и некоторых деятелей культуры и науки. Из среды ранней грузинской эмиграции вышел известный художник-баталист и жанрист Петр Николаевич Грузинский (1837 — 1892 гг)¹, принадлежавший к племени знаменитых русских художников XIX века — Репина, Маковского, Сурикова и др.

Поступив в 1851 году сначала в среднее воспитательное училище Петербургской академии художеств, Грузинский за-

¹ Он был потомком старшего сына Вахтанга VI, царевича Бакара. Фамилию Грузинские носили потомки царя Вахтанга VI, выехавшего в Россию в 1724 г., и последнего царя Грузии Георгия XII.

Потомство Бакара Вахтанговича внесено в V часть родословной книги Московской и Нижегородской губерний.

Потомство Георгия XII получило титул светлости для всех представителей рода (см. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, ч. I—10, т. XIV, Спб., 1799 — 1840).

В Российской родословной книге, изданной Петром Долгоруковым в Сиб. в 1855 г., сказано: бывший грузинский царский дом разделяется на четыре ветви:

1. Князья Грузинские старшей ветви, предки которых царствовали в Картли до 1824 г.

2. Князья Багратионы — младшая отрасль предыдущей ветви.

3. Князья Багратионовы Мухранские, ветвь которых отделилась от общего корня двух предыдущих ветвей, в XVI веке и до первых годов XIX в. владели уделом Мухранским.

4. Князья Грузинские младшей ветви, предки которых царствовали в Кахети до 1792 г.

тем закончил полный курс академии в 1863 г., проучившись в ней 12 лет. Его руководителем в академии был известный профессор Б. П. Вилевальде и другие. Грузинский как художник проявил свои незаурядные способности еще во время учебы в академии.

За работы, представленные на выставках Академии художеств в тот период, ему был присужден ряд наград — большие и малые золотые медали. Например, малую золотую медаль он получил в 1860 году за картину «Цыганский табор», а в 1862 г. был награжден большой золотой медалью за картину «Взятие Гуниба». После окончания академии Грузинский был послан на шесть лет за границу с целью ознакомления с произведениями изобразительного искусства Европы и совершенствования в живописи.

В 1863 — 1869 гг., находясь в Париже, Грузинский написал картины: «Пикет зуавов на маневрах во Франции», которая была приобретена академией, «Рынок в Фонтенебло», «Пляска итальянцев в одной из улиц Парижа в день тезоименитства Наполеона». Картина «Рынок в Фонтенебло» была выставлена на академической выставке в 1864 г., обратила на себя большое внимание и вызвала одобрение общественности.

В 1864 году Грузинский приехал в Россию для того, чтобы отправиться в путешествие на Кавказ и в Грузию с целью сделать зарисовки с натуры, изучить местные типы и собрать материалы для задуманного им большого полотна «Оставление горцами аула с приближением русских войск»¹, которую он готовил для всемирной парижской выставки. За эту картину в 1872 году, после окончательного возвращения в Петербург, он получил звание академика.

Картина П. Н. Грузинского «Оставление горцами аула с приближением русских войск», демонстрировавшаяся на выставке в Академии художеств в 1873 г., заслужила очень высокую оценку в прессе того времени. Например, «Всемирная иллюстрация» оценивала работу художника как прекрасное произведение, а талант Грузинского — как глубокий и оригинальный².

До 1890 года Грузинским были написаны такие полотна, как «Сцена из деревенского быта», «Сенокос в Малороссии», «Загородная прогулка», «Масленица», «Тройка», «Встреча возвращающихся из церкви новобрачных» и др. Реалистическое творчество Грузинского характеризовалось подлинным демократизмом, было правдивым в отображении современной действительности. Произведения Грузинского демонстрировались и пользовались успехом и на международных выставках в Лондоне в 1872 г., в Вене в 1873 г., в Филадельфии в 1876 г., а также на первой Всероссийской вы-

¹ Ф. И. Булгаков. Наши художники, ч. I, Спб., 1889, с. 126—127.

² Всемирная иллюстрация. 1873, от 15 сентября № 246.

ставке в Москве в 1882 г. Многие картины Грузинского хранятся в музеях городов страны¹.

С именем другого питомца Петербургской академии художеств Георгия (Григория) Ивановича Майсурадзе связано возникновение реалистического направления в грузинской живописи. Вся жизнь этого выдающегося художника является примером самоотверженного служения своему народу, борьбы за утверждение демократических принципов в грузинском изобразительном искусстве. Известный грузинский писатель и общественный деятель Александр Чавчавадзе, убедившись в незаурядных способностях Г. Майсурадзе к рисованию, в 1835 г. повез его в Москву и дал ему возможность заняться рисованием.

После двухлетнего пребывания и учебы в Москве А. Чавчавадзе устраивает Г. Майсурадзе в Петербургскую академию художеств. Здесь он учился у выдающегося русского художника К. Брюллова, который всячески покровительствовал его таланту. Одновременно с Г. Майсурадзе в академии учился великий сын украинского народа Тарас Шевченко. В годы учебы Г. Майсурадзе работал в основном в жанре портрета и пейзажа. В музее Грузии хранится его знаменитый пейзаж с видом «Икалтойской академии», выполненный художником в тот период. В 1844 году Г. Майсурадзе окончил Академию художеств, но еще некоторое время жил и работал в России. Он был активным деятелем петербургской грузинской колонии, кружка грузиноведения, собравшегося вокруг Теймураза Багратиони.

Следует отметить, что совместная деятельность грузинских ученых и вступившего с ними в тесный научный контакт академика М. Броссе нашли свое яркое отражение в собирании грузинских рукописей для Азиатского музея².

В числе своих сотрудников Теймураз и Броссе имели постоянных переписчиков рукописей, с помощью которых значительно пополнили как свою личную коллекцию, так и собрание Азиатского музея. Большую помощь в этом деле оказывал им и Г. Майсурадзе. Он не только участвовал в собирании грузинских рукописей, но и выполнял их художественное оформление³.

¹ С. Н. Кондаков. Юбилейный справочник Академии художеств. 1764 — 1914, т. II, Спб., 1914, стр. 55.

² После смерти Теймураза Багратиони его богатейшая коллекция старопечатных грузинских книг и рукописей поступила в Азиатский музей Академии наук в 1848 г. Это крупное приобретение, вместе с другими, незначительными по числу, приобретениями, сделанными до и после 1848 года, составили замечательную коллекцию памятников грузинской литературы. В 1929 г. значительная часть этой коллекции была перевезена в Грузию.

³ Например, в 1838 году в Академию наук во временное пользование был прислан автограф рукописи без заглавия Давида Туманшвили — генеалогическая таблица царей и правителей Грузии. Копия была снята в том же году в Петербурге для Азиатского музея. Художественная часть была выполнена Георгием Майсурадзе, а текст переписан Д. Чубинашвили.

Только лишь в 1850 году Г. Майсурадзе переехал в Кутаиси, где остался до конца своей жизни. Там он женился на дочери сосланного участника польского восстания Фортуната Цехановского — Пеллаге. 3023010333

Дошедший до нас автопортрет можно считать одним из лучших портретов в грузинской живописи нового времени.

Велики заслуги Г. Майсурадзе перед грузинской культурой. Он первый среди грузинских художников утвердил реалистический метод в живописи, произведение его носит гражданский характер и тем самым принципиально отличается от существовавшей до тех пор схоластической иконописи.

В целой галерее портретов своих современников художник выдвигает на первый план внутренний мир этих людей, их высокие идеалы и устремления.

В настоящее время, когда приближается знаменательная историческая дата — двухсотлетие заключения между Россией и Грузией Георгиевского трактата 1783 года, ставшего поворотным моментом в жизни грузинского народа, следует вспомнить о тех, чья деятельность служила укреплению многовековой дружбы и всесторонних взаимосвязей русского и грузинского народов¹.

¹ В дополнение к сведениям о грузинах, живших в Казани, следует сказать, что в первой половине XVIII в. в Казани жили Багратиони. Об этом говорится в книге Н. Булича «Из первых лет Казанского университета (1805—1819)», ч. I, Казань, 1887, стр. 567), что некая домовладелица была раньше в услужении у губернского землемера князя Багратиони. Известно, что в 1740 г. в Казани побывал видный ученый астроном и географ академик Ж. Н. Делиль. Вместе с сопровождавшим его Кенигсфельдом он посетил там «кахетинского князя», который принял их и повел осматривать город. Они побывали в мечети и в татарской слободе. Князь владел татарским языком.

В Казани жила семья главного эконома экономического правления Ивана Мачевариани (Мачавариани). прокурором в Перми в 1784 г. был Сергей Иванович Мачавариани.

Шалва ЧИЧУА

ГЛУБИНА И МАСШТАБНОСТЬ ОБРАЗА

РОМАН И СОВРЕМЕННОСТЬ

О «Законе вечности» Нодара Думбадзе и «Годе активно-го солнца» Гурама Панджикидзе как в грузинской, так и в русской печати было опубликовано множество материалов. Поэтому перед настоящей статьей вставала задача не оценки этих романов, а рассмотрения их в тех аспектах, которые не становились еще предметом исследования.

В данном случае мы намеревались, исходя из сущности этих произведений, заострить внимание на проблеме сопряжения романа как жанра с современностью, на принципах построения образов, на выявлении их богатства и глубины.

В 70-е годы неоспоримым фактом стало развитие грузинского романа, выявилось многообразие стиля, разнообразные принципы построения образов, специальное изучение которых, на наш взгляд, поможет яснее представить картину развития литературного процесса.

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОСТЕЙ

Как известно, использование условного образа восходит к временам зарождения литературы и искусства. Более того, всякий художественный образ в какой-то степени условен. И даже если прибегать к нему с определенной целью, следуя традиции, то и тогда это явление вполне закономерное в литературе. Однако же он обладает определенными качествами, вследствие чего многое зависит от индивидуальности писателя, его такта, мастерства, умения сохранить «равновесие». Ибо условный образ имеет тенденцию к освобождению от чувственно-конкретного начала и стремится к чрезмерному «обобщению», которое в своей крайней форме приводит к абстракции. В нем усилена функция художественного образа и ослаблена его самостоятельная ценность, долженствующая

основываться на принципе отражения и инвариантной, суб-
станциональной природы художественного образа.

Несомненно, во всех формах познания, в том числе и в художественном отображении, всегда проявляется общая субстанциональная сущность объекта отражения. Но если одним из основных признаков художественного образа является его конкретность, изображение обобщения в конкретной форме, то он обязательно отражает конкретно-историческое, эпохальное и национальное, в чем и проявляется особенность и ценность каждой национальной литературы при отображении и изображении общечеловеческого.

Существует ошибочное мнение, будто мифологическое мышление отражает вечные формы мироздания и существования человека. Вечный круговорот, без перспективы развития, как отмечает Е. Мелентинский в своем труде «Поэтика мифа», привнесен неомифологией и связан с декадентско-модернистской концепцией мира. И она проявляется тогда, когда принцип историзма не дает надежной перспективы в будущем.

Поиски форм отображения должны сознательно связываться с предметом искусства, ибо вольно или невольно такая связь в художественном произведении осуществляется всегда.

Несомненно то, что и романы, в которых в качестве формы выражения используются аллегория, парабола, гротеск, так или иначе, реально или иллюзорно, связаны с проблемами современности. Но в этих случаях связь формы с предметом весьма проблематична. Художественная проблема, возникшая в сознании писателя, и мысль художника персонифицируются в «любые», «свободные», художественные образы, которые вольно или невольно ослабляют непосредственный эмоциональный контакт как писателя, так и читателя с современной действительностью.

Сначала же необходимо оговорить, что у каждого художника — свое «амплуа», свой самобытный талант. Он может поставить острую проблему прямо, но может сделать это и окольным путем. Все зависит от его индивидуальных качеств. И тут нет готового рецепта...

Но общая атмосфера развития литературного процесса не может не оказать влияния на литературу вообще и на каждого художника, в частности. И с этой точки зрения напечатанные два года назад в журнале «Цискари» столь различные по стилю и художественной фактуре романы, как «Закон вечности» и «Год активного солнца», стали значительным явлением в грузинской романистике конца 70-х годов. Думается, развитие грузинского романа вступает в еще более интересную фазу.

Помимо самостоятельной идейно-художественной ценности, эти романы имеют общее значение и в плане литературного процесса.

Оба эти произведения кровно связаны с традициями грузинского, а конкретнее, грузинского советского романа и в то же время открывают новые горизонты в перспективе

развития жанра. Постановка проблем в этих романах посредством художественного отображения современной действительности, каждодневной реальности, происходит в лучших традициях грузинской романистики.

Проблемы современности ставятся в них на базе современной фабулы. Иначе говоря, современность приобретает тут образное выражение: весь спектр ее острых и глобальных проблем преломляется в духовной жизни героев, в их психике.

Творчество, созидание — специфика художественной деятельности человека. Вместе с тем следует учитывать, что суть романа как жанра основывается на исследовании живой действительности, ее живых взаимосвязей, на поиске. Это и есть основной признак романа, его выработанная на протяжении веков специфика. От этого зависит и его познавательная ценность, его историзм.

В «Законе вечности» и в «Годе активного солнца» в типических характерах отражены эпоха, конкретное время и обстоятельства. Одно из главнейших свойств Бачаны Рамишвили, Нодара Геловани, Глахуны Керкадзе, Гоги, Манучара Киквидзе и других персонажей — их эмоциональность. Это живые человеческие характеры, которые наряду с функцией имеют и самостоятельную ценность. Задачи выражения и отображения согласованы, лишены односторонности, которая могла бы склонить содержание и фактуру романа либо к отображению абстрактных образов, либо к очерковому, зеркальному отражению действительности.

В обоих романах вымысел основывается на исследовании действительности, на личном опыте писателя, накопленном в непосредственном контакте с ней. Форма повествования тут непосредственно связана с предметом отображения. Герои их не плод авторской фантазии или реализация персональной модели, а отображение и выражение действительности в типичных образах. Бачана Рамишвили, Нодар Геловани, Маглаперидзе, Гоги и другие персонажи абсолютно самобытны. Невозможно, например, представить себе Гоги вне конкретных веяний и умонастроения времени. «Произносить тосты за родных или за девять братьев Херхеулидзе — не наше дело», — говорит он от имени своих «друзков».

Мы не собираемся осуждать его. Но личность Гоги требует пристального анализа, наблюдения. Нам хочется видеть в нем в первую очередь положительное. Он не лицемерит, не лжет, но именно в силу этого столь важен вопрос: почему у него пропало желание пить тост за братьев Херхеулидзе? За героев исторических, действительно совершивших патриотический, героический, подвиг.

Объяснить это просто, и однозначный ответ никого не удовлетворит. Да это и не входит в задачу писателя. Гораздо важнее для него направить мысль читателя. Иди еще: не стоит ли задуматься над тем, почему Гоги не хочет иметь детей? «Женитьба — глупость. За детьми требуется уход, потом их на ноги поставить надо. Благополучие семьи вы-

нуждает чего-то добиваться, хотя бы для того, чтобы ^{увеличить} достаток. Вот отсюда и начинаются все беды. ^{Ничего} не остается, как льстить кому-то, величать гением любого кретина, если он твой начальник. И притом надо скрепя сердце сносить окрики и унижения. И с самолюбием надо распрощаться навсегда, чтоб не страдали дети. Существовать таким образом я и не желаю и не могу».

В центре обоих романов близкие читателю жизненные проблемы, которые преломляются в образах Бачаны Рамишвили, Нодара Геловани и других персонажей. С точки зрения современности увидено и прошлое. Ретроспектива в «Законе вечности» имеет и другое назначение — выявить моральную опору в напряженных коллизиях прошлого и настоящего, отыскать генетическую связь между ними, показать своеобразие нравственных задач в современной действительности. Прошлое — и безрадостное и хорошее, и героическое и постыдное — в наших воспоминаниях всегда окружено неким ореолом романтичности и привлекательно для нас как часть нашей жизни, нашего существования.

Но здесь эта привлекательность не лишает писателя трезвого реалистического взгляда, критического отношения к действительности.

Самый колоритный, написанный с большой художественной силой образ Глахуны Керкадзе, к которому Н. Думбадзе отнесся с большой душевной теплотой и особым вниманием, увиден со всех сторон — и положительных и отрицательных. Может быть, потому, что он духовно близок писателю.

...Внезапное нападение бандита сковывает волю Глахуны. Но придет время, когда страх уже не сможет заставить его подчиниться воле Манучара. Он не хочет спасенной таким путем жизни. И у читателя не возникает даже тени сомнения в этом. В жизни каждого человека, если он вынужден идти против своей совести и моральных убеждений, наступает момент, когда существование теряет для него смысл.

Глахуну Керкадзе можно было бы принять за эпизодический персонаж включенной новеллы, но уже два эпизода из его жизни и методы обрисовки характера рисуют нам героя романа. Глахуна интересует писателя как самобытный, обладающий самостоятельной ценностью человек во всей своей цельности, как живущий в определенную эпоху человеческий индивид. Горечь и стыд душили Глахуну, когда он шел за Манучаром. «Разорвись, сердце, — взмолился он. Но не разорвалось сердце. Хуже того — Глахуна ускорила шаг. Позор, позор!».

Эта естественная реакция человека на страх перед смертью предшествует осознанию, осмыслению своего положения. Постепенно до сознания Глахуны, определяемого его мировоззрением, социальной сущностью и психическим складом, доходит весь ужас, постыдность его капитуляции и под конец проявляется человеческая сущность его.

Именно в этом видится нам специфическая особенность романного персонажа — глубокое знание писателем социаль-

ной природы героя, его психики, разностороннее исследование жизни, которые, будучи сфокусированы в одной идеологической точке, создают идеологический центр произведения: «Если я и этот скот сотворены из одной глины, зачем мне жить!».

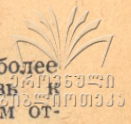
Вместе с развитием личности меняется моральный облик человека. Образование, накопленный жизненный опыт могут оказать либо положительное, либо отрицательное влияние на него. Бачана Рамишвили — подросток военного времени — становится редактором журнала, депутатом Верховного Совета и членом Центрального Комитета партии. Но в основном характер его сформировался в детстве. Бачана Рамишвили, как персонаж романа, интересует писателя не в каком-либо конкретном жизненном эпизоде, хотя в каждом из них раскрывается его характер, а в его целостности, от истоков его жизни по сей день. Поэтому Н. Думбадзе и применил своеобразную ретроспективную форму повествования. Но сам по себе метод не может обусловить результата. Его применение зависит от писательской индивидуальности, от его таланта.

Своего рода подведение итогов жизни, ее новое осмысление и переоценка, которые происходят в период болезни героя, дают автору возможность глубокого реалистического исследования путем типизации и обобщения. Ретроспективной показаны именно те узловые моменты из детства Бачаны, которые оказали в дальнейшем решающее влияние на формирование его личности. Ломкаца Рамишвили, Глахуна Керкадзе, Тамара и другие, — вот кто определил его становление как личности, кто оставил неизгладимый след в душе и психике.

Слова Тамары «Куда тебе еще расти» вовсе не означали, что пятнадцатилетнему Бачане незачем расти. Честная, искренняя, отзывчивая душа парня убедила Тамару в том, что моральный облик Бачаны уже определился. Дальнейший рост и совершенствование шли по тому основному направлению, которое зародилось и оформилось в детстве, хотя жизнь уготовила ему множество испытаний и трудностей. Ясно, что возвращение к истокам было вызвано стремлением объяснить нынешнюю жизнь героя, задачи, стоящие ныне перед ним. Тот характер, та личность, которая сегодня стоит лицом к лицу с жизнью, формировались на протяжении десятилетий. Таково назначение ретроспективы в «Законы вечности».

Ту же цель преследуют сельские сцены в «Годе активного солнца». Хотя тут мы имеем дело с совершенно иным, исходя из структуры и анализа, подходом. Приезд (дважды) Нодара Геловани в деревню — это то же возвращение к истокам, с той лишь разницей, что старое и нынешнее село должно предстать перед нами с точки зрения разных персонажей в «едином кадре», хотя повествование и ведется от первого лица.

Нана Джандиери воспринимает село как некую идиллию. Совершенно по-другому видит сельскую жизнь мест-

ный житель Элгуджа, и совсем иной взгляд, и куда более сложный, у самого Нодара Геловани, в котором любовь к селу и к своим близким сочетается с критическим к ним отношением.

Своего рода романтизирование сельской жизни как в «Законе вечности», так и в «Годе активного солнца» полностью понятно и естественно. И в самом деле, после той «лавы раскаленного железа», которая «издергает нервы» на городской площади в романе Г. Панджикидзе, нельзя не проникнуться романтическим чувством к селу, создающему иллюзию первобытной естественности и успокаивающему издерганные и переутомленные нервы. Но в то же время в этих романах нет идеализации села. Его быт и сельские жители своей простотой и непосредственностью, быть может, даже и привлекают нас, хотя и в одном, и в другом произведении наряду с положительными показаны и теневые стороны сельской жизни.

Ее картины естественно вписываются в оба романа, не нарушая структуры, не изменяя задач. Биография большей части нашей интеллигенции тесно связана с селом, и если писатель ставит своей задачей показать жизнь героя в ее целостности, это, естественно, приведет его к художественному анализу жизни как нынешнего села, так и существовавшего десятки лет назад. Еще одно значительное условие — психический склад героя, основные импульсы его жизни и интересы, которые стоят неизмеримо выше его чисто профессиональных целей и задач и определяют не только их, но и саму личность, ее устремления, и проявляются как в главном, так и в повседневных «мелочах».

Осмысление жизни нации в ее целостности предполагает восприятие жизни города и села как частей одного организма.

Сегодня весь мир волнует множество острых и актуальных проблем. Их влияние на себе в большей или меньшей степени испытывают все. И несмотря на то, что в решении этих глобальных и важнейших вопросов роль каждого отдельно взятого человека проблематична, нельзя отрицать их влияния на его психику, моральный облик, каждодневную деятельность. Внешне «бездеятельный» современный человек несет большую мыслительную и психологическую нагрузку. Любая — и большая и малая — страна, ее граждане чувствуют влияние проблем, волнующих мир, на жизни своей страны и на собственной жизни. В век телевидения и радио, сверхскоростных лайнеров пространства сократились, мир стал настолько тесен, что каждая мало-мальски значительная весть в мгновение ока достигает всех уголков земли. Планета живет напряженной, нервной жизнью.

Все это не может не вызвать, в первую очередь, активизации мысли, поиска, желания по-новому осмыслить сущность всех стоящих перед миром, человечеством задач, разобраться во взаимосвязях технического прогресса, экологии, биосферы, философии и морали. Сегодня каждый мыслящий человек стоит перед запутанным узлом проблем.

В атмосфере этих сложных взаимоотношений и присутствуют нам Бачана Рамишвили и Нодар Геловани — типичные представители грузинской интеллигенции.

Оговорим сначала же — эти важнейшие проблемы раскрыты в романах в единстве с «локальными», местными, которые можно было представить как «специфику» национальной жизни. Они сопрягаются с нашими собственными, казалось бы независимыми от общечеловеческих проблем, сложными и острыми, «чисто грузинскими» вопросами, и в некоторой степени даже объясняют их. Глубокая заинтересованность Нодара Геловани и Бачаны Рамишвили проблемами общечеловеческими — не нарочитый художественный вымысел. Это — естественная духовная потребность героев, так как они, эти проблемы, пустили глубокие корни в жизни грузинской интеллигенции и «обычны» для нее так же, как и для каждой другой нации. В основе и одного, и другого произведения — типичные для романа ситуации, анализ всех и вся, исследование и изучение, критическое освоение. Происходит пересмотр всего, переосмысление, переоценка уже устоявшихся, казалось бы, моральных ценностей. Ясно, что это не всегда означает отрицание, но ищущий критико-аналитический дух, как основа жанра романа, вдохнул в произведения жизнь, усилил их функцию, как действенного средства художественного освоения современной действительности. Она же, в свою очередь, является неиссякаемым источником, питающим роман как жанр и исключаяющим «теоретические» постулаты, утверждающие, что современная действительность в художественном произведении непригодна для реализации общечеловеческих проблем.

Направление «Закона вечности» и «Года активного солнца» разрушает такого рода «теоретические» построения и утверждает неувыдаемое значение современной тематики для развития романистики. Для жизни романа как жанра важнейшее значение приобретает эмоциональность художественных образов.

Бачана Рамишвили, Нодар Геловани и другие персонажи — представители конкретной национальности, живущие в определенном времени и пространстве. Как совершенно разные индивиды, личности, они по-разному откликаются на глубокие национальные проблемы, но общий, объединяющий их признак в том, что они одинаково остро переживают эти проблемы, что каждый по-своему ищет свою точку зрения на окружающее и находит свой путь конкретных действий.

Бачана Рамишвили более оптимистичен и цель его действий, задачи и планы более четки, чем у Нодара Геловани. Но в главном они сходятся. Наблюдательность, исследование, усиленный моральный и философский поиск, пафос напряженной внутренней борьбы характерны для обоих. Каждое новое суждение, мысль — плод активной работы разума и души, плод нового, собственного осмысления, обобщения богатого научного и философского наследия. В их мышлении естественное место занимают новейшие открытия нау-

ки, и совсем необязательно, чтоб их соображения представляли собою истину в последней инстанции. Определяющим свойством этих романов является поиск. Их авторы не дают готовых рецептов. Напротив, жизнь главных героев и там, и тут, их действия, суждения всегда могут вызвать спор.

Характеры Бачаны Рамишвили и Нодара Геловани настолько жизненны, что вызывают у читателя желание поспорить с ними. Это представляется самым большим достоинством рассматриваемых романов.

Первейшей задачей литературы всех времен всегда было создание типичных образов современности. Синтетическая природа литературы, искусства дает возможность для создания цельного, чувственно-эмоционального художественного образа современного человека. Но каков этот, современный, человек? Можно ли отразить его в одном типе?

ИНДИВИД И ОБЩЕСТВО

«— Отдыхайте, пользуйтесь всем, что вокруг. Вы должны исходить из предпосылки, что все — для вас. Это море, пароходы, самолеты, вода, еда, питье, вся земля — все ваше. Отдыхайте, выздоравливайте».

Врач из дома отдыха смотрит на вас исполненными нежности и доброты глазами, и в эту минуту хочется верить, что это не стереотипные фразы и что они — эти слова — только для вас. Нет никакого желания спорить с кем бы то ни было, а тем более с этой доброжелательной женщиной... Но тем не менее в глубине души возникает протест, и меня не оставляет мысль об этом.

Известно, что человек устанавливает контакты с окружающим посредством своего «я». Другого пути у него нет. Более того, для человека мир существует таким, каким он его видит. Но насколько верно все вокруг оценивать по отношению к себе? Может, было бы лучше, если бы человек весь окружающий его мир воспринимал, как самостоятельную ценность. Лучше не только для общества, но и для самой личности, для более правильного определения ею своего места. Это вопрос мировоззренческий, связанный с моралью, нравственностью. Надо верить в самостоятельную ценность всего того, что окружает нас. Тогда человек по-другому мыслит, чувствует, у него вырабатываются другие моральные критерии.

И, наконец, ведь окружающий мир, бесспорно, оказывает влияние на формирование характера индивида, на его психический склад, сознает он это или нет. Ведь мысль и чувства человека направлены на то, чтобы определить свое место в природе и обществе, вникнуть, в пределах своих возможностей, в суть всего сущего на земле, выработать собственные цели, моральные нормы, план действий и соотнести все это с границами дозволенного. Жизнь Бачаны Рамишвили и Нодара Геловани есть непрерывный поиск этих границ.

Роман «Закон вечности» построен так, что можно дать оценку всей жизни героя, с его точки зрения и в восприятии самого героя, несмотря на то, что писатель ведет повествование в третьем лице. Тут рассказчик и герой — одно и то же лицо. Но писатель использует третье лицо для того, чтобы создать своего рода дистанцию между рассказчиком и героем, внимательнее взглянуть на него, посмотреть на него будто бы со стороны. Так герой может быть более объективным в оценке своей жизни, пройденного пути, может лучше разобраться в собственном «я».

«Ты задумывался когда-нибудь, кто ты?» — спрашивает академик Гзиршвили Нодара Геловани, для которого моральные, нравственные нормы его жизни доньше были не вполне осознанны. Во всяком случае, острейший, доходящий до трагизма самоанализ не был определяющим признаком его духовной жизни, хотя тайная печаль и грусть «снедали его душу». Самоубийство академика и причины, его вызвавшие, совершенно под другим углом осветили вопросы сущности человеческого бытия и назначения человека. Все это оказывает влияние на выработку новой позиции, новой точки зрения на проблемы современной жизни, болезненные вопросы действительности. Внутренний, до конца не осознанный и не сформировавшийся протест, который начал зреть в сознании Нодара Геловани как гражданина, приобрел более четкий и законченный характер.

Но самоанализ, столь необходимый герою для осмысления его устремлений, движущих импульсов, целей, задач и моральных устоев, совершенно недостаточен для решения глубоких задач. Хотя при учете типологического разнообразия современной романистики окажется, что еще достаточно много регионов, где господствует субъективистский роман, несмотря на то, что новая волна реалистического романа в Америке, Англии, Франции и других странах Западной Европы свидетельствует о новом подъеме реализма.

На пути исчезновения — «новый роман», теоретик и практик которого Н. Саротт вместе с А. Роб-Грийе, М. Бьютором и другими стояла на позициях субъективизма. Она писала: «Со счастливых времен «Эжени Гранде», когда герой возвышался на пьедестале между писателем и читателем, он постепенно все больше и больше терял свои атрибуты и привилегии, движимое и недвижимое имущество, ценные бумаги, одежду, тело, лицо». И, наконец, ввиду того, что отображение богатого, сложного духовного мира представляет большую трудность, по мнению Натали Саротт, «писатель открыто и честно говорит только о себе»...

Было бы неверным сразу же и безоговорочно опровергать смысл этих слов. О сложности духовной жизни и трудностях ее отображения говорят не только модернисты, но и реалисты. Говоря словами Альберто Моравиа, гораздо правильнее было бы писать «подумал я», чем «подумал он».

И в самом деле, почти всегда главный герой, даже в классических реалистических произведениях, особенно близок

духу писателя, его биографии, мышлению, идеалам и психическому складу.

Разумеется, мы не хотим тут поднимать старый вопрос об идентичности писателя своему герою или о дистанции между ними. Ясно только одно: писатель пишет о том, что хорошо знает и что составляет определенную часть его существа, поднимает ту проблему, которая волнует его. Только форма никогда не была определяющей для произведения.

Но в реалистическом произведении один герой, каким бы глубоким ни было его мышление, как бы сложна ни была его психология и богата биография, в принципе не создает фактуры романа. Эпические произведения могут быть разнообразны по своей форме, но они обязательно предполагают причинно-следственную связь взаимоотношений персонажей, взаимовлияние их, отражение типичных характеров и типичных обстоятельств, в том случае, разумеется, если писатель стоит на реалистических позициях.

Быть может, потому и наблюдается ныне в мировой литературе возвращение к повествованию в третьем лице. На мой взгляд, возможно, этим объясняется то, что Нодар Думбадзе в «Законе вечности» ведет повествование в третьем лице, хотя роман построен на событиях, происходящих в жизни одного героя, на воспоминаниях, и по логике требует рассказа от первого лица. Но, видимо, писателя не удовлетворили возможности повествования от первого лица. Он хотел шире отобразить действительность.

В романе «Год активного солнца» писателя не удовлетворяет круг видения одного героя — Нодара Геловани. Сам он также недоволен ограниченностью информации, поступающей к человеку:

«Я никогда не узнаю, как мой отец нашел Гоги». Для восполнения недостатков повествования от первого лица Гурам Панджикидзе применил весьма оригинальный прием отображения типических обстоятельств и типических ситуаций.

«На дворе было прекрасное июньское утро, когда незнакомец позвонил по телефону в кабинет прокурора.

А может, июльское?

Вполне возможно, что был уже вечер, а не утро.

А может, незнакомец пожаловал к прокурору самолично? Маловероятно!

Нет, все же позвонил и условился о встрече на окраине райцентра, возле моста».

Всего этого герой-рассказчик не мог видеть, поэтому писатель предлагает читателю множество возможных вариантов, в которых главное одно — истина, которая выявляется в разговоре между педагогом и прокурором Резо Геловани. Этот разговор имеет немалое значение для романа, поднимает одну из глубоких, значительных проблем. Она типична, жизненна, взята из опыта писателя и героя, но в структурном отношении, ведись рассказ только от первого лица, была бы невозможна. Писателя, стремящегося к широкому и полному отображению жизни, не удовлетворяют возможности рассказа от первого лица, и часто оригиналь-

ным путем он прибегает к повествованию в третьем лице, отличающемся богатством информации.

В романе таких глав немало: приход отца, профессора Геловани, к Гоги, эпизод, где Зураб Гомартели сбивает машинной девочку, смерть маленького брата Нодара, встреча прокурора с педагогом, эпизоды, связанные с семьей Эки, свидетелем которых, разумеется, не мог быть Нодар Геловани. Иногда герой так и заявляет: «Эпизод без меня». Автору недостаточен диапазон *ich form*-а, и он возвращается к формуле — «писатель знает все». Он показывает нам, что происходит в душе героя, в романе это осуществляется интроспекцией, а также и то, что происходит вокруг него. Жизнь героя вовлекает в свою орбиту жизнь других людей, и она становится предметом незатухающего интереса писателя, хотя бы потому, что никак не объяснишь источник импульсов героя без объективной среды, без других героев. Кроме всего прочего, эти герои обладают своей самостоятельной ценностью и значимостью.

Так входят в сюжет романа многочисленные персонажи, типичные обстоятельства и явления объективной живой действительности. Например, Мамука Торадзе. Он напоминает нам Хидашели из «Седьмого неба». Быть может, такой человек очень и нужен на своем месте, для дела. Но он внутренне опустошен, морально выхолощен, бесчувствен. Или Гоги. Вся жизнь его — внутренний протест против лицемерия, двуличия, фальши, показухи. Но в нем умерла душевная страсть и расцвел цинизм.

«Я не верю в братство даже тех, кто вместе рос. Вы мне даже в товарищи не годитесь. Просто-напросто мы не найдем общего языка»; «Прозносите тосты за родных или девять братьев Херхеулидзе — не наше дело», «Сейчас все меняется в таком темпе, что через каждые пять лет появляются люди с новой психологией».

Что это, как не признание и искусственное, нарочитое усложнение проблемы поколений. Он не делает попытки одолеть противоречия. Наоборот, искусственно расширяет пропасть, средства борьбы с отрицательными явлениями жизни — оглушающая поп-музыка, алкоголь, наркотики — весьма ограничены. В этих условиях усиливается склонность человека к трагическому восприятию окружающего. Конец... Конец трагический, но в то же время логичный.

Несмотря на искреннее желание, Нодар Геловани не смог установить контакт с незнакомым братом. Мы вовсе не хотим упрекнуть его за это, а всего лишь подчеркиваем проблему взаимоотношений героев. Главным, определяющим признаком героя, его разумного и духовного естества является позиция по отношению к окружающему обществу, к людям. Но позицию эту определить невозможно, если мы не получим информацию, разумеется, в специфических художественных образах, о тех, к кому так или иначе должно выразиться отношение героя. Поэтому такое большое значение для понимания главных героев имеют «второстепенные» персонажи — Маглаперидзе, Мтварадзе, Дарахвелидзе, Небиери-

дзе, профессор Геловани, директор лесхоза, Гоги, Зураб Гомартели, Мамука Торадзе и другие.

Основные конфликты, определяющие идейно-художественную сущность обоих романов, проявляются именно в выработке позиций Нодаром Геловани и Бачаной Рамишвили, в уяснении ими сути своей жизни, в анализе своего человеческого «я».

После трагикомического визита к Бачане в больницу комбинатора Дарахвелидзе сапожник-«физиономист» Булика говорит, что он сразу распознал Дарахвелидзе: «Подошвы твоя туфель были стертые спереди, а каблук совершенно новый. Значит, эти туфли у него парадные, и надевает он их только во время визитов к начальству. Перед начальством, ясное дело, ходит на носках, оттого и подошвы стертые только спереди... Подлец он или нет? Подлец, конечно...»

Из газет они узнали о событиях, происходящих за стенами больницы: «Сняли Небиеридзе».

«— Ну, это меня не касается, — умыл руки Иорам. — Небиеридзе — ваш католикос, у меня, слава богу, свой владыка».

— Ладно, допустим, мирские дела вас не касаются. А вы, уважаемый Бачана? Где были, куда смотрели вы? — Булика перенес атаку на писателя.

— Кто это мы? — прикинулся тот простачком.

— Вы, вы, писатели!

— Мы?.. Мы... Где мы были?.. — У Бачаны словно память отшибло. «Неужели ты так и сидел сложа руки?» — спросил он себя и, не вспомнив ничего утешительного, произнес с сожалением: — Мы, дорогой Булика, сидели рядом с тобой, ремонтировали ту самую изношенную обувь...

— Вот и правильно! — обрадовался Булика».

Такая искренность Бачаны — писателя и гражданина — по отношению к самому себе залог того, что наша литература и ее герои с большей правдивостью, ответственностью и желанием вникнуть в суть поднимают проблемы развития нашего общества на должную высоту, заостряют внимание на морально-этических ее аспектах.

Так же и в романе «Год активного солнца». Без чистых, искренних стремлений философские размышления о мировых проблемах ведут к позерству, без конкретного содержания лживыми будут слова о гуманизме, человеколюбии и патриотизме. «Так слушай меня внимательно, а то я сойду с ума. Ты должна понять меня, Эка, должна понять! Я слабый и чувствительный человек. Я не в состоянии жить так, как живут другие. Меня бесит и сводит с ума, что вокруг крутятся злые и завистливые люди. Я не выношу лжи и фальши, не выношу подхалимства и подсиживания, не выношу вероломства и убийства. Жизнь для меня лишь отчаяние и разочарование. А я сам, как живу я сам, почему я мирюсь с безобразием, царящим вокруг меня, почему я не борюсь с подонками и эгоистами, день и ночь твердящими высокие слова о гуманизме, человеколюбии, патриотизме?».

Слова Нодара Геловани свидетельствуют о том, что его волнуют те же проблемы, что и Бачану Рамишвили.

Особенно ценно в этих героях чувство самокритичности. Ведь критиковать других легче.

Бачана Рамишвили догадался, чем был вызван поток просителей к нему. Ведь он и в самом деле принял участие в назначении Бацалашвили директором ресторана «Имерети». И неважно, какими мотивами руководствовался. Протекция есть протекция! И в данном случае отец Иорам быстро разобрался, что к чему:

«— Значит, уважаемый Бачана, кто-то и впрямь взял взятку?...

— Так получается! — согласился Бачана».

Если от подобных ошибок не застрахован даже Бачана, имеющий определенное общественное положение, сформировавшийся характер и действенные принципы, то что же тогда говорить о Нодаре Геловани? Он прекрасный исследователь, ученый, но в общественной жизни от него мало что зависит. Роль личности в жизни, роль индивида стала проблематична. Нодар Геловани еще не до конца разобрался, не определил свое место и роль в общественной жизни, а вот педагог десятилетки, с которым у прокурора Резо Геловани состоялась весьма примечательная беседа, хорошо знает о своих слабостях. «Моя беда в том, что я не выношу несправедливости, а бороться с ней не хватает духу». И все-таки, несмотря на это, он по-своему старается помочь установить истину, восстановить справедливость.

Какова же личность Нодара Геловани? Личность, познающая либо старающаяся познать самое себя, общество и мир, не может быть несостоятельной. Такой герой сам может оценить свой внутренний мир, свою силу и слабость.

Легко живется тому, кто плывет по течению. У него может возникнуть иллюзия, что он сильная личность. Только тот, кому приходилось идти против течения, может определить истинную цену своей силы или слабости.

Поэтому совсем не удивительно, что Нодар Геловани называет себя «чувствительным и слабым человеком». Жизнь без эмоций — путь, ведущий к Мамуке Торадзе, дальше к роботу. Для того чтобы изменить что-либо в жизни, сил одного человека явно недостаточно. И Нодар Геловани, сознавая свое бессилие, восстает против самого себя. Но сделал ли он хотя бы то, что в его силах? Вот это главное!

Важный и определяющий момент в отображении главных героев «Закона вечности» и «Года активного солнца» — выработка героями собственных взглядов и активной позиции по отношению к явлениям общественной жизни. Своего рода выводы делает Реваз Геловани, слова которого в некотором роде обобщают программу и суть действий положительных героев обоих романов, их национальное и общечеловеческое значение:

«— Я борюсь ради людей... ради людей! Нельзя допустить, чтобы народ утратил веру в справедливость. Нельзя

допустить, чтобы людей запугали и превратили в трусливых баранов».

Заставляет задуматься и ответ на эту реплику районного врача, ответ, требующий серьезного анализа и исследования.

«СПОР» С КОПЕРНИКОМ

Поиски Нодаром Геловани смысла жизни ценой крайнего напряжения его душевных сил разносторонни. Они охватывают все сферы человеческого бытия — научную, этическую, эстетическую, религиозную. Может, он слишком восприимчив к человеческим взаимоотношениям, к повседневным явлениям, импульсам и мотивам человеческих поступков, может, он слишком эмоционален, но мир и человек для него нераздельны. И не потому, что он физик. Те же проблемы стоят и перед писателем — Бачаной Рамишвили.

Грандиозные достижения человеческого разума тесно связаны с судьбой планеты, с судьбой человечества. Сегодня «чисто философские» вопросы настолько тесно переплетены с человеческой моралью, что философия как бы стала более «человечной» и заняла прочные позиции в жизни и романистике.

Но вместе с тем рассуждения о философичности литературных произведений стали модны.

Определение «философский», которое, как я думаю, относится к определенному типу романа, настолько обесценено, расширено, что, есть в этом необходимость или нет, используется в применении к любому произведению с той или иной морально-этической проблемой. Но, насколько мне известно, художественное произведение немислимо без морально-этических проблем. Все, что входит в художественное произведение и связано с человеком, с человеческими взаимоотношениями, должно преломляться в сфере морали. Это необходимый признак, издревле определяющий специфическую суть художественного произведения вообще — поэтического, прозаического или драматургического. Помнится, корреспондент «Ахалгазда комунисти» задал Нодару Думбадзе вопрос, как он относится к тому, что грузинская литература 60-х годов XX века подняла моральные проблемы. Писатель ответил: «Я не помню периода, когда бы грузинская проза от «Мученичества Шушаник» и по сей день не уделяла особого внимания проблемам морали. Именно это я считаю главным назначением прозы». («Ахалгазда комунисти», 1976, 24 февраля). И это абсолютная истина.

Если учесть, что этика — составная часть философии, может быть, прав был Бальзак, считавший себя философом, а также и Прево, назвавший «Манон Леско» «трактатом о нравственности». И все-таки, думается, философский роман имеет собственную специфику, которая выделяет его в отдельный тип романа. Но это не значит, что философские проблемы в нем поднимаются в отрыве от социальных, психологических аспектов жизни человека.

Иные писатели, критики и литературоведы без достаточных, на мой взгляд, на то оснований считают, что только посредством отвлеченной художественной фактуры либо условных художественных образов можно достичь в романе философской обобщенности. Романы подобного типа перенасыщены медитациями, рассуждениями и вообще «интеллектуализмом», ограничиваются формой «романа-притчи». По их мнению, современная, лишенная мифологичности и первобытных архетипов конкретно-историческая действительность не дает материала для постановки и решения вечных мировых проблем.

Любая общечеловеческая проблема только тогда приобретает истинное звучание в мировой литературе, когда она тесно связана с человеческой жизнью, ее бесконечно разнообразными и разносторонними проявлениями, точнее, когда вытекает из них. Именно это обуславливает художественные достоинства творений писателей нашей эпохи и, если угодно, их смысл.

Джеймс Джойс не считал современность достойной внимания, так как, по его убеждению, «мифологическая вечность» сотрет «случайные признаки» времени. Совершенно другой точки зрения придерживался Томас Манн. По мнению одного из его героев: «Преходящее отнюдь не принижает бытия, напротив, оно-то и сообщает ему ценность, достоинство и очарование. Только эпизодическое, только то, что имеет начало и конец, возбуждает наш интерес и наши симпатии, ибо оно одухотворено бренностью. Ею одухотворено все космическое бытие, тогда как вечность не одухотворена, и потому небытие, из которого она возникла, недостойно наших симпатий».

Окончание в следующем номере.

трудно убедиться, не менее
действительны, чем внешние.

Вообще стихи Майи Луговской крайне разнообразны. Это и пейзажные зарисовки — то графически четкие, то акварельно-мягкие, то сочно-живописные. Иногда эти пейзажи переходят в раздумья, как, например, в «Юрмале» из цикла «Латвийские этюды». Это и воспоминания — о детстве и юности, о встречах и экспедициях, о виденном и пережитом, о жизни... И тут, как уже говорилось выше, налицо приметы времени, штрихи к обобщенному портрету поколения. Взять хотя бы «В городе Липецке», вечно памятно для автора жесткой шинелью отцовской, из которой соседка Эльвира смастерила девочке курточку грубой кройки спартакской. И еще:

Я помню, по-бабьи она
голосила,
Как будто про все на свете
забыла,
Латышка Эльвира;
Нет больше Ленина,
нет больше Ленина!

Мать утешала латышку:
— Плакать не надо,
жизнь быстротечна,
А смерть не преграда
для подвига вечного...

Это — один из первых
уроков жизни, запомнивший-
ся навсегда:

Тех слов материнских
строгую силу
Я верной броней по жизни
носила.

В том же ряду — «Комсомольцу двадцатых годов» и «Керосин».

Когда читаешь аскетиче-
ски строгое по манере
полнения обращение к сво-
ему любимому старшему
брату, который ничего не
имел, кроме великих идей,
в памяти невольно встает
бессмертный образ Павки
Корчагина с его революци-
онным максимализмом.

Запеленутый в красный
плакат,

Как же был ты
Безмерно богат!

И эти слова воспринимаются сегодня как боевой клич, как вызов предавшим наши революционные традиции, погрязшим в бездуховной, обывательской трясине.

Напоминанием, бередящим память забывчивых, можно считать и жанровую по формальным признакам локальную зарисовку предвоенных лет:

Заржавелые бидоны.
И без споров —
В очереди посреди двора.
— Керосина! Керосина! —
Хором
Радостно кричала детвора.

Горько — щемящее чувство, вызванное этой; казалось бы, незатейливой картинкой, становится тем активным началом, которое, будоража память, пробуждает уснувшую совесть, побуждая к действительному добру.

Это — как улыбка сквозь слезы. Не столько радостная, сколько грустная. Поэтому что грусть, которую автор, по собственному признанию, берет себе на вооружение как шестое чувство, кроме пяти дарованных нам природой, не отменяет радости, но как бы оттеня-

ет ее, делает ощутимее, обостреннее. Не потому ли и мил более всего поэтессе именно **синий** цвет, который тоже как-то сродни грусти. Не какой-нибудь иной, а синий, голубой, столь любимый Николозом Бараташвили, да и многими другими поэтами. Помните — «Цвет небесный, синий цвет, полюбил я с ранних лет» в ставшем классическим переводе Бориса Пастернака? Не своеобразная ли это перфекличка пристрастий поэтов, разделенных пространством времени, порою равном столетиям, но в чем-то близких и родственных по восприятию мира и видению окружающего? А почему бы и нет? Ведь Майя Луговская бывала в Грузии, знает ее и, надо полагать, любит. В сборнике, правда, всего одно стихотворение, непосредственно относящееся к Грузии. Это «В доме Симона Чиковани», где есть строки, очень точно передающие сегодняшний колорит нашего города — Тбилиси и конкретно той площади Героев, где стоит дом, в котором жил грузинский поэт.

Отбивает мусорщик склянки.

Площадь крутится, как колесо.

Люди, транспорт, гудки и крики.

Тротуары метут курдянки.

И как не перечислишь всех примеров использования автором синего цвета, так же не охватишь всего, чего коснулось вдохновение поэта в книжке «Кольцо». Она настолько емкая, что нелегко исчерпать все ее богатства, все

озарения, одарения, ^{удачи} и промахи. Но одно несомненно — в ней бьется живой нерв, живой, созвучный сегодняшнему дню пульс истинной поэзии.

И потому стихи сборника, во всяком случае, многие из них, задевают за живое, вызывают сопереживание, радость соприкосновения с одухотворенным, искренним и доверчивым даром творить мастерским владением словом чудо поэзии.

Но Майя Луговская относится к словам очень строго — как к «клинкам обнаженным». И пользуется ими так, что они, как мы видели, бьют точно в цель. И даже в тех случаях, когда ощущается определенное созвучие с другими поэтами, она все же по-своему достигает намеченной цели. В стихотворении «Шторм в Ялте», вызывающем ассоциацию с «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» Маяковского, все же в конечном итоге проступает иная, сугубо личная окраска как будто той же темы. Речь здесь идет о морском судне, названном в память о поэте Луговском, чье 80-летие недавно отмечалось, его именем и попавшем в девятибалльный шторм, после которого оно стоит на ремонте и скоро снова выйдет в море.

Он пойдет к Симеизу за
Синей весной,

Как когда-то ходил ты,
поэт Луговской...

С красным флагом на мачте
трубою трубя,

Всей повадкой своей
повторяя тебя.

Нетрудно допустить, чего стоила поэтессе эта мужественная, спокойно - сдержанная интонация, когда она говорит о дорогом человеке, о котором ей все и везде напоминает. И оттого в конечном счете воспринимается это стихотворение совсем по-иному, высвечивая личность человека, невосполнимая утрата которого еще сильнее обострила мироощущение Майи Луговской, сделав ее слух, зрение предельно напряженными и всепроникающими. Для более полного охвата всего сущего ей, как отмечалось выше, уже мало «пяти дарованных нам чувств» — «а шестым пусть будет грусть».

Итак, придав законченность и форму своим терзаниям, радостям, смятению, автор открывает перед нами мир своей души, которая трудится истово и неутомимо во имя высшей справедливости, истины и красоты. Сколько ж надо было, в самом деле, ей потрудиться, чтобы соткать причудливую вязь, способную пройти, подобно знаменитым тончайшим оренбургским платкам, через кольцо, чем и определяется ее истинность.

Все — реальность и видения, мечты и осмысления — сплелось в ткань, расцвеченную золотом лучей, серебром инея, изумрудом трав, сквозь кольцо предетую, «кольцо весны, кольцо надежды», как сквозь пробный камень жизни. Она, эта ткань, вобрала в себя все земные, все мыслимые и немислимые узоры мастерицы - кружевницы — Природы. Оттого что:

Вся жизнь кружева,

кружева,
Так рядись, пока жива,
в кружева.

Поистине кружевная эта «Кружевница»! В этом стихотворении так много и того, что на виду, и того, что в подтексте, и грусти по прошедшей молодости («Молода пока, плети кружева»), и радости, наслаждения жизнью, ее полнотой, красотой и бесконечностью. Эта маленькая симфония в словах звучит как изысканно - изящный гимн ей.

Вообще каждое стихотворение Майи Луговской — неожиданность. Каждое — другое, новое, не похожее на предыдущее. И все же — только ее. А то, в котором есть слова: «кольцо тревог, кольцо разлуки или венчания», словно впитало в себя всю сложность бытия, которую так или иначе надлежит продеть сквозь «кольцо весны, кольцо надежды», ибо иначе невозможно жить.

Все многообразие, всю противоречивость жизни, всю ее боль и радость, все сомнения и волнения, все потери и обретения она стремится пропустить через то же кольцо (откуда, видимо, и название всего сборника), доверив все это бумаге, которая

...белым взглядом смотрит.
А я — дрожу в тиши.
Ее безмолвный слышу окрик:
— Не бойся и пиши!
Преодолей земное

тяготенье,
Забудь про все. И вспомни
все. Спеш! —
Бумага белым взглядом
гения

Глядит в тиши.

И тогда на этом белом поле возникают такие рифмы, как: распахнула — саксаула, Корана — рано, разбега — Вега, двора — детвора.

Появляется «обвал черемух», все то же «кольцо весны, кольцо надежды», «красная юбочка девчонки на лодке — в фокусе целого мира», «порхают рыбки — водяные мотыльки»...

И еще многое, многое другое, говорящее о вкусе к слову, о чувстве слова.

Рождаются такие хрупкие и в то же время монолитные поэтические создания, как «Обретение», в котором «деревья мне на языке немых своими пальцами указывают небо», или «Заморозки», где есть строки:

**Но теплу уже не быть,
Как и мне не полюбить...**

В подтверждение своего понимания, толкования прочитанного, своих догадок (книга — вышла и теперь во власти того, кто ее читает), хочется называть все новые строки, строфы, целые стихотворения Майи Луговской. Но в этот, ограниченный местом, отзыв на первую небольшую, хотя и вполне зрелую книжку ее никак не вместишь всего, что следовало бы еще сказать о ней или пусть только назвать, обозначить, напомнить.

Нельзя, например, обойти молчанием проникновенный, запоминающийся стихотворный портрет Анны Ахматовой, зарисовку Ясной Поляны, описание пребывания в доме Симона Чиковани. А также остро подмеченный штрих пребывания цыган в метро, афористически ясную и краткую «Молитву», неотвратимую в своей мудрости «Бабушку Варвару»...

Эти ясные, но в то же время многозначно-метафоричные произведения, подобные, скажем, всему циклу «Весенние кольца», смогли явиться на свет не только благодаря несомненному дару, умению видеть и слышать, но и на базе большой общей и поэтической культуры и оснащенности, профессионального, мастерского владения стихом, словом, чего нельзя не заметить, знакомясь с поэтическим сборником Майи Луговской, в котором есть, конечно, и менее удачные вещи, какие-то туманные, недопроявленные, что ли. Но обретения превалируют в ней, утверждая факт рождения поэта, доверчиво открывшего нам свой талисман — «Кольцо» с синим камнем, сквозь которое мы вместе с автором надеемся и ждем увидеть чудеса ополоснутой синевой мира, ко всему чуткой, обнаженной души нашего современника.

Л. ДОЛИДЗЕ

ПОД ПАРУСАМИ РОМАНТИЗМА

Если театр начинается с вешалки, то книга — с обложки. Правда, бывают случаи, что вешалка не совсем в порядке, а сам театр очень хорош. Или обложка серая, а стихи, допустим, прекрасны. случается и наоборот, притом чаще.

Но перед нами пример соотвещения. Книга грузинского поэта Гено Каландиа «Люблю...», вышедшая на русском языке в издательстве «Советский писатель», выдержана в едином стилевом ключе. Этот ключ романтический. Его можно определить строкой из стихотворения Паоло Яшвили «С вершин» —

Повсюду жизнь заставь
быть прекрасной.

Благородная, высокая
цель поэта.

Так вот, виньетки на обложке, заставки, выполненные рукой самого поэта, находятся в органическом единстве со стихами.

Романтическая струя очень сильна в грузинской поэзии. Поэтому стихи Гено Каландиа сразу же включаются в высокую беседу поэтов. Имена Галактиона Табидзе, Симона Чиковани, Паоло Яшвили, Анны Каландадзе, Мухрана Мачавариани и других возникают в стихах Г. Каландиа так же естественно, как природа и древ-

ние реликвии родных краев. Они являются как знаки прекрасного (свод стихов Галактиона Табидзе, «как небо свод»), спасительного в самое трудное время, когда:

Четыре стороны белого
света,

Как стены тоски,
На твое одиночество
смотрят,

...Пусть дивная Анна,
дитя и сообщник природы,
с таинственным слогом,
с молитвой бесстрашья
стиха,

пусть с громом Мухрана
порог переступят и скажут:
— Какая погода на улице,
черт побери!..

(Перевод Н. Горохова)

Иногда же присутствие поэтов не столь явно. Они как бы «прячутся» в глубине стиха, но их можно обнаружить в параллелях образов, в общности мировосприятия. Эта общность глубинная, в переводе мы схватываем, вероятно, лишь отголоски. Полнота же ощущения возможна только в общении с оригиналом.

Но сам дух романтический ощущается отчетливо. При чем проявляется он в творчестве Г. Каландиа не однолинейно:

Напевом Грузии самой,
родной земли
волшебным знаком
восходишь, древний
город мой,
среди белых гор
и алых маков.
Июля небо — словно луг!

Склонились горы
над Курюю —
так юлошей прекрасных
круг
замрет, склонившись
над водою...

(Перевод Н. Горохова)

Это из стихотворения «Тбилиси». Здесь мы не найдем конкретных примет города. Он показан условно-романтически, как бы с высоты птичьего полета. Это даже не сам город, а символ, «волшебный знак», «света столб прекрасной Картли». Но сила символа такова, что она рождает свет обратный, который озаряет реальный Тбилиси в нашем сознании, если хотя бы раз удалось побывать в этом городе.

Таким образом, мы видим, что символ, если в основе его лежат такие подлинные, хотя и не материальные, категории, как любовь, способен обратить нас лицом к реальности, как бы рожденной заново, пересотворенной.

Многозначность чувства и мысли рождает многозначность символа, стихотворение не исчерпывается текстом:

Мне, как траве,
веселый дождь был
до зарезу нужен, —
чтоб лился он
с горы Афонской,
поданный ладонью
небес, где столько для
земли воды.

Но дождик спал,
дитя пуховых облаков-
перин...

И, как траву,
июльский зной меня
сушил нещадно,

вперив в меня •
расплавленный зрачок.
(Перевод Н. Горохова)

На первый взгляд перед нами знакомый прием выражения с помощью природных явлений душевного состояния человека. Однако при внимательном чтении в глубине стиха обнаруживается еще один смысл, более обширный. Человек — часть природы, травинка, «мыслящий тростник», он роковым образом зависит от каждого движения природных сил. Иссущая травинку, зной иссушает в конечном счете человека. В то же время душевное состояние человека окрашивает и его отношение к окружающему миру. В этом смысле стихотворение становится моделью мира, замкнутым пространством.

Но разве романтик может перенести замкнутое пространство?! Понимая закономерность модели, он стремится вырваться за ее пределы:

За этими дорогами,
там, выше, —
Еще дороги, к счастью
напрямик,
Во сне увиденные лишь
на миг.

(Перевод Н. Злотникова)

Но оказывается, что оторваться можно «лишь на миг», да и то во сне. В обозримых пределах, и «за этими дорогами» и «там», и «выше» — все взаимосвязано:

Луна, объята легкой
страстью, дышит.
И с нею разом дышит
спящий лес...

...Медведь средь туч
в глухой глубокой нише
Заснул, и грезится ему
каштан...

(Перевод Н. Злотникова)

Здесь особенно точен этот нежно-иронический каштан, снижающий полет, мгновенно отбрасывающий наш взгляд с небес — к подножию деревьев...

Что же, романтические устремления наталкиваются на детерминированность миропорядка? Похоже, что так. Но поэт и не думает отрицать обусловленности и закономерности всего сущего. «Отгорела как радость небес благодать — вот еще сдано лето погасло в судьбе. И уж носится снег... Но не стану роптать — он пришел, как положено, сам по себе». Романтическое видение помогает ему находить все новые нити, связующие явления жизни во времени и пространстве: он озабочен поисками того, «как из света минувшего... изваять имя земной милосердной любви».

...Я не случайно начал эти заметки с упоминания о театре. Поэт Гено Каландиа известен еще и как драматург. Профессиональное знание театра не могло не проявиться в стихах. Тем более, что театральная приподнятость сродни романтической окрыленности в поэзии.

Но «...драматические произведения» пишутся, как говорит Дидро в своем «Парадоксе об актере», «согласно определенной системе правил». Как же это соотносить с романтическим порывом стиха? В ответ можно поставить вопрос и так: а почему

романтическое — это непременно нечто стихийное, иррациональное?

«Разве может природа без помощи искусства создать великого актера, когда ничто на сцене не повторяет природы...» — задается вопросом Дидро, для него вполне риторическим, потому что он знает ответ и приводит несколько примеров, скажем, об актрисе, одной «из самых чувствительных женщин, созданных природой», которая «была одной из самых плохих актрис, выступавших когда-либо на сцене».

Безусловно, любое сравнение хромает, но у нас наготове примеры из книги Гено Каландиа, которые показывают, как театральная, брехтовская «отстраненность» помогает создавать прекрасное в стихах. Кстати, надо заметить, что в основе непосредственности вообще (осознанно или неосознанно) лежит высокая театральность. Пример того, как блестяще может соединиться «грузинская непосредственность» с «рациональностью» Брехта, явили нам Роберт Стуруа и его актеры.

Отстраненность у Гено Каландиа, рождающую новое видение знакомого предмета, мы уже наблюдали на примере его стихотворения «Тбилиси». Но в том или ином проявлении это качество возникает на многих страницах книги. Назову лишь некоторые стихотворения, в которых это свойство проявляется наиболее эффективно: «У развалин дома князей Дадиани», «Реликвии», «Леди Мисингиссер читает Пушкина», «Старый рыбак»...

Первое стихотворение (перевод Н. Горохова) — проекция в прошлое. Начало и середина стихотворения проникнуты чувственными образами жизни — «персик сверкал, зеленела лоза винограда», «вечер дымился», «ликвало здоровье», «фыркала лошадь». Перелом наступает постепенно — в глазах лошади «осень светилась», и вот уже сад запылал медью, «крепость предков» отходит постепенно в вечность, в историю. Живую картину сменяет декорация. В конце повторяется в «сжатом» виде начальная строфа:

Здесь...
 возвышался дворец
 величавый,
щедрый хозяин
 смеялся средь
 дружного пира.

Сожаление, грусть о невозвратимости былого, мысль о брэнности лишают строфу развернутости. Характерно это многоточие после слова «здесь» — в нем чувствуется горьковатая ирония. Благодаря этому мы ощущаем присутствие поэта, многозначно относящегося к изображаемому.

Маленьким спектаклем можно было бы назвать стихотворение «Реликвии» (перевод Н. Горохова), где действующие лица — экспонаты зугдидского музея, который встречает посетителей маской Наполеона. Посмотрите, как окольцовано стихотворение:

В бывшем дворце князя
древней земли Мингрелии
маскою Наполеона

встречает тебя музей...

(начало)

...в бывшем дворце князя
гордой земли Мингрелии
в древнем моем Зугдиди —
откуда я родом сам.

Здесь сквозь торжественность (отчасти патетику) проглядывает лукавство лирического героя (скажем так). Когда экзотические реликвии ставятся в один ряд с героем, когда на одном конце маска Наполеона, а на другом — человек живой.

Это стихотворение, может быть, нельзя назвать центральным. Вообще книга развивается не поступательно, движение идет кругами, где восторженно-радостное восприятие жизни сменяется грустью, драматическими мотивами, а порой и трагическими, как, например, в стихотворении «Ленинград. Блокада». Но по сути дела, везде (за исключением некоторых сбоев чувств, ухода в мелодраматизм, стилевых погрешностей, в которых повинны и переводчики) идет утверждение прекрасного в человеке, в жизни вообще, утверждение «неистребимого света» («Стоял — вовек неистребимый свет», — так заканчивается стихотворение «Ленинград. Блокада»). И отходят в тень маски, и парят строфы Пушкина, и торжествует небосвод Галактиона, и спешит человек поскорее разжечь костер, чтобы оправдаться завет брата, надежды отца, и крестьянин, рыбак, поэт мужественно вершат свой труд, утверждая красоту.

Сергей БИРЮКОВ

ИССЛЕДУЯ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ДВУХ БРАТСКИХ НАРОДОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ многолетних научных изысканий доктора филологических наук Б. Арвеладзе и сделанные на их основе общие и конкретные выводы о весьма важном процессе взаимосвязей, взаимодействия и взаимообогащения грузинской и армянской литератур нашли последовательное изложение в его монографии «Грузино - армянские литературные взаимосвязи XIX—XX вв. Проблема идейно - художественного взаимообогащения литератур и творчества Х. Абовяна, Г. Сундукяна, О. Туманяна», которая выпущена в свет на русском языке издательством «Мерани».

Сразу же следует подчеркнуть, что рецензируемая книга не есть механически приложенные друг к другу главы о грузинских связях трех великих представителей армянской литературы — Х. Абовяна, Г. Сундукяна и О. Туманяна, а монографическое исследование последовательных этапов единого процесса грузино - армянских литературно-культурных связей с первой по-

ловины XIX века до 20-х годов XX столетия.

Выбрав в качестве исследования сложный, многогранный и глубинный процесс грузино - армянских литературных взаимосвязей указанного периода, автор вполне естественно сосредоточил свое внимание на трех величайших вершинах армянской духовной культуры той эпохи, выявив на примере их творчества закономерности взаимообогащения и взаимопроникновения, многогранные проявления духовных связей, особенно — процесс творческого освоения и обмена художественным опытом между грузинскими и армянскими писателями.

Акцентируя внимание на творчестве Х. Абовяна, Г. Сундукяна и О. Туманяна, которые внесли особо весомый вклад в многовековой и закономерный процесс развития, углубления и расширения грузино - армянских литературно - культурных взаимосвязей, Б. Арвеладзе главным образом стремится дать в сравнительно - сопоставительном аспекте аналитическое и синтезирующее исследование грузино - армянских литературных взаимосвязей в XIX—XX веках, то есть в эпоху развития новой грузинской и новой армянской литератур, в самый плодотворный период истории культур двух братских народов. В монографии выявлены закономерности взаимообогащения двух литератур, что открывает новые сферы в их отношениях, изучение которых

отвечает современным требованиям науки и благотворно влияет на современный литературный процесс.

В этом, вне всякого сомнения, кроется одно из главных достоинств исследования Б. Арвеладзе, который как бы продолжает дело своих предшественников - учителей (Л. Меликсет-бек, И. Абуладзе и др.). Однако проблемы, связанные с новогрузинской и новоармянской литературами, он решает, исходя из тех требований, которые предъявляются современным уровнем советской литературоведческой науки. В частности, автор книги удачно выходит за рамки социологического анализа (столь распространенного во многих наших работах) и пытается следовать принципам типологического исследования, рассматривает грузино-армянские литературные взаимосвязи в сравнительно-сопоставительном аспекте, вскрывая самую суть взаимных контактов и связей.

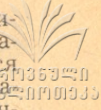
В этом аспекте чрезвычайно любопытными представляются параллели между романом Х. Абовяна «Раны Армении» и поэмой Н. Бараташвили «Судьба Грузии». Столь же интересны аргументированные рассуждения о типологической близости героя первого водевиля Г. Сундукяна «Ночью чихнуть — к добру» Оскара Петровича к его «коллеге» — торговцу Карапету Дабагову из комедии Г. Эристави «Скупой», а также Парсига («Разоренный очаг»), Зимимова («Пэпо») и Соломона Исакича Меджгануашвили из одно-

именной повести Л. Ардазиани.

Анализируя творчество Г. Сундукяна, Б. Арвеладзе проводит параллели между образами Замбахова и Миркиртума, Геворга Мисисянца и Иванэ Дидебулидзе («Хатабала» армянского драматурга и «Раздел» Г. Эристави). Вместе с тем справедливо отмечается, что образ Хампери («Хатабала») напоминает образы свах — Суткнейну («Человек ли он?» И. Чавчавадзе) и Хануму из одноименной комедии А. Цагарели.

Очень интересен также типологический анализ, связанный с пьесой «Пэпо». «Художественными типами, аналогичными Пэпо, можно считать героев пьес А. Цагарели «Иные нынче времена» (1878) — карачохели Гижуа, «Сибиряк» (1885) — Петуа и многих других, — читаем в монографии. — Эти персонажи, подобно Пэпо, являются представителями демократических слоев тбилисского общества. Они не могут смириться с социальным гнетом и возвышают голос против несправедливости... Здесь же следует заметить, что Пэпо у Г. Сундукяна и Гижуа у А. Цагарели — более активные борцы с несправедливостью, чем карачохели — герои произведений Г. Орбелиани, Р. Эристави и других авторов, веселой и бесшабашной жизни которых чужд социальный протест» (стр. 80—81).

Эта мысль вполне справедлива, о чем свидетельствуют и другие примеры, приведенные в рецензируемой монографии. Рассматри-

вая их, Б. Арвеладзе справедливо руководствуется теоретическим положением, сформулированным им следующим образом: «В ходе поиска типологических аналогий необходимо находить общие линии в содержании и идейно - художественной сущности двух произведений в целом (а не их фрагментов). В противном случае поиск приведет к ошибочным выводам, ибо любое формальное сходство можно принять за литературную параллель» (стр. 45—46).

Достоинство данного исследования и в том, что его автор впервые в грузинском литературоведении анализирует такие произведения Х. Абовяна, как «Последнее прощание отважного царя Ираклия», «Глас вопиющих», «На храмовом празднике Мтацминды», «Юная турчанка» и другие, прозаические произведения Г. Сундукяна — «Беседы Амала», «Варенькин вечер», его пьесы «Супруги», «Любовь и свобода», «Завещание» и т. д., эпистолярное наследие Г. Сундукяна, многие факты из области отношений грузинской общественности к творчеству и деятельности Х. Абовяна, Г. Сундукяна, О. Туманяна. Впервые в абовяноведении вообще Б. Арвеладзе исследует такой интересный вопрос, как Х. Абовян в грузинской периодической печати. Также впервые рассмотрены в монографии грузинские переводы произведений Х. Абовяна и О. Туманяна.

Однако этим не исчерпывается новаторский характер книги. В частности, Б. Арвеладзе доказывает, что од-

ним из народных источников произведения О. Туманяна «Парвана» является грузинская народная ба- да, что в числе использованных им материалов для поэмы «Взятие крепости Тмук» было грузинское сказание «Тмогви и Дамкала», распространенное в Месхети. Весьма интересно в этом плане сопоставление сказки О. Туманяна «Храбрый Назар» с «Нацаркея» и особенно с «Мдзлетамдзле», а также «Бесхвостой лисы» О. Туманяна с грузинской народной сказкой «Блоха и муравей» и т. д.

Характерной чертой рассматриваемой работы является ее строго научная полемичность. В поисках истины автор не боится оспаривать некоторые суждения даже признанных авторитетов. Причем позиция Б. Арвеладзе во многих случаях представляется, как говорится, предпочтительной. Это прежде всего относится к научной полемике с Л. Меликсет-беком по поводу взаимоотношений стихотворений Х. Абовяна «На храмовом празднике Мтацминды» и Н. Бараташвили «Сумерки на Мтацминде», литературной параллели между стихотворением Н. Бараташвили «Одинокая душа» и патриотическими стихотворными строками, приведенными в романе Х. Абовяна «Раны Армении».

Б. Арвеладзе совершенно прав, считая, что в «поисках типологической схожести не следует придавать решающее значение географической среде. В данном случае определяющим фактором следует считать те об-

щие или аналогичные социально - политические и общественные явления, которым синхронно то или иное художественное произведение. Общие мотивы и темы в творчестве Х. Абовяна и Н. Бараташвили обусловлены политическими и общественными событиями эпохи, общими для грузинской и для армянской культурной жизни» (стр. 25). Именно с этих правильных позиций рассматривает автор книги такие произведения Х. Абовяна и Н. Бараташвили, как «27 июля 1836 года ранним утром пошел я купаться к реке и встретил там прекрасную девушку» и «Раздумья на берегу Куры», «Азарпеша» и «Об азарпеше князя Баратаева» и другие.

Столь же убедительны рассуждения исследователя в тех местах его книги, где опровергается оценка, данная образу Пэно В. Гуния, предлагаемые театроведом Э. Давитая датировки первых постановок на тбилисской сцене пьес Г. Сундукяна «Хатабала» и «Пэно».

Следует отметить также и то, что, решая важные **общие** проблемы, Б. Арвеладзе в то же время вносит ясность во многие **частные** вопросы истории грузино-армянских литературных взаимосвязей, которые также имеют немаловажное значение. В частности, весьма существенна поправка Б. Арвеладзе, согласно которой Н. Бараташвили не мог относиться к числу учеников - грузин Х. Абовяна, что, однако, не исключает возможности их более позднего знакомства. Следует

согласиться и с аргументированным предположением по которому автором рецензии на водевиль Г. Сундукяна «Эваилн, или Новый Диоген», подписанной псевдонимом «Караман Зармаццишвили», был не С. Месхи, как это принято считать, а М. Туманишвили либо И. Кереселидзе.

Таких немаловажных «дополнений» и «уточнений», а также совершенно оригинальных положений, проливающих новый свет на целый ряд фактов и явлений, немало в рецензируемой книге.

Говоря о монографии Б. Арвеладзе, следует подчеркнуть, что она написана на основе глубокого изучения не только обширного фактологического материала (художественная литература, научные труды исследователей — предшественников автора книги, периодическая печать и т. д.), но и архивных документов, в новом свете представляющих интересные моменты и явления. Так, например, впервые введенная автором в научный оборот записка Л. Исарлишвили к Х. Абовяну позволила установить факт их знакомства. Из письма выдающегося советского композитора А. Хачатуряна к самому Б. Арвеладзе выясняется, что автором текста песни Пэно из одноименного кинофильма был Е. Чаренц. Следует отметить и то, что в архиве Г. Сундукяна Б. Арвеладзе обнаружил ранее неизвестные стихи популярного тбилисского ашуга Г. Скандарнова, посвященные великому драматургу. Любопытно, что в

музейной описи авторство этих стихов по ошибке было приписано Ак. Церетели.

Б. Арвеладзе познакомился также с рукописью грузинского перевода пьесы Г. Сундукяна «Супруги», выполненного И. Бакрадзе, которая хранится в Государственном архиве Грузии, использовал письма армянского драматурга, приветственный адрес грузинской театральной труппы в честь 30-летнего юбилея «Пэпо», письмо П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Н. Мицишвили и других болельщику О. Туманяну, хранящиеся в Ереванском литературном музее имени Е. Чаренца, воспоминания дочери Г. Сундукяна — Екатерины, хранящиеся в Государственном театральном музее Грузии, надгробную речь И. Гришашвили на похоронах О. Туманяна, хранящуюся в библиотеке - музее грузинского поэта, и т. д. Все это, безусловно, повышает научную и познавательную ценность упомянутой монографии.

Как видим, круг затрагиваемых автором книги вопросов достаточно широк и многообразен. Дело, конечно, не только в широте и многообразии, но и в том подходе, который наблюдается при решении этих вопросов, в позиции Б. Арве-

ладзе, в его умении отбирать важнейшие факты из обширнейшего материала, всесторонне анализировать их, делать теоретические обобщения и заключения.

Таким образом, совершенно очевидно, что в монографии на примере жизни и творчества Х. Абовяна, Г. Сундукяна и О. Туманяна дается всестороннее освещение процесса грузино-армянских литературно-культурных связей, выявляется на основе сопоставительного анализа много чрезвычайно важных типологических общностей.

Надо признать, что Б. Арвеладзе проделал большую работу по систематизации и научному осмыслению многих интересных материалов, связанных с одним из важнейших этапов развития грузино-армянских литературных взаимосвязей. Его книга, несомненно, является вкладом в нашу литературоведческую науку, поскольку это первая и удачная попытка в грузинском литературоведении монографического изучения многопланового процесса развития общественно-литературного содружества двух братских народов в XIX—XX веках.

Игорь БОГОМОЛОВ

Паата НАЦВЛИШВИЛИ

«И ДА СОЗДАСТ ОН СЛОВАРЬ», ИЛИ ВЫИГРАННАЯ БИТВА

УРОВЕНЬ культуры народа определяется, помимо прочего, и наличием богатой справочной литературы. Подразумеваются, как правило, энциклопедии и словари. А в этом направлении в Грузии сделано отнюдь не так уж много. От народа, у которого есть «Грузинский лексикон» Сулхана-Сабана Орбелиани и «Калмасоба» Иоанэ Батонишвили, трехтомный словарь Давида Чубинашвили и «Календарь Грузии» Валериана Гуниа, можно требовать гораздо большего. Говоря о большем, мы имеем в виду лучшее, хотя первые четыре тома Грузинской энциклопедии уже заняли свое место на наших книжных полках, да и основные двуязычные словари уже давно и широко используются.

Составление словарей требует огромной затраты времени и усилий, не говоря уже о необходимости широких знаний и эрудиции. «Много времени и усилий» — это мягко сказано. Вот что говорил о работе лексикографа французский мыслитель XVI века Юлий Цезарь Скалигер в одном из своих рассуждений:

«Если кто осужден на мученический труд и ожидают этого несчастного страдания, не заставляйте его ни ковать железо кузнечным молотом, ни добывать руду в копях. И да создаст он словарь, и приравняется труд этот к самым тяжким мукам».

Именно такому титаническому труду посвятил себя профессор Исидоре Гварджаладзе, выдающийся грузинский лексикограф, имя которого хорошо известно в Грузии каждому, кто на протяжении последних пятидесяти лет имел дело с иностранными языками. Если учесть, что в сравнении с передовыми культурами грузинская лексикографическая литература и сегодня выглядит беднее, то представьте, что же

960359240
310010333

было тогда, когда Исидоре Гварджаладзе только-только начал свою деятельность и когда у нас не было ничего, кроме «Грузинско-итальянского словаря» Стефана Паолини и Никифора Ирбаха (Рим, 1629 г.), «Грузинско-русско-французского лексикона» Давида Чубинашвили (Санкт-Петербург, 1840 г.), «Грузинско-немецкого словаря» Теодора Клюге (Лейпциг, 1919 г.), в то время еще не напечатанного «Грузинско-английского словаря» Элисабед Черкези(швили) (Лондон, 1950 г.) и «Грузинско-немецкого словаря» Рихарда Мекелайна (Берлин—Лейпциг, 1928 г.). С 1939 года по сегодняшний день профессор Исидоре Гварджаладзе составил и издал 14(!) двуязычных словарей, иностранно-грузинских и грузинско-иностранных. Среди них в первую очередь необходимо выделить большой французско-грузинский словарь, в два тома которого вошло 60.000 слов и фразеологических единиц. Также следует отметить грузинско-французский, англо-грузинский и грузинско-английский словари, по 40.000 слов каждый.

При составлении англоязычных словарей Исидоре Гварджаладзе помогала его сестра Тамар, а вот франкоязычные словари он составлял сам. Излишне говорить о том, насколько сложно одному человеку создать и издать большой переводной словарь, в то время как подобная работа часто бывает трудна и для большого коллектива авторов. Для одного ученого было бы достаточно и этого, но Исидоре Гварджаладзе, кроме того, автор и соавтор десятков учебников для высших и средних учебных заведений; ему же принадлежит целый ряд работ по вопросам методики изучения иностранных языков и несколько интересных сборников английских и французских пословиц и поговорок в русско-грузинском переводе с подбором соответствующих эквивалентов. (О первом сборнике английских пословиц и поговорок с одобрением отозвался известный русский поэт и переводчик Корней Чуковский на страницах «Литературной газеты»). Видимо, стоит отметить и тот факт, что общий тираж тех книг, на титульном листе которых стоит имя Исидоре Гварджаладзе, достигает трех миллионов. Вместе с тем профессор Гварджаладзе на протяжении десятков лет весьма плодотворно занимается педагогической деятельностью, и его заслуги на этом поприще были отмечены в 1975 году медалью имени Якоба Гогebaшвили.

Но самым главным и najważнейшим все-таки остаются словари. Сегодня культурная и интеллектуальная жизнь Грузии невообразима без словарей Исидоре Гварджаладзе.

Труды грузинского ученого оказывают большую помощь зарубежным картвелологам и нашим соотечественникам, живущим за границей. Известные иностранные ученые (среди которых можно назвать профессоров Рене Лафона и Робера Триомфа, Ганса Фогта¹ и Дэвида Ланга, Марселя Коэна и Жоржа Дюмезиля, Товарда Аронсона и Жана Кальметиса)

¹ Фогт или Фокт. В своей подписи на грузинском языке он дает двойное написание (прим. автора).

неоднократно отмечали международное значение деятельности Исидоре Гварджаладзе. Не раз на имя грузинского ученого приходили благодарственные письма от профессора Калистрате Салиа из Парижа и от профессора Дато Джапаридзе из Нью-Йорка. Исидоре Гварджаладзе поддерживает деловую переписку со многими университетами и научными центрами мира, где с нетерпением ждут выхода каждого его нового труда.

Профессор Сорбоннского университета Жак Кальметис: «Учебники и французские словари, которые Вы прислали, лучшее доказательство высокого уровня культурной жизни Вашей страны. Меня вдохновил ваш лексикографический план, который вы претворили в жизнь, чтобы сделать иностранный язык понятным Вашим соотечественникам».

Профессор университета в Бордо, почетный доктор Тбилисского университета, картвелолог Рене Лафон: «Известный лексиколог Исидоре Гварджаладзе несколько лет назад издал грузинско-французский словарь, который окажет нам большую помощь и несомненно повлияет на развитие отношений между народами Грузии и Франции, а также других франкоязычных стран».

Профессор Чикагского университета, картвелолог Говард Аронсон: «Возможно, что в ближайшем будущем я начну писать учебник грузинского языка для американских студентов (моим соавтором будет Диана Холиск). При составлении этого учебника крайне полезными окажутся Ваши работы, особенно Ваш великолепный «Англо-грузинский словарь» и «Англо-русско-грузинский учебно-методический словарь». Эти и другие Ваши словари дают нам, говорящим на западноевропейских языках, ключ к пониманию грузинской культуры и литературы. И поэтому мы очень благодарны Вам за Вашу помощь. В то же самое время мы высоко оцениваем то, что Вы помогаете распространению английского языка в Грузии». (Написано по-грузински).

Профессор Страсбургского университета, картвелолог Робер Триумф: «Когда я перелистываю Ваш двухтомный французско-грузинский словарь, то всегда восхищаюсь Вашими лексикографическими знаниями. Нас удивляют столь рационально подобранные Вами типичные фразеологизмы, Ваши знания в области идиоматики, литературы и крылатых выражений».

Профессор Сорбоннского университета, картвелолог Жорж Дюмезиль: «Когда я раскрыл Ваш словарь, то почувствовал себя крайне счастливым, так как с этой минуты, если я забуду какое-либо грузинское слово, у меня будет возможность найти его с помощью этого словаря. Он окажет большую помощь не только Вашим соотечественникам в ознакомлении с французской литературой и культурой, но и французам, которые желают изучить грузинский язык». (Написано по-грузински).

Издатель и редактор журнала «Беди Картлиса» («Судьба Грузии») профессор Калистрате Салиа: «Примите мою глубочайшую благодарность за присланную Вами книгу. Я

уже знал о существовании Ваших необычайно полезных и значительных работ, и уже в одном из номеров нашего Белого этого года они упоминаются профессором Лафоном. Было бы хорошо, если бы издательство прислало нам несколько экземпляров — их требуют отовсюду. Преподаватели грузинского языка не могут найти здесь учебников. Уже сколько времени профессор Страсбургского университета Триомф просит у меня французско-грузинский самоучитель, а также словарь. Он приходит ко мне и записывает на магнитофон уроки грузинского языка для того, чтобы прочитать в университете лекции. В таком же положении находятся и другие».

Профессор Принстонского университета Дато Джапаридзе: «Этим утром я получил Вашу прекрасную посылку: грузинско-французский, грузинско-английский и французско-грузинский словари. Это, бесспорно, весьма полезные работы и для нас, находящихся на чужбине. Примите мою глубочайшую благодарность за Ваше внимание и столь дружеское отношение».

Ректор университета в Осло, почетный доктор Тбилисского университета, картвелолог Ганс Фогт: «Сегодня я получил Ваш грузинско-французский словарь, который замечательным образом дополняет и завершает Вашу серию словарей. Не вызывает сомнений, что он очень пригодится любителям грузинского языка за рубежом. Вы оказали громадную услугу своей стране и ее иностранным друзьям, поэтому выражаю Вам свою благодарность». (Написано по-грузински).

* * *

Спеша на работу или с работы, я часто вижу медленно идущего по улице Джавахишвили высокого, статного старика — всегда в неизменной шляпе, с тростью в руках. Я с ним познакомился, когда он однажды зашел к нам в редакцию. Познакомился лично, поскольку лексикограф Исидоре Гварджаладзе я знал еще со школьных лет. Журналисту не пристало упускать возможность встречи с таким человеком, и я попросил у батона Исидоре домашний адрес и номер телефона. «С большим удовольствием», — ответил он и, пока я возился с ручкой и блокнотом, протянул мне свою визитную карточку и, видимо, для того, чтобы рассеять смущение, сказал, как бы извиняясь:

— У нас никак не привились визитные карточки...

Через день-другой я пришел к нему в гости. Мы долго сидели в его рабочем кабинете, потом за накрытым на скорую руку столом и вели беседу. Он показал мне все свои книги, рассказал историю создания каждой из них. Очень часто он обращался к своей сестре — на редкость обаятельной женщине — подтвердить что-то, уточнить какой-либо факт или дату.

— Помнишь, Тамар, как мы работали над этим словарем? — спросил он сестру и потом повернулся ко мне. — Мы

жили тогда в однокомнатной квартире, было очень холодно и часто под столом коптила керосинка.

В углу комнаты лежали перевязанные шпагатом листы — материалы еще не опубликованного словаря Исидоре Гварджаладзе.

— Пока книга не напечатана, я обычно не выбрасываю эти карточки, — объяснил он. — Уже сколько времени, как готов этот словарь, но издание его задерживается из-за нехватки бумаги.

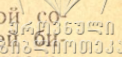
Когда скоро речь зашла об издании словарей, то здесь же надо отметить, что часто Исидоре Гварджаладзе сам был и наборщиком своей книги, и метранпажем, так как набор и верстка словарей без помощи специалиста вызывает трудности даже у квалифицированных мастеров.

Сейчас Исидоре Гварджаладзе 82 года. Это не так уж мало, но ученый все еще бодр, по-прежнему энергичен и трудолюбив. Хотя как-то, полушутя-полусерьезно он несколько раз повторил:

— Эх, настал и мой час! Битва проиграна!

Битву со временем имел в виду батано Исидоре. В его словах и действиях я заметил непонятные для меня приготовления к встрече с неизбежным и вспомнил Левана из грустной кинокомедии Гио Данелия «Не горюй!». Исидоре Гварджаладзе привел в систему весь свой архив и богатую библиотеку: составил точный список всех трудов, публикаций, отдельных связей, связками подготовил книги и документы для библиотек и архивов; набело, в нескольких экземплярах перепечатал свою автобиографию и воспоминания; в отдельные папки собрал многолетнюю переписку с иностранными коллегами. На папках старческим, дрожащим почерком написано: «Библиотека американского конгресса», «Беди Картлиса», «Страсбургский университет», «Чикагский университет», «Университет Осло», «Цюрихский университет — издательство «Амирани», «Оксфорд», «Кембридж», «Лондонский университет», «Принстонский университет», «Сорбонна», «Французская академия наук», «Парижский институт восточных языков»... Эти папки вобрали в себя колоссальный материал о зарубежных друзьях грузинской культуры, и батано Исидоре хочет сохранить для будущего и эти записи. А пока что я попросил несколько папок и без всяких предварительных условий («Держите сколько вам надо») получил их.

Надо сказать, что батано Исидоре необычайно добрый, щедрый человек. Кто знает, сколько талантливых, малообеспеченных студентов были «стипендиатами» Исидоре Гварджаладзе. Часто случалось, что к нему приходил совершенно незнакомый человек, просил какой-нибудь, пусть даже изданный несколько лет назад, словарь, и хозяин никогда не отказывал гостю. А достать словари Исидоре Гварджаладзе — вечная проблема, они почти не появляются в книжных магазинах. Я могу с гордостью заявить, что в моей библиотеке сейчас есть все основные словари Исидоре и Тamar Гварджаладзе с их автографами.

Книги — моя слабость. Это, видимо, заметил и мой со-
беседник и познакомил меня с некоторыми томами своей
библиотеки: «Грузинское царство» сэра Оливера Уордрона,
«Грузины» Дэвида Маршалла Ланга, новое английское изда-
ние «Витязя в тигровой шкуре», «История англоязычных на-
родов» Уинстона Черчилля, за которую в 1953 году тогдаш-
нему премьер-министру Великобритании была присуждена
Нобелевская премия по литературе.

Комната Исидоре Гварджаладзе заполнена великоле-
пными книгами на английском и французском языках. Часть
прислали его коллеги (замечательная традиция есть у уче-
ных всего мира — посылать друг другу необходимые кни-
ги), другую — научные учреждения, третью — друзья или
воспитанники. Четырехтомник Черчилля и книгу Уордрона
ему прислал картвелолог из Кембриджа Джордж Хьюит, 524-
тысячный словарь Узбстера — библиотека американского
конгресса, «Словарь синонимов» Ричарда Су — Оксфорд-
ский университет, а «Витязя в тигровой шкуре» в вишневом
шелковом переплете — сама переводчица, английский карт-
велолог Кэтрин Вивиан (Аштон). Вивиан считает себя во
многом обязанной Исидоре Гварджаладзе и говорит:

«В изучении грузинского языка большую помощь ока-
зали мне словари профессора Гварджаладзе, особенно англо-
грузинский и французско-грузинский. Меня чарует мелодич-
ный грузинский язык. Он обладает не только восхититель-
ными звуками, но и является дивным инструментом, позво-
ляющим выразить тончайшие нюансы человеческой мысли.
В то же время грузинский язык — сокровищница истории,
идей и явлений. А словарь, соответственно, хранитель этих
сокровищ: он оберегает неприкосновенными глубину и мно-
гогранность национального словарного запаса. Хороший сло-
варь может научить многому... Я лично не видела профес-
сора Гварджаладзе, но по переписке знаю его как замеча-
тельного лексикографа и автора значительных трудов. Про-
фессор протянул мне руку помощи, прислав словари, и помог
в изучении грузинского языка. Мне удалось перевести «Ви-
тязя в тигровой шкуре». Сердечное спасибо за это профессо-
ру Исидоре Гварджаладзе».

Каждая надпись на книге, каждое письмо вызывает у
ученого все новые и новые воспоминания, он может расска-
зать о многих интересных встречах. В разное время гостями
профессора Гварджаладзе были Андре Стиль и Ганс Фогт,
Рене Лафон и Робер Триомф, Диана Холиск и Говард Арон-
сон. В свою очередь, иностранные ученые тепло вспоминают
о встречах с ним. Вот что говорит в одной из открыток, напи-
санной на грузинском языке, профессор Говард Аронсон: «Я
вновь желал бы выразить свою благодарность Вам и Вашей
сестре. С большим удовольствием вспоминаю вечер, который
я провел у Вас в Тбилиси. Я очень рад знакомству с Вами».

Сегодня заслуженный деятель науки Исидоре Гварджа-
ладзе лучший грузинский лексикограф, оцененный и при-
знанный всеми картвелологами мира. Разве мог это предста-
вить себе прошедший тяжелую жизнь юноша, когда в 1922

году сдавал экзамены на высшие пятилетние курсы иностранных языков в Тбилиси?! После окончания курсов молодого специалиста французского языка и литературы оставили ассистентом при кафедре. Параллельно с работой ассистента Исидоре Гварджаладзе окончил отделение английского языка и литературы.

С 1931 года начинается научная и преподавательская деятельность Исидоре Гварджаладзе: его приглашают в сельскохозяйственный институт в качестве лектора иностранного языка, но дебют оказался весьма неприятным:

— В связи с успешным окончанием первого учебного года, — вспоминает батано Исидоре, — профсоюз института наградил меня путевкой в гагринский санаторий. Но вместо Гагра я неожиданно оказался за решеткой. Никто не мог понять, и мне не смогли разъяснить, в чем же заключалось мое «преступление». Арестованный первого июля, я был освобожден первого сентября и отправлен прямо на лекции!

В то время изучение иностранного языка было связано с определенными трудностями: прежде всего потому, что не было учебников. Именно на это направил Исидоре Гварджаладзе свои знания и энергию, и где-то через 5 лет, благодаря его труду, все классы средних школ были обеспечены учебниками; были подготовлены краткие англо-грузинский и французско-грузинский словари, учебник английского языка для студентов и грамматика французского языка. За эту работу Исидоре Гварджаладзе было присвоено звание доцента и вскоре его назначили заведующим кафедрой французского языка в педагогическом институте.

А потом была война.

Майора интендантской службы Исидоре Гварджаладзе призвали в армию и направили в Главное политическое управление Закавказского фронта. Наряду с выполнением работ военной и политической работы, Исидоре Гварджаладзе составил англо-русский словарь в помощь военным переводчикам. Спустя не так уж много времени он вновь возвращается в родной институт.

После войны Исидоре Гварджаладзе работал заведующим кафедрой английского языка в Тбилисском университете, председателем методобъединения иностранных языков в вузах Грузии, заместителем директора Института иностранных языков по научно-учебной части, заведующим кафедрой методики преподавания иностранных языков, а позже, уже в 60-е годы, проректором, и еще позже — профессором-консультантом Института иностранных языков. За многолетнюю и плодотворную научно-преподавательскую деятельность профессор Исидоре Гварджаладзе награжден орденом «Знак Почета» (1961 г.) и медалями, среди которых особое место занимают медали имени Якоба Гогешашвили и Иванэ Джа-

¹ Между прочим, на базе этих курсов в 1928 году был основан Тбилисский институт иностранных языков, который в 1931 году, после реорганизации высших учебных заведений, был присоединен к Тбилисскому университету (прим. автора).

вахишвили. О медали имени Гогешашвили мы уже говорили, а вот медаль имени Джавахишвили — высшая награда Тбилисского университета — была присуждена известному сикографу в 1979 году. Батоно Исидоре бережно вынимает из коробки каждую из наград и показывает мне. Очень дороги учёному эти маленькие бронзовые барельефы, так как в них заключены любовь и признание народа.

В комнату вошла Тамар Силовановна и пригласила нас к столу. Тамар Гварджаладзе — соратник и соавтор своего старшего брата — сегодня является доцентом педагогического института иностранных языков. Мой хозяин наполнил маленькие рюмки коньяком и, словно продолжая прерванную беседу, сказал:

— Все это хорошо, но битва все равно проиграна, батоно Паата!

Мне тогда почему-то показалось неудобным возразить и я перевел разговор на другую тему, попросил не говорить со мной на «вы», мол, как-то неловко.

А сейчас я должен сказать вам, батоно Исидоре, что битва не только не проиграна, — она выиграна, притом выиграна большая, очень большая битва, и унесли вы с собой с поля брани дорогие трофеи. И пусть судьба дарует такую победу каждому хорошему человеку в его главной битве.

И еще скажу, что эти мои слова — не утешение.

* * *

Силован Гварджаладзе был обычным гурийским крестьянином и его семья ничем не отличалась от живущих в Гонебискари или в соседних деревнях семей. Единственно, что он был бессменным судьей сельской общины и, будучи неграмотным, вместо печати к протоколу прикладывал большой палец. А его жена Вардо считалась по тому времени довольно образованной женщиной: она знала наизусть «Тамариани» и «Давитиани». У Силована и Вардо было шестеро детей: Михако, Исидоре, Георги, Димитри, Тамар и Тевдоре. Старшему — Михако — сейчас 85 лет, а младшему — Тевдоре — 65. Все они здоровы, за исключением Георги, который до смерти, до 1937 года, был ректором Грузинского политехнического института. Долголетие у них в крови. Силован прожил 87 лет, Вардо — 95. Тогда же, в начале века, они были очень молоды, но уже имели шестерых детей и тянули лямку жизни так, как подобает кормильцам такой огромной семьи. А по вечерам они садились у очага, утомленные, и начинали думать о будущем своих детей. Силован считал, что старшие сыновья должны были помогать отцу, чтобы хоть у младших была возможность учиться. Михако действительно вскоре стал настоящим помощником родителям. А десятилетний Исидоре, ученик сельской двухклассной школы, для того чтобы достать деньги на книги и тетради, пропускал занятия и за 40 копеек в день полол кукурузу у князя Давида Гугунава, жившего по соседству.

Потом пришло время окончания школы, и именно в этот момент, когда Силован должен был решить судьбу юно-

го Исидоре, появился Мосе Бурчуладзе — крестный Исидоре — лесник семьи Туманишвили. Мосе принес новость: сын Александра Туманишвили, Михэил, находящийся в эмиграции, открыл в Ницце аптеку русской колонии и ему требуется ученик.

Долго совещались Силован и Вардо. Матери никак не хотелось отпускать сына на чужбину, но в конце концов и она подчинилась обстоятельствам. Четырнадцатилетнего мальчика отправили в Тбилиси к брату Михэила — Васо Туманишвили, который был присяжным поверенным. Исидоре стал поденщиком у Васо, а вечерами ходил на курсы учеников аптекаря. Через год ученик вернулся домой и стал готовиться к отъезду за границу, но возникли трудности с получением заграничного паспорта.

«После долгих раздумий отец нашел выход из положения: Александр Туманишвили был очень влиятельным человеком, и русский консул в Трапезунде оказался то ли его знакомым, то ли родственником. Меня отправили служить именно у этого консула. Через три месяца в качестве платы консул купил мне билет четвертого класса, и я поехал во Францию».

Исидоре немного изучил французский еще по купленному в Тбилиси русско-французскому разговорнику. И даже в трюме, покрытом брезентом, юный пассажир четвертого класса сидел, уткнувшись в эту книгу. На четырнадцатый день корабль бросил якорь в порту Марселя.

«Провожая, меня предупредили, чтобы по прибытии в Марсель я встал на самое заметное место на палубе в красной сатиновой рубашке и поясе с бахромой. Так я и сделал. Вскоре ко мне подошел какой-то молодой человек. На всякий случай спросил мое имя и фамилию и, убедившись, что я — это действительно я, повез меня на железнодорожный вокзал, купил билет, посадил в вагон, попрощался и ушел».

В Ницце Исидоре встретил Михэил Туманишвили. Это был высокий, представительный мужчина 40—45 лет. Он взял Исидоре за руку и повел к себе. В семье Михэила Туманишвили было четыре человека: сам Михэил, его жена — дочь русского казака, новорожденный Иракли и служанка. Жена Михэила в Грузии не бывала и грузинского не знала. Туманишвили жили довольно скромно. Еще более скромно жили пребывавшие в то время в Ницце другие грузинские эмигранты: Влас Мгеладзе, лидер грузинских эсеров Володя Гобечия со своим братом и врач Гиорги Чогошвили, не имевший права практиковать, так как по французской конституции иностранным специалистам это право предоставлялось только в колониях. В таком же положении был Михэил Туманишвили, который получил в России высшее медицинское образование. Позже Чогошвили отправился работать в Алжир, а Михэил остался, так как имел аптеку, оформленную на имя какого-то француза.

«Батоно Михэил завел меня в одну маленькую комнату и сказал, что пока я буду жить здесь. Уставшему и обес-

силенному после длительной поездки, мне дали два дня отдыха, и за это время я осмотрел город.

Ницца — жемчужина Ривьеры — в моих похвалах нуждается; всем известно, что Ницца вместе с соседствующими с ней Монако и Монте-Карло является любимым местом отдыха буржуазии всего мира. Город весь застроен комфортабельными виллами. Когда я приехал в Ниццу, там было множество представителей русской аристократии: отставные генералы, князья, приближенные и родственники царя, которые проводили остаток своей жизни, играя в карты. Именно они и составляли основную часть покупателей в аптеке русской колонии».

Теперь главной задачей для Исидоре стало как можно быстрее изучить язык. Семья Туманишвили оказывала ему всяческую помощь, разговаривая с ним только по-французски. Три раза в неделю он ходил к учителю французского языка. За год ему удалось настолько выучить язык, что он начал посещать вечерний колледж. К тому времени его уже звали Сидо.

Аптека Туманишвили располагалась в центре города, возле моря («Я и адрес помню: ул. Массена, № 5; Массена был маршалом Наполеона»); там же был воздвигнут и стоит паверно по сей день памятник Джузеппе Гарибальди, уроженцу Ниццы. Аптека занимала четыре комнаты первого этажа в двухэтажном доме и имела большую вывеску с надписью на французском: «Аптека русской колонии». Рецепты (между прочим, написанные по-французски, так как аптеки Франции давно уже отказались от латыни) принимал Михэил, французский фармацевт Анри изготовлял лекарства, Сидо мыл посуду или же помогал Анри, а иногда относил готовое лекарство заказчику. Аптека работала с девяти утра до пяти вечера. Случалось, что лекарства заказывали и по телефону.

«В аптеке был один старый велосипед для доставки лекарств на дом, но им никто не пользовался. Доставка лекарств заказчику была большим источником дохода: если месячный заработок ученика в аптеке составлял 30 франков, то эта дополнительная работа давала ему еще столько же. Чтобы прибрать к рукам столь выгодное дело, я решил срочно научиться ездить на велосипеде. Прослушав получасовые наставления и советы батона Михэила о том, как нужно сохранять равновесие во время езды, быстро приступил к делу: с одиннадцати часов вечера, когда движение на нашей улице немного затихало, я тренировался. Вначале меня преследовали неудачи и домой приходилось возвращаться с расквашенным носом, но через месяц моя настойчивость была вознаграждена».

Оседлав велосипед, четырнадцатилетний Сидо мчался по улицам Монако или Монте-Карло, развозя готовые лекарства. А спустя три месяца, накопив достаточно денег, он приобрел новый велосипед. А потом купил и специальный спортивный костюм. Красная сатиновая рубаша и пояс с бахромой были забыты.

«Со временем у меня появились в городе друзья. Они были представителями среднего слоя населения: фармацевты, приказчики, почтальоны... Меня очень удивлял тот факт, что эти простые люди приходили на работу в скромной и неприязнательной одежде, но если бы вы увидели их вечером в театре или на концерте, то не поверили бы своим глазам, так они были привлекательны: дорогие костюмы, крахмальные воротнички, галстуки... У всех были красиво напечатанные визитные карточки, что очень помогало устанавливать контакты друг с другом. С тех пор я считаю визитные карточки необходимым условием человеческих взаимоотношений. Французская вежливость известна всему миру. И действительно, за эти три года, проведенные мною во Франции, ко мне никто не обращался на «ты», хотя я не отличался ни общественным положением, ни возрастом. Так я жил в Нице: работа, учеба, доставка лекарств. Свободного времени почти не оставалось. И только по воскресеньям мне удавалось выбраться в театр или кино».

Летом 1914 года произошло два политических убийства: в Сараево был убит наследник австро-венгерского престола Франц-Фердинанд, а в Париже — Жан Жорес. Европа заволновалась, а вскоре началась первая мировая война.

«Михаил Туманишвили получил из Грузии депешу с просьбой присутствовать на похоронах Жореса в Париже и от имени социалистических партий Грузии почтить память усопшего, возложив венок. Тогда я впервые узнал, что у Туманишвили была маленькая типография с грузинским шрифтом. Именно в этой типографии и был отпечатан на ленте траурного венка текст на грузинском и французском языках: «Жану Жоресу от социалистических партий Грузии». Эта типография размещалась в подвале дома Туманишвили, но, как я узнал позже, там ничего не печаталось из-за отсутствия средств».

...Прошло более трех лет пребывания Исидоре Гварджадзе во Франции и за это время никого не интересовало его существование. Но войне нужны были солдаты, и вскоре наступил черед и ученика «аптеки русской колонии». Осенью 1916 года его вызвали в мэрию. У Исидоре не было заграничного паспорта и поэтому можно было ожидать всяческих неприятностей, но все окончилось благополучно, в мэрии к протоколу, составленному на грузинского юношу, приложили русский паспорт и все это отослали в Париж в представительство русской империи.

«Через несколько дней из представительства я получил предложение, будучи подданным России, вернуться на родину для несения обязательной воинской повинности или же, при желании, записаться волонтером (добровольцем — П. Н.) во французскую армию, так как Франция была союзником России. Я не замедлил с ответом и написал в представительство, что возвращаюсь в Россию и воинскую службу пройду там».

В Марселе собралась большая группа российских подданных, которые должны были вернуться домой. Среди них

был и Исидоре Гварджаладзе. Корабль взял курс на Салоники. В Средиземном море рыскали немецкие подводные лодки и экипаж был крайне осторожен. Наконец пассажиры были в порт Салоники и дальнейший путь продолжили на поезде. Сперва проехали Сербию, потом — Черногорию. Тогда обе они были независимыми славянскими государствами. В Черногории российских подданных попросили пополнить армию, и многие остались, чтобы воевать против Австрии. Потом была Болгария, еще дальше — Румыния, и наконец поезд остановился в приграничном городе Унгеме, который принадлежал Кишиневской губернии.

«Здесь жандармы разделили пассажиров на две группы. В одну попали те, у кого заграничные паспорта были в порядке, а в другую — я и мне подобные. Подозреваемых завели в одну большую камеру и начали следствие, длившееся целую неделю. Потом меня в сопровождении одного жандарма отправили в Кишинев в распоряжение губернатора. Он допросил меня, с большим вниманием выслушал мои показания и в конце концов распорядился купить мне билет на поезд до Натанеби. Заодно добавил, чтобы я внес деньги за билет в озургетскую казну, когда получу на то извещение. В противном случае эту сумму придется уплатить сельской общине. И действительно, получив извещение, отец уплатил мой долг губернатору».

На второй день после возвращения Исидоре Вардо пошла в шемокмедский монастырь и зажгла перед иконой большую свечу: так было обещано ею. Многие из родственников и друзей Исидоре уже служили в армии; его старший брат воевал на прусском фронте в армии Самсонова. Вскоре пришел черед и Исидоре. В конце 1916 года его с запасной тысячей послали в Цителицкаро. А через три месяца его перебросили на турецкий фронт в 505-й Староконстантиновский легион 127-й дивизии.

«Из Тбилиси нас на поезде привезли в Батуми. Потом на корабле мы отправились в Трапезунд (опять этот Трапезунд!) и оттуда — на фронт. Трапезунд уже был давно взят. Нас растасовали по заброшенным окопам, правда, от холода и дождя укрыться было невозможно, но еды было вдоволь, да и на отсутствие боеприпасов и лекарств мы не жаловались. В январе-феврале 1917 года в нашем районе боев не было, только иногда разведывательные части поднимали стрельбу, но не больше. Мы расширяли окопы, запасались провизией и готовились к весне, так как, по предположению начальства, именно тогда должно было начаться наступление по всему фронту.

В марте до нас донесли слухи, что царя свергли. Несмотря на то, что командование тщательно скрывало это от нас, весть о революции быстро распространилась среди солдат. И если вначале мы говорили шепотом, то через месяц начались митинги, появились лозунги — «Да здравствует мир!», «Долой войну!» и другие. Участились стычки между офицерами и солдатами. Дело дошло до того, что солдаты требовали вернуть их домой.

Так оно и случилось: турецкий фронт был разбит, турки отступили, а вернее, бежали, преследуемые турецкими войсками, и вскоре стали похожи на части разбитой армии. Как бы то ни было, наконец нам удалось добраться до Батуми. Вместе со своим ружьем я вернулся домой».

А турецкая армия наступала. Она нарушила установленные до войны границы и весной 1918 года вступила на территорию Грузии. Турки захватили Батуми, Озургети и едва не дошли до Кутаиси. 26 мая была провозглашена независимость Грузии. В результате переговоров представителей Грузинской республики с Турцией турки уступили Батуми, Ардаган и восстановили довоенные границы. К тому времени уже была создана национальная армия Грузии.

Исидоре Гварджаладзе вновь призвали отбывать воинскую повинность и зачислили в черноморский сухопутный легион. Легион стоял в Потии. В свободное время Исидоре читал книги — он твердо решил сдать экзамены на аттестат зрелости и получить высшее образование.

Однажды, когда он был погружен в чтение, его заметил командир легиона и спросил, что он читает. Потом заинтересовался его личностью, детально обо всем расспросил и назначил завкладом, чтобы для чтения оставалось больше времени.

«В один прекрасный день меня вызвал начальник штаба: в кутаисском военном госпитале открылась фельдшерская школа и нашей части дали одно место. Я с удовольствием согласился, собрал свои пожитки и на другой день уже был в кутаисском военном госпитале. Год пролетел быстро. Учиться было нетрудно, так как два предмета — фармакологию и рецептуру — я и так знал хорошо. Школу окончил на «отлично» и руководство госпиталя послало меня в Тбилиси в распоряжение военного санитарного управления. В конце концов я был распределен в Гори в артиллерийский дивизион. Наша часть расположилась в Ардагане, но вскоре нас обещали перевести в Тбилиси, и я надеялся, что смогу продолжить учебу. 25 февраля мы получили из Тбилиси депешу: в республике установилась Советская власть. Я приехал в Тбилиси и начал работать в штабе Военно-морского комиссариата помощником врача и заведующим аптекой. С трех до девяти я находился в амбулатории. У меня была и частная практика: я ухаживал по ночам за одним из больных сыпным тифом и полученные деньги присоединял к своему скромному бюджету. В 1922 году я экстерном сдал экзамены в гражданскую фельдшерскую школу. Тогда мне было 24 года».

А потом Исидоре Гварджаладзе был зачислен на сектор французского языка высших пятилетних курсов иностранных языков.

* * *

С вымыслом какого беллетриста можно сравнить поистине сказочные приключения юноши? А если подобное сравнение и допустимо, то разве сможет выдумка превзойти реальность?!

3032010333

Вся последующая жизнь и деятельность Исидоре Гварджаладзе тоже окутана ореолом этой романтичности, и здесь можно найти сказочные параллели:

- «— Овцы, чьи вы? — спросил волк.
- Комбле! — ответили овцы.
- А кто такой Комбле?
- Это тот, кто делает дубины и ставит их под потолком, а тому, кто захочет нас съесть, размозжит голову, — ответили овцы».

Сочти за овец учеников, мой читатель, а за волков — невежество.

Исидоре Гварджаладзе — это тот, кто составляет словарь и ставит их на полку, — не только на собственную или пусть каждого из нас, но на священную полку сокровищницы всей национальной культуры: ставит рядом со словарями Сулхана-Саба, Парсадана Горгиджанидзе, Батонишвили, Николоза Чубинашвили, Давида Ректора, Тедо Сахокия, Иосеба Имедашвили, Александра Неймана, Кетеван Датикашвили, Ильи Абуладзе и других достойных сынов и дочерей нашего отечества. В лице Исидоре Гварджаладзе грузинская лексикография приобрела неумолимого деятеля и верного сподвижника.

И все-таки Грузии не хватает словарей! Не хватает потому, что фактически Исидоре Гварджаладзе в одиночестве несет на себе это бремя; у нас нет еще двуязычных словарей с таких языков, как мингрельский и сванский, греческий и армянский, турецкий и иранский, баскский и болгарский. А ведь это те языки, без знания которых невозможно изучение и исследование грузинской цивилизации. Мы уже ничего не говорим об иврите или урду, сирийском или хинди, испанском или итальянском, польском или румынском...

Если отставить в сторону двуязычные словари, составление которых, как мы уже сказали, невероятно трудно, Грузии не хватает словарей и справочного характера, а их составление намного легче. Здесь мы подразумеваем словари, например, такого типа: «Памятники материальной культуры Грузии», «Био-библиографический словарь писателей (художников, музыкантов и т. д.) Грузии», «Словарь географических названий и топонимов Грузии», «Флора Грузии», «Фауна Грузии». Сегодня, да и вообще, эти книги больше нужны народу, нежели труды типа «К изучению некоторых вопросов о произрастающих в Грузии альпийских фиалках» (лет 10-15 назад в газете «Тбилиси» публиковались объявления о защитах диссертаций, и это название я помню оттуда). В чем же дело? Видите ли, составление словарей, помимо того, что само по себе является для автора неблагодарной работой, не засчитывается ученому в качестве диссертации. Мы не будем судить о том, насколько это справедливо, но факт остается фактом, что большинство ученых предпочитает изучение какой-то проблемы долголетнему труду по составлению словарей.

С болью в сердце говорил обо всем этом Исидоре Гварджаладзе. Он хорошо понимает, что здесь недостаточно эн-

тузиазма отдельных патриотов, и с надеждой смотрит на издательство Грузинской энциклопедии.

— Наверно, после того, как закончат выпуск энциклопедии, издательство обратится к словарям и разного рода справочникам.

Исидоре Силованович в третий раз наполняет рюмки и начинает говорить о молодежи: «Материальное благополучие сделало многих духовно убогими». Потом он завел разговор о своих соавторах. С благодарностью и уважением вспоминал каждого: Иванэ Мачавариани и Иродиона Кавкарадзе, Этер Лебанидзе и Мариам Кусрашвили, Тамар Гиоргобиани и Веру Молодых, Анну Швангирадзе и других. Я спрашиваю батона Исидоре о его учениках, вернее о тех, кто прошел его школу.

Он назвал только троих: писателя Элгуджу Маградзе, дипломата Александра Чикваидзе и профессора Михаэла Гвесселава (здесь же следует отметить, что под руководством Исидоре Гварджаладзе защитили диссертации тринадцать ученых). А так, если сказать со всей откровенностью, мы все его ученики, настоящие или бывшие, все, кто хотя бы раз раскрыл словарь Исидоре Гварджаладзе.

В 1978 году прославленному ученому исполнилось 80 лет. Он отказался от юбилейных торжеств, но его коллеги и бывшие ученики все равно устроили ему маленький вечер. Много поздравлений и адресов получил в тот день Исидоре Гварджаладзе.

Профессор Говард Аронсон: «От всего сердца поздравляю Вас с 80-летием! Вы, вместе с Вашими словарями, являетесь у нас посланцем грузинской культуры. Пусть длится Ваша культурная и лексикографическая деятельность! Снова поздравляю от своего имени и от имени моих студентов! Будьте здоровы!» (Написано по-грузински).

Профессор Ганс Фогт: «Словари Исидоре Гварджаладзе навечно останутся незаменимыми для тех, кто захочет изучить грузинский язык и литературу. Эти словари стали сокровищницей...»

Батона Исидоре вновь наполнил рюмки, а Тамар Силовановна положила мне на тарелку очищенное яблоко. Мы еще долго беседовали.

— Добро не пропадает, — сказал как бы между прочим мой собеседник, — если бог даст и проживешь долго, то сам же и пожнешь его плоды, а нет — так жнецы найдутся!..

Невозможно, чтобы кому-нибудь могли надоест общество этих приветливых людей, беседа с ними. Два-три часа, проведенные у них, заменили мне несколько хороших книг.

При прощании у меня в памяти вновь всплыли слова, оброненные ученым с невольной горечью: «Битва проиграна».

Нет, батона Исидоре, битва выиграна.

Перевод Тамары Папалашвили

Валентина БАЛУАШВИЛИ

«Будто грузин, не могу без Тифлиса»

ГРУЗИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО

МЕСТО импровизированного аэродрома, обтянутое канатами, охраняют конные войска. Играют духовые оркестры. Кругом — стена народа, даже крыши окраинных домов усеяны публикой. Посередине «аэродрома» — отважный пилот, один из первых авиаторов России Василий Каменский в своем хрупком аэроплане «блерио». Он готовится к полету. Еще несколько мгновений, и аэроплан, под восторженные крики собравшихся, взмывает в воздух...

Экзамен на летчика был сдан в Варшаве. Полеты демонстрировались в России, Германии, Франции. Побывал авиатор также в Австрии, Италии. 1911-й год оказался роковым — летчик разбился в грозу и едва спасся.

Проходят месяцы, и Василий Каменский снова один на один с морем публики. На этот раз он выступает как активный, шумный поэт-футурист. Он громит «старье» своими необычными стихами и ярким, полным остроумия, хотя и крайне сумбурным докладом с неожиданным названием «Авиация и футуризм». На лбу у него нарисован аэроплан. И когда ему кричат, спрашивая:

— А почему у вас на лбу аэроплан? — невозмутимо отвечает: «Это знак всемирной динамики... Мы, поэты-футуристы, живые, трепетные, сегодняшние, работающие, как моторы, во имя энтузиазма молодости... будем очень счастливы вооружить вас, друзья современности, своими великолепными идеями».

И. Репин, который писал портрет В. Каменского, говорил ему шутливо во время сеанса:

— Читайте свою поэму о Степане Разине. Я попробую написать вас читающим стихи, ибо подметил, что во время чтения ваше лицо делается... авиаторским. Будто вы летаете — ведь у поэта много общего с летчиками. Те и другие витают в небесах!

В. Каменский вместе с В. Маяковским — их содружество началось в 1912 году и никогда не прерывалось — выступи-

ли в русской поэзии смелыми новаторами. Движение, которое они возглавили, разворачивалось как протест против мертвечины эстетствующего искусства, оторванного от жизни, от народа.

Стихотворением В. Каменского «Жить чудесно», которым он полемизировал с группой символистов, утверждавших культ смерти, открывался первый сборник футуристов «Садок судей» (1910 г.). Это стихотворение стало в какой-то мере программным для всего его творчества: оно полно оптимизма, восхищения жизнью, преклонения перед мудростью природы, теми радостями, которые она дает человеку.

К этому времени у юного В. Каменского за плечами — артистическая деятельность в провинциальном театре, учеба на сельскохозяйственных курсах, служба в небольшом уральском городке, активное участие в революционном движении 1905 — 1907 годов, окончившееся тюрьмой, не говоря уже о его увлечении авиацией. В эту пору Василия Каменского можно было встретить и в глухом селе среди уральской тайги, и за границей, и на Кавказе, в частности в Грузии, которая, по словам поэта, стала для него второй родиной.

В Грузию В. Каменский приехал вскоре после выхода в свет сборника «Садок судей». Побывал в Тифлисе, а потом поселился на лето на побережье Черного моря — Зеленом Мысу. Здесь он работал над первым своим романом «Землянка». Южная экзотика волновала и вдохновляла молодого писателя. Вспоминая это время много лет спустя, В. Каменский писал:

«Зеленый Мыс, возле Батума. Там, среди бананов, пальм, камелий, магнолий, бамбука, апельсиновых деревьев, мандариновых кустов; там, купаясь в море, валяясь на пляже под «турецким» бывалым солнцем; там, обветренный солеными ветрами, напряженный, наполненный, несущийся, как парус, работал, писал роман «Землянка»...»

И далее:

«...Ветры, вихри, штормы, борьба, буйные затеи, даль, ширь, размах, воля, новизна — все это будоражит, наполняет, пьянит и раскачивает так, что еле держишься на ногах».

На Зеленый Мыс к В. Каменскому летели письма друзей, которые торопили с окончанием книги лирической прозы «Землянка», которая после выхода в свет вызвала много споров. Позже ее автор говорил, что в волнениях по поводу этого произведения его успокаивала «совершенно новая форма романа, со сдвигами, с переходом прозы в стихи и обратно — в прозу». Так или иначе, рождение первого крупного произведения В. Каменского произошло в Грузии (хотя окончена «Землянка» была в Перми), и память об этом сохранилась у него до конца жизни: начало своей литературной деятельности он связывал с Грузией.

Дальнейшее сближение поэта с ней произошло в 1914 году, в дни приезда сюда с Владимиром Маяковским и Давидом Бурлюком. Тогда он непосредственно окунулся в жизнь грузинской столицы, сблизился с молодежью, познакомился с творческой интеллигенцией. Одним из сильных впечатлений

была та восторженность, с какой встречали здесь русских по-этов.

Вот как запомнился В. Каменскому день приезда:

«Мы вышли на Головинский: горячее, знойное, весеннее солнце обдало нас нежным дыханием. И кругом праздничные люди, цветы, черкески, черноокие стройные девушки, гибкие, смелые юноши, быстроногие ребята.

И всюду возбужденные голоса:

— Футуристы приехали! Футуристы гуляют! Вашá! Салами!»

Запал в память и литературный вечер в оперном театре: «Вечером 27 марта возле оперного театра собралась такая огромная толпа, что, несмотря на все усилия полиции, невозможно было пройти по улице. Только небольшая часть из массы желающих попала на вечер...

Нас встретили восторженно и весело. В первый раз не было ни свистков, ни ругательных выкриков... И, значит, Маяковский был прав: здесь любят поэтов и умеют встречать... После окончания толпа молодежи ожидала нас у выхода на улицу, и тут же состоялось продолжение вечера — мы читали стихи и отвечали на многочисленные вопросы. Словом, тифлиссский успех превзошел все наши ожидания».

Перед отъездом из Тифлиса В. Каменский вместе с В. Маяковским, которому очень захотелось побывать в родном городе, направился в Кутаиси: «До этого я никогда не бывал в Кутаиси и не представлял себе, какой это колоритный, замечательный город. Весь в цвету, в мутном хрустале несущегося Риона».

Запомнились: каменистый берег Риона, развалины древнего храма Баграта, тучные деревья, фруктовые сады, базары, улицы, дома, которые были свидетелями «кутаисского детства Володи». В. Маяковский показал другу гимназию, в которой учился: «Вот бы ворваться туда и прочитать стихи!..»

Кутаисские друзья В. Маяковского устроили ему сердечную встречу.

Постоянное общение с Маяковским, пребывание с ним в Тбилиси и Кутаиси помогли В. Каменскому с необычайной художественной силой и выразительностью запечатлеть облик замечательного поэта в чеканных, темпераментных стихах поэмы «Юность Маяковского», в книгах «Маяковский начинается», «Жизнь с Маяковским», «Путь энтузиаста».

После ряда выступлений в Тифлисе В. Маяковский, В. Каменский и Д. Бурлюк, побывав еще в нескольких городах, вернулись в Москву, по словам В. Каменского, «в самом воинственном состоянии закаленных бойцов!»

В том же, 1914 году вышел его сборник под названием «Танго с коровами». Футуристическое экспериментаторство надолго увлекло поэта. Оно проявлялось не только в творчестве, но даже в жизни. Только неумным стремлением В. Каменского «не быть похожим на других», использовать любую возможность, чтобы познакомить со стихами широкие массы публики, можно объяснить семь его гастролей в октябре

1916 года в тифлисском цирке: в costume Степана Рашина верхом на рыжей лошади он выступал там с чтением своих произведений! С присущим ему чувством юмора рассказывал об этом: «Аверченко острит в «Сатириконе»: Каменский выступает со стихами в цирке, а публика спрашивает — который конь и который поэт? Оба рыжие».

В 1916 году в Тифлисе В. Каменский издал сборник «Девушки босиком» — по стихотворению того же названия, которое для поэта в тот период было программным.

Девушки босиком — по словам самого поэта — его стихи. В этом сопоставлении ощутимо стремление В. Каменского к простоте, естественности, которое, как это ни парадоксально для поэта-футуриста, характеризовало многие его ранние произведения: стихи — это не просто девушки, а девушки босиком. Примечательна конкретизация того, кто такие эти девушки. Поэт пишет, что это и черкешенки «в долине Дарьяла на камнях у Терека», и русские, деревенские, идущие «за водой с расписными ведрами-коромыслами на берегу Волги», и «на сборе риса загарные, напевно-изгибные индианки». Все они — «возлюбленные невесты поэта».

Так ратовал В. Каменский еще в предоктябрьский период за необходимость содружества людей разных национальностей, за интернационализм в творчестве. Тема единства и дружбы народов станет после победы революции одной из ведущих в творчестве поэта.

При всем том в стихотворении «Девушки босиком» автор продолжает заниматься словотворчеством, экспериментаторством: девушки босиком — «стан стихийные», «грустиницы солнцевстальные», «стихи... перезвучальные» и т. д.

То же экспериментаторство встречается и в стихотворениях на грузинскую тему.

«Девушки босиком» — первый сборник, где автор публикует посвященные Грузии стихотворения — «Кутаис», «Кипиановская 8», «Тосты друзьям», «Я — в цирке», в которых отразились и воспоминания прежних приездов, и впечатления от новой встречи с Грузией.

Вновь увидев полюбившийся ему своим колоритом Кутаиси, быстро несущийся красавец Рион, храм Баграта, поэт воспевает их в стихотворении «Кутаис». Переходя от частного к общему, он высказывает в нем свое восхищение всей Грузией:

Как Рион небо-лунно-опаловый
Голубинной долиной цветет,
Так душой своей
Горно-ураловой
Мое сердце зурной воспевает.
Воспевает о сотворческом солнце
(Опьяненный отдамся весь музе я),
Воспевает вечным бегом в Рионе,
Где как Вечность —
Вершинная Грузия.
Кутаис. Кутаис.

В сочной зелени лоз винограда
Чую я — как грустит Кипарис
У подножия храма Баграта...

Стихотворение это посвящено Паоло Яшвили — создателю группы грузинских символистов «Голубые Роги». Примечательно, что дружба поэтов преодолевала замкнутость литературных группировок, расширяя границы творческого общения.

Стихотворение «Кипиановская 8» — по названию улицы, где жил в тот приезд поэт, содержало точное указание места, где оно было написано и кому адресовано: «Тифлис. Моя комната. Письмо Алёше Трушлову». В нем говорится о бессоннице поэта, который впитывает в себя звуки, доносящиеся с улицы, и ассоциирует их со своими чувствами, с образами прочитанных книг. Интересно отметить, что В. Каменский запоминает и включает в стихотворение слова и выражения из армянского и грузинского языков:

Слушаю. У столба телеграфного
Армянин караульщик
Грустит по-армянски. Поёт:
— *Вორტეკ է Իմ*
Երձձանկյուն —
А где счастье — разве знаю.
Один. Дон Кихот.
Даже не нужен друзьям.

Эти мысли, навеянные бессонницей, ночью, одиночеством, побуждают к воспоминаниям о родине, далекой любимой речке и вместе с тем заставляют жаждать наступления дня, солнца...

В этом стихотворении, как и в ряде других, опубликованных в сборнике «Девушки босиком», наряду с футуристической игрой со словом, можно различить трезвое видение мира, реалистическую передачу чувств и переживаний. А в «Моей карьере» В. Каменский даже как бы противопоставляет свои футуристические «чуждачества» трезвой реальности.

Говоря об особенностях ранних произведений В. Каменского, исследователь С. Гинц удачно подметил, что его поэзия была «подчинена какому-то внутреннему ритму, который не давал распасться стиху, не давал ему превратиться в прозу», что для нее характерен был «свободный, несимметрический стих, да еще иногда и в соединении с белым, т. е. безрифменным стихом... И, конечно же, — общий жизнеутверждающий тон».

Все эти особенности творческой манеры В. Каменского отразились в его поэме о народном герое Степане Разине, созданной в годы первой мировой войны. В Разине поэт нашел и утвердил свой идеал героя — борца за свободу и счастье людей, эпического богатыря, воплотившего лучшие черты талантливого и вольнолюбивого русского народа.

Журналист и критик Б. Корнеев, работавший в Тбилиси, вспоминал: «В условиях нарастания новой революцион-

ной волны грозный посвист разинской вольницы «Сарынь на кичку!» живо подхватывался молодежью, будоражил умы. Реакционная критика грозила поэту за «Степана Разина» — «На гайкой и перекладной».

Стремление к вольности, к светлому будущему для народа, предчувствие надвигавшихся социальных перемен пронизывало и некоторые другие произведения молодого поэта. В стихотворении, посвященном В. Маяковскому, он писал, например:

Сегодня —
Мир на пороге чуда Земли.
Сегодня слышится одна истина —
Начинается!..

Одновременно В. Каменский, вслед за Маяковским, «громил» «страшную» и «шершавую» буржуазную публику — сытую, самодовольную, погрязшую в обывательщине, низменных интересах, безразличную и равнодушную к судьбам гениев и талантов. В стихотворении «Иронический памятник» (1916) он бросал ей в лицо гневные строки:

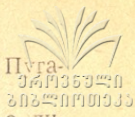
Какая вы, публика,
Страшная да шершавая...

Октябрьскую революцию В. Каменский принял восторженно, как свое кровное дело. «С первых же дней активно встал на путь власти Советов, ибо видел в пролетарской революции социальную правду, возведенную Лениным», — писал В. Каменский в автобиографии.

Во время гражданской войны поэт работал в высшей военной инспекции. В 1919 году направлен в качестве культурного работника на фронт под Одессу в южную Красную Армию. Был схвачен белыми и отвезен в ялтинскую тюрьму. Во время переправы в Новороссийск бежал в Тифлис.

А. В. Луначарский вспоминал о его работе в первые годы Советской власти: «Он чрезвычайно много выступал на широких народных собраниях и украшал их своим узорным, летучим, звенящим словом. Он написал первую производственную пьесу — «Паровозную обедню», он написал первую революционно-историческую пьесу «Разин». Его сразу и сильно полюбили. Он стал известен и Владимиру Ильичу, которому его поэзия нравилась».

Горячая любовь В. Каменского к родной земле неизменно побуждала поэта обращаться к ее истории, к истокам героизма русского народа, подмечать то преемственное, что роднит нашу современность с событиями давно минувших дней. Вслед за «Степаном Разиным» он создает «Емельяна Пугачева» и «Ивана Болотникова», где с большой поэтической силой воспроизводит страницы мужественной борьбы народа за свое счастье, раскрывает лучшие черты русского национального характера в его вечном и неукротимом стремлении к свободе. Именно в этих эпических поэмах о борцах за народную волю ярче всего проявился талант Василия Каменского.

С чтением отрывков из поэм о Степане Разине и Пугачеве поэт выступал в Тбилиси в январе 1927 года.

В номере от 22 января того же года в информации о литературном вечере В. Каменского газета «Заря Востока» сообщила: «Им были прочитаны отрывки из «Стеньки Разина», «Пожара Пугачевского» и др. В начале вечера поэт Кара Дервиш произнес вступительное слово, охарактеризовав Василия Каменского как поэта и как одного из основателей футуризма». В Тбилиси еще помнили выступления В. Каменского с футуристическими стихами и лозунгами! К тому же в 1920 году здесь вышла отдельной книжкой его «заумная» поэма «Цувамма».

В опубликованной в «Заре Востока» несколько ранее информации упоминалась пьеса В. Каменского «Степан Разин», сообщалось, что она «недавно переведена на английский язык для одного из больших нью-йоркских театров и предложена к постановке Н. Н. Евреиннову».

Отрывки из поэм о Степане Разине и Емельяне Пугачеве вошли в изданную в 1927 году в Тбилиси книгу В. Каменского «И это есть».

В рецензии на книгу, которую газета «Заря Востока» дала 15 февраля 1927 года, отмечалось, что «на всей книге — печать зрелого, настоящего мастерства». Мастерство это рецензент видит в выразительно-яркой разработке основных тем, раскрывающихся каждый раз по-новому. «Вот почему, — пишет он, — великолепный «Пожар Пугачевский» звучит вовсе не перепевом старой «бунтарской» темы «Стеньки Разина», а волнует совсем иначе благодаря своеобразному частушечному уклону, с которым прекрасно справился сочный язык В. Каменского». Отмечалось, что совершенно иначе, чем прежде, раскрываются в сборнике и деревенские мотивы, свойственные творчеству В. Каменского.

Действительно, в одном из лучших стихотворений сборника «Весна деревенская» поэт воспекает новь русской деревни, радость труда, утверждающего новую жизнь, — светлую и счастливую.

Тот же гимн труду, приближающему счастливое будущее, — в стихотворении «ЗАГЭСу и Волховстрою». В ритме стихотворения, его ораторском стиле, повторах можно уловить что-то общее с «Левым маршем» (1918) В. Маяковского. Так же как «Левый марш» был гимном революции, призывом к мужественной, активной и дружной борьбе против старого мира, стихотворение В. Каменского содержало призыв к энергичной активной борьбе за построение нового общества:

Верим!
 Вам,
 Загэсы и Волховстрои,
 Первые социализма двери
 В жизнь светоносного строя.
 Верим! Верим!

Несмотря на приближение в ряде стихотворений сборника «И это есть» к стилю реалистической поэзии, некоторые стихотворения его все еще содержали элементы заумной футуристической игры со словом. Автор рецензии, напечатанной в «Заре Востока», со всей строгостью указывал на это. Он отмечал, что от весны футуризма в сборнике и неисправимая, подчас чрезмерная кудреватость языка и неисцелимое пристрастие к «заумной» ориентации, и какая-то ухарская (конечно, нарочитая) небрежность в ритме и особенно в рифмовке.

Рецензия заканчивалась словами: «И если В. Каменский стяхнет окончательно все то от прошлого, что еще подчас мешает ему стать совершенно ясным и простым и в языке и в образах, — он не отстанет».

Публикация в грузинской прессе подобных рецензий, в которых подвергались критике слабые стороны творчества В. Каменского, несомненно, имела для поэта важное значение, способствуя освобождению его от груза прежних футуристических приемов.

Велико было значение местной прессы и в ознакомлении широких кругов читателей с творчеством русского поэта: стихотворения В. Каменского, отрывки из его прозаических произведений, художественные очерки систематически публиковались на ее страницах.

Ко времени приезда в Грузию в 1927 году интерес В. Каменского к исторической теме проявился и в его обращении к пушкинской теме, в частности к последним годам жизни и творчества великого поэта. В. Каменский пишет роман и пьесу «Пушкин и Дантес». Сообщая об этом в одной из корреспонденций, газета «Заря Востока» отмечала, что автор «на основании последних данных исследований о жизни Пушкина вскрывает сущность семейных и общественных отношений великого поэта, начиная с 1824 г., когда Пушкин находился в ссылке (в общем 6 лет) в селе Михайловском, и кончая трагической развязкой».

В январе-феврале 1927 года «Заря Востока» поместила несколько отрывков из романа «Пушкин и Дантес». Два из них были посвящены пребыванию А. С. Пушкина в селе Михайловском: «Желанный гость» (о приезде И. Пущина к ссылке-ному поэту) и «Пушкин в ссылке в Михайловском». Отрывок «Любовь Пушкина» рассказывал о встречах поэта с Натальей Гончаровой, о его сватовстве.

Тифлисский рабочий театр взялся за постановку пьесы «Пушкин и Дантес», которая уже почти год шла в бывшем Александринском театре в Ленинграде.

Премьера состоялась шестого февраля 1927 года. Перед началом пьесы со вступительным словом выступил автор.

В том же году на страницах «Зари Востока» появились два очерка В. Каменского — «Американское счастье» и «Абаскеросинщик».

В первом из них разоблачался миф об Америке, как стране, где каждый может разбогатеть и найти счастье. Когда очерк В. Каменского увидел свет, уже были написаны известные очерки В. Маяковского «Мое открытие Америки» (1925), где речь шла и о том, как тяжел и унизителен труд, поставленный на службу капитала, о том, что «ни воли, ни жизни» нет там, где господствует доллар. Вполне возможно, что очерк В. Каменского написан под впечатлением рассказов В. Маяковского о поездке по Америке, о его встречах с простыми людьми.

Тема другого очерка — становление революционного сознания у простого парня, торговавшего керосином. Будучи по недоразумению посажен в тюрьму англичанами, захватившими Баку, он вышел оттуда после прихода большевиков политически сознательным человеком. «Теперь Абас совсем новый человек, настоящий большевик стал. Понимай это, Наташа, понимай!» — говорит он любимой девушке.

В этот приезд все больше укрепляются контакты В. Каменского с грузинскими писателями. Часто встречи происходили на литературных вечерах, в которых принимали участие М. Джавахишвили, И. Гришашвили, Т. Табидзе, Г. Леонидзе, Р. Гветадзе и другие.

С каждым годом в творчестве В. Каменского все сильнее звучала интернациональная тема, тема единства советских народов, и, прежде всего, дружбы русского поэта с Грузией. В стихотворении «Тифлис» он провозглашает:

Урал, Кавказ —
Родные братья
Одной чудеснейшей страны.
Стихийно всем готов орать я
Стихи под перепень зурны.

Столица Грузии — Тифлис становится для поэта родным городом. Ему понятны песни стремительной Куры, ему нравится «в час, когда выходит солнце», подниматься на гору Давида, чтобы, глядя на розовевший Тифлис, остаться

Вечно удивленным
Перед столицей Кавказа.

Его восхищают легенды, рассказывающие о подвигах и мужестве народа, звучащая здесь музыка, грузинские танцы:

Тифлис, Тифлис,
В твоих духанах
На берегу крутой Куры
Преданья жуткие о ханах
Живут, как жаркие ковры.
Легендой каждой, будто лаской,

ная деятельность. В стихотворении «Письмо в Сорренто», адресованном А. М. Горькому, были строки:

Пишу Вам из Тифлиса,
Из города того, куда пешком
С котомкой за спиной
Вы странником когда-то пробрались.
Вас притянул Кавказ.
Обвеянный грузинскою весной,
Пишу и вспоминаю:
Это здесь впервые
Был напечатан Ваш рассказ,
Это отсюда ветер южный
Помог раздуть на дальность паруса,
Это здесь Вас приютил Калюжный,
Тифлис родил Вас...

Эти строки, написанные белым стихом и посвященные пребыванию А. М. Горького в Тифлисе. — пожалуй, лучшие во всем стихотворении, которым автор стремился передать чувство огромной любви советского народа к великому писателю и нетерпеливое ожидание его возвращения на родину.

В свой следующий приезд в Тифлис — в 1928 году — В. Каменский привез с собой новые произведения, с отрывками из которых знакомила читателей «Заря Востока». Это были главы исторического романа «Степан Разин» и книги «Записки охотника», содержащей рассказы об интересных встречах во время охоты, о русской природе. Были напечатаны отрывки — «Александр Петрович» и «В шалаше хорошо».

Из стихотворений, опубликованных в тот приезд, характерны, как новый этап в творчестве В. Каменского, «Наша весна» («Заря Востока», 19 апреля) и «Десятый май» («Заря Востока», 1 мая). Их тема — победное строительство новой жизни в Стране Советов.

«Весна человечества», воспетая В. Маяковским и многими другими поэтами тех лет, звучит и у В. Каменского, когда он пишет о стране, строящей будущее, идущей к социализму.

Любовь к Кавказу подсказывает поэту сравнение высокой были новых дней с «вершинным Кавказом»:

Быль — высока,
как вершинный Кавказ,
И с этих высот
не уйдем мы.

В стихотворении «Десятый май» отражено чувство гордости советских людей победами, достигнутыми за десятилетие со дня свершения Великой Октябрьской социалистической революции.

В 1931 году в Тбилиси была издана новая книга В. Каменского «Юность Маяковского».

Трагическая гибель Владимира Маяковского оставила неизгладимый след в душе В. Каменского. Долгое время он не мог ни о чем писать, только о Маяковском. Очень живо, зримо, со многими неповторимыми деталями рисует он образ своего верного друга, спутника и соратника в поэтических и мемуарных произведениях.

В первую годовщину смерти поэта В. Каменский ехал на его родину, в Грузию, только с мыслями о нем. В заметке о приезде В. Каменского в Тбилиси, помещенной в газете «Заря Востока» 6 апреля 1931 года, сообщалось лишь о том, что «на днях в клубах состоится его доклад — воспоминания о Маяковском», 14 апреля в подборке «Памяти Маяковского» газета поместила его стихотворение «Юность Маяковского».

В. Каменский выступил и на вечере памяти В. Маяковского. Он поделился своими воспоминаниями о нем, прочитал несколько его стихотворений.

Впечатления новых приездов рождали новые, посвященные Грузии, произведения. В 1932 году в Тбилиси в издательстве «Закнига» выходит еще один сборник стихотворений В. Каменского «Стихи о Закавказье». Одно из центральных в нем — «Аджаристан» — воплотило впечатления о поездке поэта по Советской Аджарии. Оно написано в том же ключе, что и «Наша весна», «Десятый май». Для него характерны радостное восприятие жизни, единение с природой, вызывающей у поэта множество ассоциаций.

Благодатен этот край — «арсенал боевого здоровья», где гостю «как в сказке волшебю скитаться», не только природой. Социалистическая новь разбудила в нем трудовой энтузиазм строителей новой жизни. Поэт подмечает, что здесь воедино сливаются «Запах роз и запах труб Азнефти», что паровоз «с бензином мчит цистерны», а на склонах холмов взор привлекает «чайного сбора мельканье корзин».

Органически вплетается в стихотворение и тема единения республики и народов Страны Советов. Поэт дает обещание по возвращении на далекий Урал провозгласить

Поэтический тост
За все,
Что глаза мои видели, —
Перекинуть
Торжественный мост
От Урала
До южной обители.

Радость творчества, вдохновение, которое испытывает В. Каменский, остановившись на отдых в одном из красивейших уголков Аджарии — на Зеленом Мысу, где он побывал однажды в юности, выливаются в радужные строки:

Гость у весны я —
Радостен труд.
Вот и пишу,
Как на крыльях лечу,

Весь отдаюсь
Золотому лучу
Вечернего солнца...

Сборник 1932 года, изданный в Тбилиси, был по своему содержанию интернациональным. Помимо стихотворений грузинского цикла, публиковавшихся ранее в «Заре Востока» («ЗАГЭСу и Волховстрой», «Письмо в Сорренто», «Не могу без Тифлиса» и др.), в него вошли стихотворения В. Каменского, посвященные Азербайджану («Город 26», «Баку») и Армении («Эривань»).

Однако главной любовью и привязанностью до конца жизни продолжала оставаться Грузия:

По жизненной тропе большой,
Певцом шагая много лет,
Всем сердцем, всей душой,
Всей творческою новью
Я связан с Грузией
Неисчерпаемой любовью.

О Грузии поэт всегда писал с большой душевной теплотой и радостью. Она продолжала привлекать его сердце красотой сегодняшней, советской действительности, «доблестью воинственных сынов, прославленных отвагой», «мудрым звоном струн Руставели», щедрой и величественной природой.

В годы Великой Отечественной войны, когда все помыслы тяжелобольного поэта были устремлены к защите Родины, «Заря Востока» продолжает печатать его стихотворения, особенно часто — в дни приезда В. Каменского в Тбилиси. В 1943-1944 годах поэт находился на лечении в Цхалтубо и Тбилиси. На страницах газеты публикуются «Победный май», «Народное дело», «Севастополь», отрывок из новой поэмы «Ермак Тимофеевич» и другие.

В «Победном мае» (1944 г.) с гордостью отмечена победная поступь Советской Армии:

Под солнцем мая — ясным небом —
Уже родная Украина,
На Запад
К славе и победам
Идет густых полков лавина...

Все, что касалось дела победы над врагом, что могло способствовать ему, воспринималось поэтом и как его непосредственная обязанность. Вот почему он откликается на выход Третьего государственного займа Отечественной войны призывным стихотворением «Народное дело».

Идеей патриотизма пронизано и одно из лучших стихотворений В. Каменского «Севастополь». Поэт воспевает «славою озаренный» город-герой, освобожденный от немецко-фашистских захватчиков:

Здесь в каждом камне гул событий,
На всем здесь доблесть моряков.

Большой и серьезной работой В. Каменского в годы Великой Отечественной войны было либретто оперы «Емельян Пугачев», поставленной в Ленинграде.

Тема героического прошлого русского народа, его гатырской мощи, доблести и славы нашла новое воплощение в творчестве В. Каменского в его поэме «Ермак Тимофеевич», над которой он работал, находясь в Тбилиси. Отрывок из нее, содержащий эпизод приема Ермаком посла от Строганова на Капе, возле реки Чусовой, был опубликован в «Заре Востока» 23 апреля 1944 года.

Отрывки из поэм о Степане Разине, Пугачеве, Ермаке, стихотворения «Победный май», «Севастополь», «Юность Советская» и ряд других вошли в сборник «Стихи и поэмы», вышедший год спустя в Тбилиси. Избранные произведения В. Каменского были изданы и в переводе на грузинский язык.

Этими сборниками грузинские издательства отметили 60-летие со дня рождения поэта, который в дни своего юбилея находился в Тбилиси, после предварительного лечения в Цхалтубо.

Несмотря на тяжелую болезнь, В. Каменский не только сохранял присущие ему бодрость и оптимизм, но и стремился передать их окружающим. Вскоре после приезда в санаторий в Цхалтубо он был, по его словам, приглашен «выступать в клубе этого санатория со своими произведениями для его пациентов и наших доблестных солдат и офицеров из соседних госпиталей. В течение пяти вечеров сряду я читал в этом милом клубе стихи и говорил речи, вдохновляя больных и раненых к победоносной жизни во славу Великой Родины!

Славное место — Цхалтубо... Но я был плох ногами и меня таскали на носилках. Я по пути кричал: «У меня здесь такой успех, что на руках носят!»

Литературный вечер, посвященный 60-летию со дня рождения Василия Каменского, состоялся в Тбилиси 18 апреля 1944 года в здании Союза писателей.

Вечер открыл кратким вступительным словом Шалва Дадiani, отметивший значение В. Каменского в современной советской поэзии. С большим докладом о творчестве поэта выступил В. Горгадзе. Он подчеркнул самое ценное в творчестве В. Каменского — его народность, глубокое проникновение в жизнь, живое, взволнованное ее ощущение. Особо отметил докладчик, естественно, и дружескую связь поэта с Грузией:

— Каменский справедливо считается певцом Урала, который является его родиной. Но в его творчестве много вдохновенных строк посвящено и Кавказу, и особенно Грузии, с которой поэт связан узами давнишней любви и началом своей поэтической деятельности.

О теме дружбы народов, как об одной из ведущих в творчестве В. Каменского, говорил в своем выступлении поэт А. Абашели. По его образному выражению, «поэзия Каменского красуется, словно радуга, от Уральских гор до вершин Грузии, отражая в своем спектре одни чувства, одни устрем-

ления, владеющие и русскими, и грузинскими поэтами»
А. Абашели прочел на вечере в своем переводе новое стихо-
творение В. Каменского, посвященное Грузии, — «Страна
высокая». В переводе на грузинский язык читались и другие
произведения поэта.

Юбилейный вечер был организован и в больнице лечеб-
ного комбината г. Тбилиси, где в то время находился поэт.
Вот как он сам рассказывал об этом:

«В день юбилея я утром по радио узнал, что мое род-
ное правительство наградило меня орденом Трудового Красного
Знамени... И мне снова принесли цветы, раздели как жени-
ха... А через несколько дней здесь, в зале больницы, дирек-
ция организовала блестящий юбилейный вечер, на который
явились мои друзья — грузинские писатели... По радио из
Москвы сообщали о моем юбилее. Словом, меня свели с ума
от счастья».

Награждение В. Каменского по случаю 60-летнего юбилея
орденом Трудового Красного Знамени было признанием его
заслуг перед Родиной. При всей сложности и неровности
творческого пути он был одним из самых активных созидате-
лей молодой советской литературы, на протяжении всей сво-
ей жизни творил для народа, был его певцом, говорил его
языком, воспитывал любовь к Отчизне. Не случайно он пер-
вым из советских писателей был избран депутатом Моссовета.

Встреча В. Каменского с Грузией обогатила националь-
ную традицию в его творчестве новыми образами, мотивами,
тональностью, способствовала освобождению его поэзии от
груза футуристических увлечений, предоставила страницам
газет и сборников трибуну для общения с широкими массами
читателей. Вот почему до конца дней, сохраняя к ней лю-
бовь и привязанность, он называл ее «второй родиной».

Джуаншер ВАТЕЙШВИЛИ

НИКИФОР ИРБАХ — АВТОР ПЕРВОПЕЧАТНОГО ГРУЗИНСКОГО ПЕРЕВОДА

К 350-ЛЕТИЮ ГРУЗИНСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

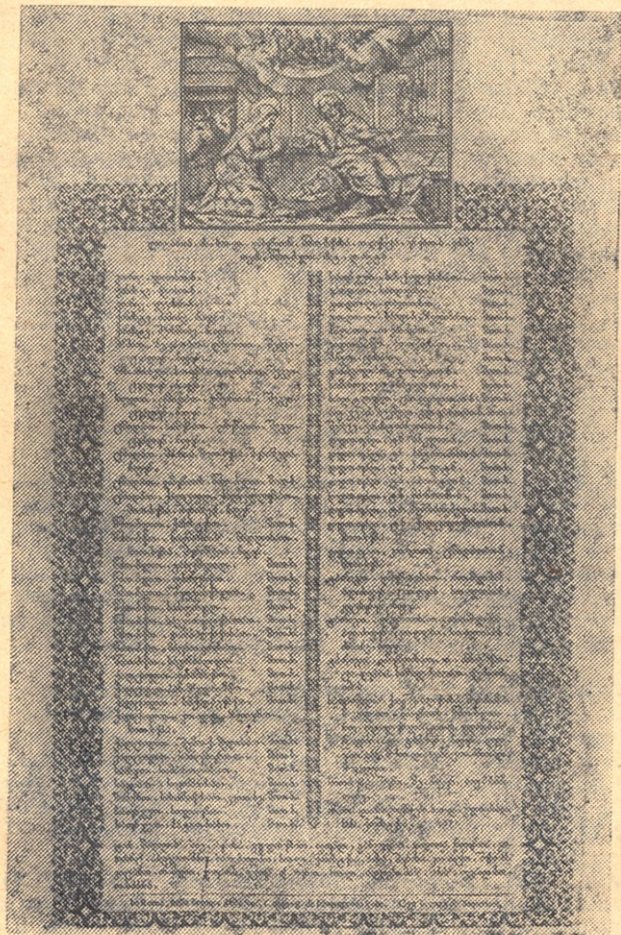
Зарождение грузинского книгопечатания и начальный этап его развития совпали с таким сложным историческим периодом в жизни нашего народа, когда в самой Грузии почти отсутствовали необходимые условия для того, чтобы свершилось столь важное культурное событие общенациональной значимости. В силу этого первопечатные грузинские издания, положившие начало печатной традиции многовековой грузинской литературы, увидели свет за пределами Грузии — в Риме.

К сожалению, о самом печатании первых грузинских книг, изданных в 1629 году, грузинская историография в течение почти 350 лет не располагала никакими сведениями документального характера, если не считать выходных данных этих изданий, хранящихся в некоторых библиотеках Тбилиси. Не случайно поэтому отмечавшемуся в 1929 году 300-летию грузинской печатной книги исследователи вынуждены были посвятить либо труды общего характера, либо предпринять попытку воссоздать начало ее истории по некоторым обрывочным и, к сожалению, не всегда верным сведениям о пребывании в Риме посла грузинского царя, а то даже и по тем ошибкам, которыми изобилуют первопечатные книги.

15 марта 1963 года по инициативе ныне покойного академика Н. А. Бердзенишвили от имени Академии наук Грузинской ССР ватиканской «Библиотека Апостолика» и Центральной национальной библиотеке Флоренции были посланы запросы о первых грузинских печатных книгах. Ответы не заставили себя ждать: письмо директора национальной библиотеки Флоренции датировано 1 апреля того же года, а префекта ватиканской библиотеки — 27 апреля¹.

¹ Оба письма хранятся в Центральной библиотеке Академии наук Грузинской ССР.

Самым существенным в них было указание, наряду с двумя уже известными грузинскими книгами, напечатанными в Риме в 1629 году, — «Грузинской азбукой с молитвами» и «Грузинско-итальянским словарем», на третий, ранее неизвестный, грузинский печатный текст, автором которого назывался посол Теймураза I в некоторых из западноевропейских стран Никифор Ирбах. Судя по наименованию, текст этот духовного содержания являлся литанией в честь богоматери. Недостаточно полная осведомленность о нем помешала тогда включению в научный оборот официально подтвержденного сведения об издании этого текста одновременно с первопечатными грузински-

ми книгами. Достоверность нового сообщения получила документальное подтверждение несколько позже.

В 1977 году в результате научной командировки в Италию, осуществленной по инициативе Академии наук Грузинской ССР на основании специально выделенной стипендии ЮНЕСКО по теме «Исторические связи Грузии со странами Западной Европы в XVII—XVIII веках», автору этих строк удалось ознакомиться с новыми материалами, проливающими определенный свет на историю опубликования в Риме первопечатных грузинских текстов.

В римском архиве подведомственной Ватикану конгрегации «Пропаганды фиде» особо выделен фонд под названием «Стамперия», насчитывающий шесть объемистых связок документов. Он отображает историю многоязычной типографии, существовавшей ранее при этом духовном учреждении. В первой связке в основном собраны материалы XVII века, хотя документы, охватывающие начальный период истории типографии, представлены сравнительно скудно. Несмотря на это, именно в первой связке удалось выявить интересные сведения о первопечатных грузинских изданиях. Архивные документы подтвердили, в частности, существование грузинского текста молитвы в честь богородицы, изданного в 1629 году. Вместо его грузинского заглавия в них указан соответствующий латинский заголовок: «Litaniae B(eatae) M(ariae) V(irginis) Lauretanae», что в переводе означает — «Лоретская Литания блаженной девы Марии»². Авторство грузинского печатного текста документы, как правило, приписывают Никифору Ирбаху.

Таким образом, в 1629 году в Риме вышли три первопечатных грузинских издания, а не два, как считалось ранее. Но одно дело установить на основе архивных данных неизвестное нашей историографии и важное для истории грузинской культуры явление, и совершенно другое — воспринять его *de visu*, конечно, при наличии необходимых возможностей. После длительного поиска единственный («обязательный») экземпляр новоустановленного грузинского печатного текста удалось обнаружить в ватиканской «Библиотека Апостолика». Этот текст католической молитвы в честь богородицы и ее реликвий в городе Лорето, переведенный с латинского на грузинский язык Никифором Ирбахом, был напечатан на одном развернутом листе (*in aperto*) грузинским гражданским шрифтом («мхедрули»).

Примечательно, что эта литания была включена и в «Грузинскую азбуку с молитвами». Между двумя одновременными публикациями текста одного и того же грузинского перевода разница в сущности только в том, что грузинскому заглавию МОЛИТВЫ: „ლიტანია: ის: ხოლ: ღმერთის: მშობელისა: ო-დესცა: ენებო-ს: ვისმე: თვის: მშობელი: ისტ: ლ-რეტ-ნ:“ в «Азбуке» предшествует его более общее латинское заглавие: «Litania

² APF, SRC, Stamperia, 1622-1720, vol. 1, p. 123 (121) — г. В архивных документах заглавие этого текста чаще встречается в сокращенном виде «Litaniae Lauretanae», в связи с чем и мы в дальнейшем будем употреблять термин «Литания Лауретана».

В(eatae) Maria(e) Virginis» («Литания блаженной девы Мари-
рии»). Тот же грузинский текст позже почти без изменений
был воспроизведен и в «Грузинской грамматике» Франческо-
Мария Маджо, напечатанной в 1643 году в типографии «Про-
паганды фиде».

При сопоставлении этих трех публикаций грузинского пе-
ревода «Литании Лауретана» выяснилось, что текст молитвы,
переведенный Н. Ирбахом с латинского на грузинский язык,
во всех трех случаях остался в основном без изменений, хотя
каждому из них, наряду с общими недостатками, присуц
«свой», характерный недостаток. Например, в отличие от от-
дельно изданного грузинского текста этой молитвы, в соответ-
ствующем тексте, опубликованном в «Азбуке» (см. с.с. 15—20),
в 11-ю строку с последующей 12-й строки перемещена фразе-
рефрен „ძობებდა შენზედა ჩუენ“ («Моли о нас»), а в 27, 31, 37,
43—44, 47, 51—53 строках разновидности рефрена употреб-
лены по-разному («моли» вместо «заступись» и наоборот).
Этот же текст, опубликованный в «Грузинской грамматике»
Ф.-М. Маджо издания 1643 года (см. с.с. 141—143), в отличие
от двух предыдущих его публикаций, неполон: здесь пропу-
щены 21-я („მშობელი მაცხოვრისაო მიობ“ — «Мати Спасителя,
моли о нас») и 22-я („მშობელი საკრზნალველ(ო) მიობ“ — «Мати
совета благого, моли о нас») строки, в связи с чем общее их
число вместо 60 составляет 58. Корректурa и здесь хромает, в
некоторых случаях больше, чем в предшествующих изданиях
(см. 28, 29, 32, 41, 43, 49, 53, 58 строки), чаще случаи сме-
шения букв. Текст молитвы, опубликованной в «Грамматике»,
отличается и в другом отношении: художественно оформлен-
ной заставкой начальной буквы молитвы и новым типографским
набором, который позволил расположить текст молитвы на трех
страницах вместо шести—в «Азбуке». Следует отметить также,
что здесь использованы несколько отличающиеся от предыду-
щих изданий текста лигатуры отдельных грузинских букв
(ჟ-ე и ლ-ლ, ს-ს и ს-ს и др.).

Несмотря на эту минимальную, но наглядную разницу,
между текстами молитвы, опубликованными в «Азбуке» и
«Грамматике», больше общих черт, чем с ее отдельно издан-
ным текстом. О небезосновательности этого наблюдения сви-
детельствует, прежде всего, то обстоятельство, что в 11—12
строках текста молитвы, опубликованного в «Грамматике», пов-
торено то же перемещение фразы-рефрена, что и в «Азбуке».
Этот факт, думается, указывает на то, что текст «Литании Лау-
ретана», воспроизведенный в «Азбуке», послужил образцом
для текста, опубликованного в «Грамматике».

Публикация текста «Литании Лауретана» в трех перво-
печатных грузинских изданиях свидетельствует о популярно-
сти молитвы, к тому же отдельное издание ее грузинского пе-
ревода в 1629 году, согласно архивным сведениям, было осу-
ществлено сравнительно большим по тем временам тиражом³.

Продольный и поперечный размер выявленного в «Библиотекa Апостолика» самостоятельного грузинского текста

³ APF, SRC, Stamperia, 1622—1722, vol. 1, p. 419-v.

«Литании Лауретана» составляет 44×25 см. Издание хранится в связке разноязычных малообъемных печатных текстов литургического содержания, которые, по утвердившимся в типографии «Пропаганды фиде» правилам, тотчас после выпуска тиража в нескольких, так называемых «обязательных», экземплярах отсылались для хранения ватиканской библиотеке. Среди текстов, собранных в связке, грузинский перевод «Литании Лауретана» оказался одним из самых старых. Он состоит из 60 строк, так же как и соответствующий ему латинский текст. Напечатанный на развернутом листе грузинский текст литании расположен двумя почти равными столбцами — на левой стороне 33 строки, на правой — последующие 26. Последняя строка, содержащая самую пространную фразу текста в четыре строки, снизу продольно окаймляет оба столбца, но так, что проведенная между ними декоративная линия не делит ее пополам. Тексту предпослан вышеприведенный двухстрочный, неразборчивый в силу своеобразия титулов, заголовков, каждое составное слово которого, так же как, впрочем, во всем грузинском тексте литаний, выделено заостренным вправо троеточием в виде треугольника⁴. За чертой, проведенной под завершающей текст 60-й строкой, сравнительно мелко напечатано на итальянском языке: «In Roma, nella Stampa della Sag(ra) Congreg(azione) de Propaganda Fide. Con licenza d'Superiori», что в переводе означает: «Напечатан в Риме, в типографии Св(ятой) конгрег(ации) Пропаганды веры, с разрешения высших духовных властей».

С точки зрения типографского оформления, грузинский текст «Литании Лауретана» производит значительно более благоприятное впечатление, чем любая страница «Азбуки» и «Словаря», хотя все три первопечатные грузинские издания набраны одним и тем же шрифтом «мхедрули». Такому впечатлению способствует характерное сравнительно плотное расположение строк и большая четкость изящно исполненных выразительных лигатур отдельных грузинских букв⁵.

Печатный текст грузинского перевода «Литании Лауретана» обрамлен оригинальной декоративной рамкой с весьма красивым орнаментом, отдельные детали которого использо-

⁴ Такое же троеточие использовано и в грузинском тексте «Азбуки», «Словаря» и частично «Грамматики».

⁵ В грузинском тексте «Литании Лауретана» использованы лигатуры следующих букв: ე-ლ (е-л), ი-ს (и-с), უ-ე-ნ (у-е-н), მ-ა (м-а), კ-ა (к-а), ე-ნ (е-н), ფ-ლ (ф-л), ე-ბ (е-б), ე-რ (е-р), დ-ა (д-а), ე-ს (е-с), ს-ა (с-а), ე-დ (е-д), ე-უ (е-у), ვ-ე (в-е), უ-ლ (у-л), ვ-ლ (в-л), ა-რ (а-р), უ-ნ (у-н), კ-ე (к-е), ლ-ი (л-и), ი-ხ (и-х), ც-ა (ц-а), ვ-ა (в-а), ფ-ა (ф-а), ვ-ნ (в-н), უ-ე (у-е), უ-ა (у-а), ტ-ო (т-о) и др. Характерными лигатурами следует считать связку ე-ლ (е-л) и ფ-ლ (ф-л), когда последняя буква словолитчиком вынесена наверх. Любопытно, что такую лигатуру часто можно встретить в рукописных текстах, принадлежавших Вахтангу VI, которые хранятся в Институте рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Груз. ССР (см. фонд Q: 884, с. 22 и др.).

ваны при типографском оформлении «Грузинско-итальянского словаря» (см. с.с. 1, 2, 128 и др.) и «Грузинской грамматики» Ф.:М: Маджо (см. вступительную часть I тома 1643 г. издания с.с. 7, 10 и основной текст этого же тома, с.с. 1, 2, 33, 111 и др.). По своему стилю орнамент и рамка перекликаются также с заставками и виньетками «Грузинской азбуки с молитвами», хотя между ними, безусловно, меньше общего. Но если первопечатным грузинским изданиям присуща некоторая общность с точки зрения типографского оформления, то грузинский текст «Литании Лауретана» в этом отношении выглядит тем не менее совершенно оригинальным благодаря выразительной гравюре.

Эта гравюра помещена над заголовком строго по центру и заключена в орнаментальную рамку. На ней с достаточным художественным мастерством изображена композиция, центральной темой которой является «Поклонение младенцу»: коленопреклоненная дева Мария в присутствии св. Иосифа с благоговением поклоняется новорожденному богочеловеку — Иисусу Христу, возлежащему на белом полотне поверх сена. Слева на гравюре — фрагмент хлева со скотом, а справа видны отдаленные фигуры трех приближающихся мужчин (по одежде они более похожи на пастухов, чем на библейских волхвов или трех царей). В верхней центральной части гравюры, в обильно изливающихся солнечных лучах, находится хор ангелов, способствующий целостному восприятию представленной здесь композиции.

Рисунок гравюры в грузинском печатном тексте «Литании Лауретана» воспроизведен на дереве и ориентировочно может быть датирован концом XVI — началом XVII века. Ее автор, к сожалению, неизвестен. В Западной Европе и, в частности, в Италии в то время широкое развитие получило искусство книжной и прикладной гравюры. Последняя использовалась для совершенно различных целей: для личного богослужения (место икон), для иллюстрации рукописных текстов, оформления житий святых и т. п. Наряду со знаменитыми издателями (фамильные фирмы Саламанья, Саделера и др.), которые готовили и распространяли высокохудожественные произведения гравюрного искусства, существовала и довольно многочисленная прослойка мастеров, чья художественная продукция, не достигая уровня подлинно высокого искусства, представляла тем не менее определенную ценность, в частности для развития издательского дела. Автором гравюры, украсившей грузинский текст «Литании Лауретана», видимо, являлся представитель именно этой прослойки мастеров — художников средней руки.

В связи с этой гравюрой следует отметить еще одно обстоятельство — ее содержание не увязано с реликвиями лоретского собора Богоматери и существующими о них преданиями. Согласно мнению специалистов, «в Италии изображения девы Марии в сочетании с символикой лоретской литании не играют существенной роли»⁶.

⁶ M. Lechner. Lauretanische Litanei. — «Lexikon der Christlichen Ikonographie», III, Rom-Freiburg-Basel-Wien, 1971, с. 29.

Прежде чем приступить к текстологическому рассмотрению грузинского перевода «Литании Лауретана», будет лишним разобратся в характерных признаках этой католической молитвы и, одновременно, попытаться ответить на вопрос о том, почему Никифор Ирбах среди прочих католических молитв отдал предпочтение именно литании в честь лоретской богоматери.

Город Лорето (Loreto) находится в итальянской провинции Анкона, вблизи Адриатического моря и устья реки Музоны. Среди католиков он славится своим собором богоматери, в котором хранится как реликвия так называемый святой дом (la casa santa). Согласно преданию, этот дом, в котором жила богоматерь, в XIII веке был перемещен из Назарета сперва в город Терзакт в Далмации, а затем в Лорето⁷. «Святой дом» сравнительно небольшого размера: его длина примерно 8 метров, ширина — 3, а высота — 4 метра. Он построен из черного дерева и кирпича; бронзовые двери работы известного мастера Ломбардо. «Святой дом» располагал богатейшим убранством с драгоценностями; там находилась и знаменитая «Мадонна» Рафаэля⁸.

«Святой дом» Лоретского собора богоматери превратился в место паломничества и поклонения богомольцев, которые нескончаемым потоком тянулись сюда из разных уголков Европы, чтобы преклонить колени перед богоматерью и вознести ей молитву. С течением времени в католических соборах многих европейских городов появились миниатюрные строения наподобие «святого дома», характерным признаком которых являлось подражание лоретскому «оригиналу». Что касается «Литании Лауретана» — молитвы, сочиненной в честь Лоретской богоматери, которая, как уже отмечалось, пользовалась исключительной популярностью в католическом мире, то ее автор и дата композиции неизвестны. Вообще основу литании, как разновидности христианской молитвы, стремятся отыскать в содержании Ветхого завета. Специалисты полагают, что ее прототипом являются отдельные псалмы, в частности 118-й и 138-й. Самым ранним документальным источником о литании является так называемая рукопись из Майнца XII века,

⁷ В книге паломников 1507 года датой перемещения «святого дома» из Назарета в Лорето указан 1291 год. Поклонение этой реликвии в Италии распространилось с XV века, а повсеместно в Западной Европе — с XVI. В честь этого события Ватикан в 1632 году учредил особый торжественный праздник, который под названием «Передачи святого дома» («Translatio almae domus») ежегодно отмечается 10 декабря (см. «Lexikon der Christlichen Ikonographie», III, 1971, с. 544). Такой же реликвийный христианский памятник, называемый «Мериемана», в котором, согласно преданию, богородица провела последние годы своей жизни, находится на территории современной Турции, вблизи знаменитого Эфеса.

⁸ В 1798 году «Святой дом» был разграблен французскими солдатами. Позже по распоряжению Наполеона Бонапарта лоретскому собору вернули изображение богородицы кисти Рафаэля.

где упоминается «Литания о госпоже нашей Богоматери Деве Марии». «Молитву, — говорится в документе, — очень хорошо произносить ежедневно против всякой скорби»⁹. Первые документальные сведения собственно о литании в честь Лоретской богородицы датированы 1531, 1547 и 1554 годами, хотя официально она была утверждена лишь в 1587 году римским папой Сикстом V¹⁰, которому в ознаменование этого события воздвигнут памятник непосредственно перед Лоретским собором богородицы. Самыми известными, согласно мнению специалистов, являются «Литания всех святых» и «Литания Лауретана» или литания в честь Лоретской богородицы¹¹.

Начиная с 1575 года в самом Лорето стали появляться другие, так называемые «новые литании», посвященные богородице, в связи с чем Ватикан провел ряд мероприятий, чтобы оградить текст «Литании Лауретана», утвержденный Сикстом V, от всяких посягательств, внесения в него каких-либо изменений и поправок. В 1601 году римский папа Климент VIII запретил целый ряд неразрешенных вариантов «Литании Лауретана», и соответствующая конгрегация Ватикана в разное время (1631, 1821 и 1839 гг.) приняла три декрета идентичного содержания, запрещавшие вносить в утвержденный текст «Литании Лауретана» какие-либо изменения без особого разрешения римского папы¹². Такая строгость католической цензуры, видимо, и предопределила то обстоятельство, что текст «Литании Лауретана» на протяжении нескольких веков не претерпел сколько-нибудь существенных изменений¹³.

⁹ Enciclopedia Cattolica, Ente per L'enciclopedia Cattolica e per il Libro Cattolico, Citta del Vaticano, с. 1420.

¹⁰ Ibid., ср.: Lexikon für Theologie und Kirche, VI, с. 1077. Более подробно об этом см.: G. G. Meersseman. Der Hymnos Akathistos im Abendland, I, II Bände, Freiburg, 1958–1960; M. Lechner. Lauretansche Litanei. — Lexikon der Christlichen Ikonographie, III, 1971, с. с. 28–29, 30.

¹¹ M. Lechner. — Lexikon der Christlichen Ikonographie, III, 1971, с. 103.

¹² Enciclopedia Cattolica, с. 1420. Несмотря на цензурные меры, наряду с такими распространенными литаниями, как «Имени Иисуса», «Сердца Иисуса», «Драгоценной крови», «Святого Иосифа», «Лоретской литании» («Литании Лауретана»), которые, по мнению М. Лехнера, подражали «Литании всех святых», в христианской литературе, да и в практическом богослужении, сохранились и менее известные литании вроде «В утешение бедных душ», «Таинства алтаря — святая святых», «Святого духа», «Божественного провидения» и др. (см. M. Lechner, — Lexikon der Christlichen Ikonographie, III, 1971, с. 103).

¹³ Как выясняется, вышеотмеченной прерогативой воспользовались лишь два римских папы, внесшие незначительные изменения в текст «Литании Лауретана»: Бенедикт XV во время первой мировой войны ввел обращение: «Regina pacis, ora pro nobis» («Царице мира, молись за нас»), а Пий XII, по случаю «догматического определения Успения Пресвятой Девы», добавил: «Maria in caelum assumpta» («Мария, на небо вознесенная») — см. Enciclopedia Cattolica, с. 1420.

Итак, два года спустя после опубликования в 1629 году в Риме грузинского текста «Литании Лауретана» в 1631 году Ватикан принял особый декрет, предусматривавший меры по обеспечению чистоты основного (утвержденного Сикстом V) латинского текста этой молитвы. Судя по данному факту, можно было бы усомниться в «ортодоксальности» текста «Литании Лауретана», с которого был сделан грузинский перевод, однако сопоставление последнего с соответствующим современным латинским текстом, несмотря на определенную текстологическую разницу между ними, о чем будет сказано ниже, — показало необоснованность подобных сомнений.

Попытаемся теперь разобраться в том, на чем был основан интерес, проявленный Никифором Ирбахом к «Литании Лауретана», и какие конкретные обстоятельства могли способствовать переводу им этой молитвы на грузинский язык.

Для характеристики традиции культа богоматери в Грузии достаточно вспомнить, что древнейший грузинский собор в Мцхета — Светицховели носит имя св. Марии; в русских источниках он именуется «Собор во имя Покрова Пресвятыя Богородицы»¹⁴. Кроме того, известно, что среди «чудотворных» икон богородицы одной из самых древних признана икона Иверской богоматери, которая датируется X веком и хранится в так называемом Иверском (грузинском) Портантском монастыре (на Афонской горе). В русской духовной литературе об этой иконе содержится немало интересных сведений, в частности, что в 1648 году из Афонского монастыря в Москву была доставлена копия иконы Иверской богоматери, выполненная с большим мастерством, которая «ничем не разнится от подлинника, ни длиною, ни шириною, ни ликом, одним словом, «новая аки старая»¹⁵.

К числу «чудотворных» относится и так называемая «Икона Грузинской богоматери», которая во время нашествий шаха Аббаса I в 1614—1617 годах, вместе с богатейшими драгоценностями и уникальными национальными реликвиями, была вывезена персами из Грузии. О дальнейшей судьбе этой иконы С. Снеессорева, в частности, сообщает, что вывезенную из Грузии в Персию «ризу Господню шах Аббас поднес в дар патриарху Филарету, а икону Грузинской богоматери купил у персов»

¹⁴ «Тифлиссские ведомости», 1829, 6 декабря, № 49, с. 2.

¹⁵ С. Снеессорева. «Земная жизнь пресвятой богородицы и описание чудотворных ея икон, чтимых православною церковью на основании священного писания и церковных преданий». Спб., 1891, с. 170. О подлиннике этой иконы здесь же сказано: «Святая икона, именуется Иверскою, находится в Иверском монастыре с 999 года, что на Афонской горе. Со времени явления и донныне икона пребывает в храме при внутренних вратах монастырских..., почему и называется Вратарницею-Портантскою, — а от имени монастыря Иверскою» (там же). Копию этой иконы поместили в Москве, «в особенную часовню, для нее устроенную у Воскресенских ворот» (там же, с. 172).

бывший в Персии по торговым делам прикащик ярославского купца Григория Лыткина, Стефан Лазарев»¹⁶.

Несмотря на то, что две уникальные грузинские иконы богородицы оказались за пределами Грузии, среди прочих святых православной церкви культ св. Марии внутри страны можно сказать, почти уравнивался с совершенно особым, благоговейным отношением грузин к лику св. Георгия. Тому есть немало документальных подтверждений, но для предлагаемого исследования особое значение имеют сведения, зафиксированные в реляциях католических миссионеров в Грузии. В данном случае обратим внимание на реляции миссионера Джузеппе Джудиче (родом из Милана), которые были отосланы из Грузии в Рим в 40-х годах XVII века. Приводимые им факты касаются преимущественно Мегрелии, но среди них немало таких сведений, которые могут быть расценены как типичные для всей Грузии. Сошлемся, прежде всего, на одно место в реляции, которое, на наш взгляд, может служить своеобразной иллюстрацией к высказанным выше соображениям о культе богородицы в Грузии: «При житейских трудностях и в горе (мегрельцы — Д. В.) тотчас направляются к церкви, становятся (на колени) перед иконой богородицы (у которой на руках Христос-младенец) и умоляют ее о заступничестве. Иконы богородицы имеются почти во всех церквях и люди обращаются к ней (и к другим святым) как обычным смертным, давая обещания вроде: «О блаженная дева (Мария)! будь милостива к моим невзгодам, а я послужу тебе и на пожертвование не поскуплюсь»¹⁷.

В этой же реляции Дж. Джудиче, на примере действовавшей тогда в Мегрелии католической миссии, излагает содержание ежедневного распорядка деятельности миссионеров в Грузии; при этом обязательным было вознесение литании богородицы. В реляции сказано: «Обедня исполняется ежедневно с хором певчих — на рассвете, вечером и ночью... По воскресеньям преподаем христианское учение. В праздничные дни обедню исполняем при колокольном перезвоне... Если под вечер в знак молитвы «Радуйся Дево!»¹⁸ звонит колокол, после чего исполняется тайная молитва, то утром, на рассвете, вслед

¹⁶ Там же, с. 402. О постоянном местопребывании этой грузинской иконы здесь же сказано: «Чудотворная сия икона находится в Красногорском монастыре архангельской епархии. Точный снимок с этой иконы находится в Москве, в церкви Святой Троицы, что близ Варваринских ворот» (там же).

¹⁷ Дон Джузеппе Джудиче из Милана. Письма о Грузии, XVII век. Текст с итальянского перевел, предисловием и примечаниями снабдил Б. Г. Гиоргадзе. Тбилиси, 1964, с. 93 (на груз. яз.).

¹⁸ Имеется в виду популярная в грузинской церкви молитва «Пресвятая Мария, радуйся».

за повторным ее исполнением, тотчас следует Литания Пресвятой Богородице, все это соответствует нашему распорядку»¹⁹

Вне всякого сомнения, под «Литанией Пресвятой Богородице» здесь понимается «Литания Лауретана», причем не латинский текст этой молитвы, который был бы непонятным для коренного местного населения, а ее грузинский перевод, напечатанный в Риме в 1629 году. Этот последний, согласно новым архивным данным, вместе с другими первопечатными изданиями в начале 30-х годов XVII века был отправлен через миссионеров из Италии в Грузию. Об этом сообщается в архивном документе, датированном 7 сентября 1630 года, который является специальной составленной инструкцией для миссионеров, направлявшихся в Грузию. В VI пункте «Инструкции», в частности, сказано: «Пусть сообщат (миссионеры), хорошо ли удалась грузинский шрифт и отпечатанные тексты, которые они возьмут с собой...»²⁰

В процитированном выше документе зафиксирован факт отправки из Рима в Грузию первопечатных грузинских изданий. Но были ли они доставлены по назначению? Учитывая трудности и опасности, связанные с путешествием из Рима в Грузию, постановка этого вопроса не представляется обоснованной. Однако утвердительный ответ на него несомненен, ибо теми миссионерами, для которых была составлена инструкция, являлись сам Джузеппе Джудиче из Милана и Арканджело Ламберти из Неаполя, прибывшие через Алеппо и Эрзерум в Грузию, где они некоторое время проживали сперва в Гори, а затем обосновались в Мегрелии, развернув свою деятельность во всей Западной Грузии.

В этой же реляции Дж. Джудиче отмечает и некоторые другие подробности о деятельности миссионеров в Грузии: «Помимо обычного поста и всенощного бдения, — пишет автор, — мы исполняем и два великих поста этой страны в соответствии с нашей верой и учетом того, к чему обязывает святая церковь в дни великого поста и говения, один в первое воскресенье после святой Троицы и до святого Петра, а другой — с первого августа до праздника Богородицы, в это время воздерживаемся от мяса и питаемся только молочными изделиями. Соблюдение поста обязательно. По средам бодрствуем всю ночь, чтобы во всем подражать этому народу..., у которого имеется вполне законченная христианская культура»²¹.

¹⁹ Дон Джузеппе Джудиче, указ. соч. с. 119—120. Из вышеприведенной выдержки неясно, какой именно день недели предназначался миссионерами в Мегрелии для вознесения литании богородице, которая считается вечерней молитвой (ее повторение «утром на рассвете» имело место лишь в праздничные дни). Во вступительной части одного из современных текстов «Литании Лауретана» на латинском языке в связи с этим сказано: «Каждую субботу в течение всего года антифон «Славься царица» с «Достойно есть» и молитва «Даруй нам» хором поются как Литания Блаженной Девы».

²⁰ APF. Istruzioni, 1623—1638, p. 152 r.

²¹ Дон Джузеппе Джудиче. Указ. соч., с. 120—121.

Итак, выясняется, что миссионеры в Грузии всячески старались приноровиться к традиционным порядкам местной духовной жизни, которую они не без основания рассматривали как сформировавшуюся на основе «вполне законченной христианской культуры». Само собой разумеется, что подобная позиция миссионеров вовсе не противоречила основному назначению их деятельности в Грузии. Наоборот: именно таким подходом к местному населению они стремились насадить в Грузии то, что, по Дж. Джудиче, «соответствовало нашему (католической церкви) порядку». Пожалуй, не было никакого противоречия и в интересе к знаменитой лоретской литании в честь богородицы, проявленном в Италии грузинским церковным деятелем, монахом ордена св. Василия Никифором Ирбахом. Его можно объяснить и так: исполнение этой молитвы в грузинском переводе могло придать большую торжественность ритуалу «праздника Богородицы» в Грузии, тем более, что в православных странах (в частности в России) она пользовалась не меньшей популярностью, чем в католическом мире²². Но мысль о переводе «Литании Лауретана» на грузинский язык могла быть кем-то внушена Никифору Ирбаху, чему, возможно, способствовали и конкретные обстоятельства.

Прибыв в Грузию в 1631 году, Дж. Джудиче и А. Ламберти, как уже отмечалось, жили сперва в Гори, а затем переехали в Мегрелию. Подоплекой этого послужило то, что с воцарением в Картли Ростома деятельность горийского католического миссионерства заметно ослабла, она не имела уже той целеустремленности, которая в свое время являлась следствием всесторонней поддержки со стороны Теймураза I. Поэтому миссионеры не упустили представившейся возможности к перемене местопребывания. Когда Гори посетило ответное посольство мтавара (владельца князя) Мегрелии Левана Дадияни, которое имело предписание заключить брачный союз между новым владельцем Картли царем Ростомом и сестрой Л. Дадияни Мариам, горийские миссионеры обратились к руководителям посольства, в частности к инок Николаю (Никифору Ирбаху) с просьбой о содействии в деле обоснования католической миссии в Мегрелии. С помощью Никифора Ирбаха они осуществили задуманное и, некоторое время спустя, переехали во владения князя Л. Дадияни²³.

²² А. И. Кирпичников. «Русское сказание о Лоретской богоматери», М., 1896; см. также: С. Снегирева. Указ. соч., с. 441; «Слава Богоматери. Сведения о чудотворных и местночтимых иконах Божией матери». М., 1907, с. 49; Nicolaas Witsen. Moskovische Reyse 1664—1665. Journaal en Aentekeningen. Vitgegeven door Th. I. G. Locher en P. de Buck, Gravenhage, Deel II, 1966, с. 282—283, Deel III, 1967, с. 399—400.

²³ Дон Джузеппе Джудиче. Указ. соч., с. 34—35. Об этом факте автор подробно сообщает в своей реляции, датированной 4 января 1634 года: «Как только мы узнали, что в связи с этим брачным делом через Гори должен был проследовать возвращавшийся из Картли посол Дадияни, а вместе с ним и синьор Николо (Никифор Ирбах — Д. В.), который

Основание католического миссионерства в Мегрелии встретило немало затруднений, но они были преодолены благодаря поддержке самого Л. Дадияни и его супруги Нестан Дареджан Чиладзе. В одном из селений, расположенном в «центральном месте княжества», миссионерам была предоставлена церковь. Только успели они обосноваться на новом месте, как «мтавар пригласил меня к себе, — повествует далее Дж. Джудиче, — обязанности толмача выполнял синьор Николо (Н. Ирбах); весьма желает (мтавар) как-нибудь доставить к нему (из Италии) одного ювелира, который владел бы искусством отделки эмалью. Через толмача я обещал сделать все для исполнения желания его высочества. Посоветовавшись, мы (миссионеры) нашли почти невозможным, чтобы (в Италии) кто-либо среди золотых дел мастеров из мирян согласился приехать сюда, в столь далекую и бедную страну. Тогда патер дон Арканджело (Ламберти) сказал мне, что в Неаполе, в нашем доме Santa Maria di Loreto, среди наших монахов (театинцев) есть один покорный брат, которого зовут Мартино, Новициар²⁴, он примерного поведения, ювелир и владеет к тому же искусством отделки эмалью. Поэтому привезти его сюда будет нетрудно, тем более, что он сам проявляет (к тому) желание»²⁵.

Эту, сравнительно пространную, выдержку из реляции пришлось привести потому, что в ее заключительной части упоминается монастырь св. Марии Лоретской («Santa Maria di Loreto») в Неаполе²⁶. Для нас этот монастырь интересен тем, что с

ранее был послом Теймураза к Его святейшеству Папе (Урбану VIII), мы рассудили за благо попытаться основать новую миссию в стране Одиши (Мегрелии — Д. В.), тем более, что синьор Николо должен был возвратиться в Мегрелию и мог оказать нам большую помощь, поскольку очень хорошо был принят при дворе Дадияни, почитаясь его фаворитом. Мы поделились нашим соображением с послом и синьором Николо, которые одобрили его и снабдили нас поддержкой перед мтаваром, который был расположен к ним, считая их своими приближенными. Итак, обрадованные, мы подготовились к отъезду и после 26-дневного путешествия вместе с синьором Николо предстали перед названным мтаваром» (там же, с. 35).

²⁴ Это латинское слово в грузинском переводе реляции Дж. Джудиче не переведено и не пояснено. Очевидно, здесь имеется в виду «povicius» — т. е. послушник.

²⁵ Дон Джузеппе Джудиче. Указ. соч., с. 41—42. Из реляции автора, датированной 20 сентября 1640 года, видно, что вместо Мартино из Италии в Мегрелию прибыл, оказывается, другой священнослужитель — ювелир, который в документе упоминается как «покорный брат Франческо» (там же, с. 52).

²⁶ Монастырь находился в ведении ордена театинских монахов, которые в XVII веке облюбовали Грузию как поприще своей миссионерской деятельности. Выходцем из неапольского монастыря св. Марии был, в частности, Арканджело Ламберти, оставивший интересное исследование о Колхиде. Монастырь в Неаполе не был исключением: во многих западноевропейских

ним непосредственно связан начальный период посольства Никифора Ирбаха в Западную Европу.

Никифор, как известно, прибыл из Грузии в Мессину, здесь случайно познакомился с тремя театинскими монахами-миссионерами: Пьетро Авитабиле, Джакомо Стефано и Франческо Д'Априле, отправлявшимися в Грузию. Поскольку одна из главных целей грузинского посольства заключалась в передаче письма Теймураза I королю Испании Филиппу IV, театинские монахи, по-видимому, посоветовали Никифору отправиться прежде в принадлежавший Испании Неаполь. Именно здесь мог получить Никифор рекомендательные письма, необходимые ему для поездки в Испанию, в чем большую помощь грузинскому послу оказали именно неаполитанские коллеги Пьетро Авитабиле. Поскольку в Неаполе Никифор был гостем театинских монахов, он, надо полагать, проживал в монастыре Лоретской богородицы. Можно допустить, что мысль о переводе латинского текста «Литании Лауретана» Никифору внушило слушание этой молитвы во время богослужения. В Неаполе Никифор мог не только принять решение о переводе «Литании Лауретана», но и при помощи и консультации театинских монахов осуществить его. Но такое предположение вовсе не исключает возможности того, что это решение было подсказано послу грузинского царя каким-либо конкретным лицом.

Об основательности такой версии красноречиво свидетельствует весьма любопытный факт, приводимый Ф.-М. Маджо в его сочинении. В посвящении Урбану VIII, предпосланному «Грузинской грамматике», Маджо, между прочим, сообщает, что при возвращении из Грузии в Италию он привез с собой в Мессину труп Джакомо (Иакова) Стефано, который был коренным жителем и глубоко уважаемым гражданином этого города. «Я... через Пропонтиду и Эгейское море, — пишет Маджо, — приплыл в Сицилию и, волей неволей, должен был задержаться в Мессане²⁷. Со мной ведь было тело знаменитого г-на Иакова Стефания, которого ты некогда послал впервые к иверам, апостола этой страны, обладавшего большими познаниями в языках, образцовыми добродетелями, целомудрием и праведной душой; невежественные поселяне звали его «земным богом». Итак, я неожиданно для себя встретил мессанцев, которые, узнав о прибытии праха г-на Иакова, заранее с нетерпением ждали его. По моем приезде они радостно приняли этот залог, и «сенат» и «мамертинский народ»²⁸, отслужив

городах, как уже отмечалось, существовали сооружения, повторявшие не только наименование реликвии Лоретского собора богородицы (Santa casa di Loreto), но и архитектурный ее облик. Точными копиями лоретского «святого дома» по архитектуре и внешнему оформлению являются, например, часовни венецианского собора Санта Панталоне, собора города Торна и др. Р. Добшигц полагает, что эта разновидность стиля католической архитектуры распространилась примерно с 1600 года (см. «Lexikon der Christlichen Ikonographie», III, 1971, с. 544).

²⁷ Мессана — прежнее наименование города Мессина.

²⁸ Мамертинцы — «сыны Марса», жители Мессаны или современной Мессины.

праздничную мессу в наших стенах, устроили торжественные похороны тому, кто удостоил этот город столь удивительной любви. Здесь он провел много лет, следя за строжайшим исполнением наказа девы Марии этому городу и печатав несколько его экземпляров, захватил их даже в Иверию (разрядка наша — Д. В.) в своей набожности»²⁹.

Этот факт не только не исключает возможности того, что под «наказом девы Марии» здесь подразумевается именно латинский текст «Литании Лауретана», но и способствует следующему логическому выводу: когда направлявшийся в Грузию Джакомо Стефано вместе с П. Авитабиле и Ф. Д'Априле познакомился и установил тесные отношения с вновь прибывшим в Мессину Никифором Ирбахом, он, возможно, рассказал послу грузинского царя (также духовному лицу) о том, какую литературу он вез с собой. Поскольку миссионерам уже тогда была известна малополезность практического использования в Грузии латинских церковных текстов в сравнении с местноязычными, на наш взгляд, вполне допустимо предположение о том, что Дж. Стефано обратил внимание Никифора на целесообразность перевода на грузинский язык сравнительно небольшого текста «Наказа» («Литании Лауретана») и, возможно, даже помог ему в этом.

Наконец, есть основание предположить, что наставником Никифора Ирбаха, оказавшим ему одновременно и содействие в переводе «Литании Лауретана» на грузинский язык, являлся представитель того круга, с которым посол непосредственно был связан во время пребывания в Италии и который, как и он, проявлял лояльное отношение к проблеме сотрудничества и даже объединения католической и православной церквей. Таким человеком, на наш взгляд, можно признать известного греческого духовного деятеля — униата Иоанна-Матфея Карофила (1586—1669)³⁰, с которым Никифор Ирбах, находясь в Риме, постоянно общался, ибо И.-М. Карофилу, как об этом свидетельствуют новые архивные данные, конгрегацией «Пропаганды фиде» была поручена обязанность переводчика при после грузинского царя³¹.

Вслед за этим историческим обзором, проливающим некоторый свет на происхождение «Литании Лауретана» и ее перевода на грузинский язык, этот последний следует рассмотреть и текстологически, тем более, что для его изучения под таким углом имеется достаточно оснований. В самом деле, перевод выполнен весьма своеобразно: в нем отмечаются явные ляпсусы с точки зрения грузинского языка, в тексте много европеизмов и, что обращает особое внимание, грецизмов. Для выявления неточностей, допущенных в печатном тексте грузинского перевода «Литании Лауретана» 1629 года, мы нашли

²⁹ F.-M. Maggìo. *Sintagmaton Linguarum Orientalium quae in Georgiae Regionibus Audiuntur, Liber Primus, Romae, 1643, p. IV-V.*

³⁰ По другим сведениям, И.-М. Карофил скончался в мае 1633 года, погребен в Риме.

³¹ APF, SOCG, 1628, vol. 147, p. 292.

целесообразным сопоставить его, прежде всего, с соответствующим грузинским текстом, который был издан в Тбилиси значительно позднее (1905 г.) и которым по сей день пользуются грузинские католики³². Современный грузинский текст этой молитвы в основном соответствует первоначальному, однако с той заметной разницей, что в качестве заголовка вместо «Литании Лоретской богородице» ему предпослано «Литания пресвятой (богородице)» и количество строк молитвы составляет не 60, а 64³³.

Сопоставление двух идентичных по содержанию, но нюансами контекста все-таки отличающихся друг от друга печатных текстов грузинского перевода Литании в честь Лоретской богородицы (1629 и 1905 годов издания) делает наглядными недостатки первоначального текста с точки зрения грузинского правописания, их определенное несоответствие с тем, казалось бы, установленным фактом, что первый грузинский перевод названной католической молитвы был выполнен по слову грузинского царя и известным духовным деятелем Грузии Николаем (Никифором) Ирубакидзе-Чолакашвили.

Следует отметить и то, что в грузинском переводе молитвы 1905 года, который выполнен на новогрузинском языке и несравненно более совершенен, все же употребляется старогрузинская форма обращения к богу: «Господи помилуй» — «*ღმერთო, შეგვიწყალე ჩვენ*» (вместо: «*ღმერთო, შეგვიწყალე ჩვენ*»), что, как нам кажется, является своеобразной «аномалией», идущей от текста 1629 года. В результате изучения этого последнего вырисовывается следующая картина.

В алфавите грузинского текста «Литании Лауретана» отсутствуют некоторые буквы, особенно те, которые с трудом произносятся лицами негрузинского происхождения, в частности европейцами. Этот факт достоин внимания, ибо его объяснение тем, будто эти буквы тогда вообще не были изготовлены, следует исключить: грузинский гражданский шрифт

³² Современный текст «Литании Лоретской богородице» включен в сборник католических молитв на грузинском языке, издание патра Доминика Мугашева (Пацадзе), Тбилиси, 1905, с. 100—107.

³³ Большой объем (на 4 строки) современного грузинского текста «Литании» в сравнении с предшествующим аналогичным текстом 1629 года издания должен быть понятен, ибо, как уже отмечалось, начиная с XVI века латинский текст «Литании Лауретана», а более точно — текст этой молитвы, утвержденный Сикстом V, был частично дополнен на основании соответствующих постановлений ватиканских властей, принятых в разное время. Кроме того, две строки в грузинском тексте 1905 года издания (60-я: «Христе, услыши нас» и 61-я: «Христе, внемли нам», с. 106) отсутствуют как в издании 1629 года, так и в последующем издании 1912 года (см.: «Молитвы для грузинских католиков и вообще для всех христиан, собранные Иваном Майсурадзе. Второе издание, дополненное и исправленное Софией Иезовой (Изапшвили)», Тбилиси, 1912, с. 114—115).

(«мхедрули»), отлитый в 1629 году в Риме, как теперь выясняется, содержал все буквы тогдашнего грузинского алфавита. Набранный этим шрифтом грузинский алфавит особым образом был изображен на начальных страницах первопечатных грузинских книг («Азбуки», «Словаря», «Грамматики»).

Выясняется, что алфавиты в «Грузинско-итальянском словаре» и «Грузинской азбуке с молитвами» совершенно идентичны. Алфавит, представленный в «Грузинской грамматике» Ф.-М. Маджо, отличается в основном тем, что не повторяет характерных для этих предыдущих изданий ошибок, допущенных в последовательности расположения букв. Количество графем в грузинских алфавитах, напечатанных в 1629 году, составляет 36, а в азбуке, опубликованной Ф.-М. Маджо (1643 г.), — 37. Но эта разница — следствие ошибки, допущенной у Маджо: в 10-й и 15-й строках дважды указана буква „о“ (и). Азбука в «Грамматике» отличается еще и тем, что здесь помимо гражданского изображен и церковный алфавит (с. 3—4), а на последующих 4—5 страницах обе эти разновидности грузинского алфавита представлены параллельно.

Однако полнота грузинского печатного алфавита 1629 года подтверждается документом, выявленным нами в архиве «Пропаганды фиде». Это — сборник печатных образцов разноязычных азбук (*Alphabeta varia tyrographiae sacrae congregationis de Propaganda Fide*), которые в 30-х годах XVII века были изготовлены на основе соответствующих шрифтов, отлитых в типографии этого духовного учреждения; грузинский алфавит с образцами лигатур букв изображен здесь на 12-м месте. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: грузинский алфавит из «сборника» отличается от трех выше-рассмотренных алфавитов в основном тем, что характерные для грузинского правописания XVII века буквы вместе со знаками препинания представлены здесь наиболее полно, хотя, в некоторых случаях, с теми же нарушениями последовательности расположения букв, которые отмечаются в «Азбуке» и «Словаре». Грузинские графемы и лигатуры занимают восемь строк, из них первые две и последняя строки отведены алфавиту: он насчитывает 39 различных грузинских букв. Именно в последней строке представлены те буквы, которые не нашли отражения в алфавитах «Азбуки», «Словаря» и «Грамматики». Эти буквы: з («вие»), а («иота»), и ѳ («ей» или так называемое «е-восьмое»). Здесь же присутствует и буква-лигатура несколько необычного начертания — *hc*, которая подтверждена одновременно и в «Азбуке» как начальная часть лигатуры букв *h* (ч) и *u* (у) — (с. 7). В таком же значении употреблена она в слове „*hhu*б“ («нас»), завершающем 4, 5 и 7 строки грузинского текста «Литании Лауретана». Кстати, необычно также и начертание представленной на 8-м месте алфавита в «Азбуке» и «Словаре» так называемой буквы «чай» — *h* (в латинской транскрипции — *h*, *hai*). Продолговатая левая часть этой буквы перекликается, как нам кажется, с начертанием древнегрузинской («нухури») «чини» (*h*), независимо от того, что их расположение в грузинском алфавите не совпадает. Следует отметить, что в вышеотме-

ченных грузинских алфавитах дается необычное, несколько отличающееся от принятой формы, изображение графем ჟ (ž), პ (p) и ჰ (h).

В последней строке «сборника» представлены также следующие знаки: две параллельно скошенные линии (водораздел текста), запятая, точка, двоеточие и два изображения над буквами в виде разновидности грузинской буквы ო (o) — „L“, имевшие, кажется, значение титлов.

Несмотря на большую или меньшую полноту грузинского алфавита, опубликованного в вышеуказанных источниках, в каждом из них без исключения встречаются буквы, которые отсутствуют в азбуке грузинского текста «Литании Лауретана» и трудно выговариваются европейцами. Ниже мы воспроизводим эту азбуку и те графемы, которые остались неиспользованными в грузинском тексте «Литании Лауретана», указываем в квадратных скобках (в овальных скобках грузинские буквы даны в латинской транскрипции): ა (a), ბ (b), გ (g), დ (d), ე (e), ვ (v), [ე]-(é), ზ (z), თ (t), ი (i), ქ (k), ლ (l), მ (m), ნ (n), [ა]-(j), ო (o), პ (p), [ჟ]-(ž), რ (r), ს (s), ტ (t), უ (u), [ჟ]-(y), ფ (p), ქ (k), ღ (ŋ), [ყ]-(q), შ (š), ჩ (č), ც (c), [ძ]-(z), [წ]-(c), [ჭ]-(č), ხ (x), [ყ]-(q), [ჩ]-(h), [წ]-(w)³⁴.

Сопоставление этой азбуки с грузинским текстом «Литании Лауретана» подтверждает тот факт, что специфические грузинские фонемы ძ , წ , ჭ , ყ заменены здесь известными европейцам и легко ими произносимыми буквами z , c , h , q , которые в тексте, разумеется, использованы и в своем прямом назначении. Хотя эта особенность в какой-то мере присуща и другим грузинским изданиям 1629 года, на соответствующие примеры в данном случае сошлемся лишь по грузинскому тексту «Литании Лауретана».

Графема „ც“ (c), как уже отмечалось, кроме себя, выражает и труднодоступную для европейца букву „წ“ (c), например:

- „მამაო ზეცათაო“⁶ («Отче небесный»)³⁵
ср.: „სულო ცმიდაო“⁸ («Душе святой»)
„მშობელო მაცხოვრისაო“²¹ («Мати Создателя»)
ср.: „მშობელო განცმედილო“¹⁵ («Мати пречистая»)
„სალტოლველო ცოდვილთაო“⁴³ («Прибежище грешников»)
ср.: „მშობელო უბრცნელო“¹⁶ («Мати целомудреннейшая») и др.
Та же картина наблюдается и при употреблении графемы „ზ“, (z), когда она, кроме себя, выражает и специфическую грузинскую букву „ძ“, (z):
„მოხება შენივედ ჩუენ“¹⁰ («Моли о нас»)
ср.: „ქალტულო უბრუნესო“²³ («Дево мудрейшая»)
„მიზეზო სიხარულისაო“³¹ («Вина нашей радости»)

³⁴ Буквы ფ , ა , ჟ , ქ и წ в современном грузинском алфавите отсутствуют.

³⁵ Цифровые обозначения к примерам указывают на последовательность строк в грузинском тексте «Литании Лауретана».

სრ.: „ქალცულო კოვლ(ა)დ ზლიერო“²⁶ («Дево могущественная») и др.

Графема „ჩ“ (č), наряду с прямым своим назначением в тексте подменяет и букву „კ“ (ć):

„შეგვიცალებ ჩუენ“⁶ (Помилуй нас)

სრ.: „ჩიეო ცისაო“⁴⁰ («Двере небесная»)

В тексте сравнительно часты случаи, когда графема „ქ“ (k), наряду с самостоятельным своим назначением, подменяет гортанную букву „ყ“ (q):

„კიორე ელეისონ“¹ («Господи помилуй»)

სრ.: „შეგვიცალებ ჩუენ“⁶ («Помилуй нас»)

„მშობელო საკვირველებათაო“¹⁹ («Мати предивная»)

სრ.: „საკდარო სიკრზნისაო“³⁰ («Престоле мудрости»)

„კიდობანო აღთქმისაო“³⁹ («Ковчеже завета»)

სრ.: „აქედგალო კოვე(ე)ლთა ცმიდათონ“⁵³ («Царице всех святых») и др.

В тексте встречаются также ошибки, вызванные смешением грузинских букв ввиду неискушенности в их графическом начертании. Именно так следует объяснить употребление в некоторых случаях графемы „ლ“ (l) вместо „ლ“ (Ÿ), например:

„მშობელო საღმრთ(ო)სა მადლისაო“¹⁴ («Мати благодати Божия»)

სრ.: ტარიგო ღმერთისაო რომელმან აღიხუენ ცოდვან(ო) სოფლისან(ო)“⁵⁴ («Агче Божий, вземляй грехи мира») и др.

Вышеотмеченные ошибки, выявленные в грузинском тексте «Литании Лауретана», представляют собой так называемые европеизмы. К недостаткам этого рода следует отнести, по-видимому, и некоторые формы, чуждые грузинскому правописанию, но характерные для этого текста, вроде упоминания имени богородицы: «святая Мария» вместо «святая Мариам». Обращают на себя внимание и другие обстоятельства: слово «бог» в родительном падеже представлено не в сжатой форме: „ტარიგო ღმერთისაო“⁵⁴ («Агче Божий»), „ღმერთის მშობელო“⁵⁷ («Святая Богородице»); в искаженном виде переданы некоторые слова и выражения: «миох»¹¹, «миохеба»²⁶, «გვიოხე მიოხ»³¹, вместо «меох», «меохеба», «меох გვეკავჩენ» (разновидности рефрена «Моли о нас»). Соответственно „ვარსკულაო დილივიონ“⁴¹ является странным искажением „ვარსკლავო ცისკრისაო“ («Звездо утренняя»), некоторые слова переданы под трудноподдающимися прочтению титлами и т. п. Каждое слово в грузинском тексте молитвы, как уже отмечалось, выделено заостренным вправо троеточием в виде треугольника. По этому признаку можно определить, что составитель печатного текста (наборщик?) не всегда знает точно, где начинается или заканчивается то или иное грузинское слово, где именно следует поставить завершающее троеточие. Так, неоправданы разрывы в словах: „ნუ: გეშისმცემელ(ო)“⁴⁴ («Утешительнице»), „(ნუ:) უგულებელს: კოფ“⁵⁷ («Не презри») и др.

Языковое своеобразие грузинского текста «Литании Лауретана» этим не исчерпывается. Одним из труднообъяснимых его признаков являются так называемые грецизмы, что характерно и для содержания «Грузинско-игальского словаря». Об этом влиянии наглядно свидетельствует, прежде все-

то, присутствие в грузинском переводе молитвы греческих слов, которые фигурируют в основном в форме греческого Genetivus Pluralis (родительного падежа множественного числа). Эти слова:

1. კირიე (кирие) — *κύριε* — господи (*κύριος* — господь).
2. ელეისონ (элейсон) — *ἐλέησόν* (*ἐλέησον*) — помилуй.
3. პან (пан) — *πᾶν* — весьма (в знач. превосх. степени): „ქალცულო პან სავერებელი“ (вольный перевод этой фразы, отсутствующей в русском тексте молитвы, выглядел бы так: „Дево мольбы достойная“ или, согласно грузинскому контексту, — „Дево мольбы достойнейшая“).
4. ანგელოზ (Ангелон) — *ἀγγέλον* — ангел(ов): „დედოფალო ტონ ანგელოზ“ („царице ангелов“).
5. პატრიარხონ (Патриархон) — *πατριάρχων* — патриарх(ов), родоначальник(ов): „დედოფალო ტონ პატრიარხონ“ („царице патриархов“).
6. პროფიტონ (Профитон) — *προφήτων* — пророк(ов): „დედოფალო ტონ პროფიტონ“ („царице пророков“).
7. აპოსტოლოზ (Апостолон) — *ἀποστόλων* — посланник(ов), апостол(ов): „დედოფალო ტონ აპოსტოლოზ“ („царице апостолов“).
8. მართირონ (Мартирон) — *Μαρτύρων* — мученик(ов): „დედოფალო ტონ მართირონ“ („царице мучеников“).
9. აიე (Аие) — *αἴγια*⁵⁶ — святой (ая); „მიხედა შენი ზე ჩუენ აიე პართენე“ (в соответствующем русском тексте молитвы эта фраза — обращение к богородице отсутствует; ее перевод: „моли о нас, святая Дево“).
10. პართენე (Партене) — *παρθένε* — дева (о): „მიხედა შენი ზე ჩუენ აიე პართენე“ (та же фраза, отсутствующая в русском тексте молитвы).

Помимо вышеприведенных десяти собственно греческих слов, о влиянии на грузинский текст «Литании Лауретана» греческого языка свидетельствует и то, что в некоторых строках завершающие фразу грузинские слова имеют то же греческое окончание родительного падежа множественного числа:

⁵⁶ «Аие» — новогреческая форма, соответствующая старогреческой «хагиа». В отличие от других греческих слов, присутствующих в грузинском переводе «Литании Лауретана», которые даны в основном во множественном числе родительного падежа (Gen. Pl.), «Кирие», «Аие» и «Партене» даются в форме единственного числа звательного падежа (Vocativus singularis). В заключительной строке грузинского текста молитвы фигурирует греческое слово-частица „ტონ“⁶⁰ («тин»), которая, так же как и „ტონ“^{46,52} («тон»), является артиклем: „ტონ მადლისა მიე(რ) შენისა გვევედრებით...“⁶⁰. (Эта фраза — обращение к богородице также отсутствует в соответствующем русском тексте молитвы, вольный перевод начала этой фразы таков: «(Уповая) на доброту твою, молим тебя...» За помощь в определении влияния на грузинский текст «Литании Лауретана» греческого и латинского языков выражаем глубокую благодарность Т. С. Каухчишвили и Л. С. Квирикашвили.

1. „ვარსკვლავი დილივიონ“⁴¹ («Звезда утренняя»)
2. „სიმართლეო სნეულთაონ“⁴² («Исцеление болящих»)
3. „ხალტოლველო ცოდვილთაონ“⁴³ («Прибежище грешников»)
4. „ნუგეშისმცემელი (მ)გლოვართაონ“⁴⁴ («Утешительные скорбящих»)
5. „შემცე ქრისტიანთაონ“⁴⁵ («Помощь христианам»)
6. „დედოფალი ტონ აღმსარებელთაონ“⁵¹ («Царице исповедников»)

7. „დედოფალი ტონ ქალცულებათაონ“⁵² («Царице девственников»)
8. „დედოფალი კოვ(ე)ლთა ცვილათაონ“⁵³ («Царице всех святых»)

О значительном влиянии на грузинский текст «Литании Лауретана» латинского и греческого языков наиболее наглядно свидетельствуют 10-я, 12-я, 14-я и 58-я строки: „ცვილთა მარია, მოხება შენიზედა ჩუენ...“¹⁰ («Святая Марие, моли о нас») — (ср.: „მოხება შენიზე ჩუენ...“⁵⁸ («моли о нас»). Здесь грузинский послелог „ზედა“ („ზე“), соответствующий русскому предлогу «на», под влиянием индоевропейского синтаксиса использован в качестве предлога («на»). А это означает, что соответствующую фразу латинского текста молитвы «Sancta Maria, ora pro nobis»³⁷ («Святая Марие, моли о нас») в 1629 году перевели на грузинский язык искаженно из-за калькирования ее содержания по латинско-греческому образцу. Следствием такого же калькирования с греческого образца является и использованная в грузинском тексте «Литании Лауретана» форма „მოხება“ — „მოხ“, («мнохеба» — «мнох»: сокращенный вариант рефрена «моли о нас») вместо старогрузинской формы „მეოხება“ — „მეოხ (გვეყავნ ჩუენ“ («меохеба» — «меох»), что, по мнению специалистов, является калькированным итацизмом (старогреч.: «η» — ета > визант.: «L»). С этим наблюдением непосредственно переключаются и некоторые другие примеры влияния греческого языка на грузинский текст молитвы („ტონ აღმსარებელთაონ“ — «(тон) исповедников»; „ტონ ქალცულებათაონ“ — «(тон) девственников») и др., где использованы греческий артикль «тон» и форма Genet. Plur.

В грузинском тексте молитвы отмечается не только стремление к соблюдению грамматического своеобразия греческого языка, но даже склонность к догматизму, характерному для традиционной греческо-православной литературы. Свидетельство тому, в частности, сопоставление 56-й строки грузинского текста «Литании Лауретана» с соответствующей фразой из латинского текста этой молитвы: „ტარიგო ღმერთისაო ო ამხუმელო ცოდვთა სოფლისათო ელეისონ მას“ («Агнче Божии, вземляй грехи мира, помилуй нас, Господи») — «Agnus Dei, qui tollis peccata mundi miserere nobis»³⁸. В этом случае переводчик сохранил греческую литургическую формулу в ущерб тексту перевода молитвы на грузинский язык, что указывало на прочность греческих литургических правил в восточно-православной церкви.

Вышеописанные языковые и другие особенности грузинского текста «Литании Лауретана» способствуют созданию

³⁷ Breviarium Romanum I, Romae-Tironibus-Parisiis, 1961, p. 391.

³⁸ Ibid., p. 392.

впечатления, что его переводчик с латинского языка был не грузином, а, вероятнее всего, представителем греческо-итальянского духовного мира, что он когда-то в прошлом (возможно, много лет назад) изучил грузинский язык, но не настолько основательно, чтобы полноценно справиться с переводом однолистной латинской молитвы. Он грешит подчас против элементарных правил грузинского правописания и старается свое незнание или поверхностное владение этим языком восполнить за счет родного греческого и отлично ему знакомой латыни. Однако такой вывод следует считать преждевременным, по крайней мере до того, пока не разберемся и в достоинствах перевода. Особый интерес представляют, в частности, случаи, которые подтверждают определенную самобытность грузинского перевода и, несмотря на отмеченное греко-латинское влияние, свидетельствуют о грузинском происхождении переводчика.

На смысловую изысканность, если можно так выразиться, грузинского перевода молитвы указывает, например, то, что 18-я строка латинского текста: «Mater intemerata» — «Мати всенепорочная» в грузинском переводе опущена, поскольку она в сущности повторяет содержание предыдущей, 17-й строки («Mater inviolata...» — «Мати девственнойшая»). Не менее интересен результат сопоставления 31-й строки грузинского текста молитвы с соответствующей латинской фразой: „მიზეზო (ჩვენი) სიხარულისა ვგობე მოც“ («Вина нашей радости») — «Causa nostrae laetitiae, ora». В грузинской фразе слово «нашей» („ჩვენი“) опущено, но его по смыслу восстанавливает слово «гвиохе» («моли о нас»), что делает наглядным процесс грузинского мышления и, несмотря на некоторую стилистическую шероховатость фразы, представляет переводчика по-грузински мыслящей личностью.

Сопоставление грузинского и латинского текстов «Литании Лауретана» в некоторых случаях дает основание предположить, что характерные для перевода отдельные факты искажения грузинских слов объясняются, быть может, определенной задачей, стоящей перед издателями: облегчить католическим миссионерам в Грузии усвоение и произношение специфических грузинских букв и слов. Издатели подчас добивались этого, прибегая к замене «сложных» фонем «легкими» для произношения. Облегчение трудно выговариваемого для негрузина грузинского слова имеет место, например, в 44-й строке перевода, где слово „მგლოვარეთა“ («afflictorum» — «скорбящих») изменено на „გლოვართობ“, начало которого, для облегчения произношения, сокращено на одну согласную (хотя вряд ли можно утверждать, что встречающиеся в переводе неразборчивые титлы служили этой же цели). Использование в грузинском тексте, в отличие от латинского, греческого слова «пан» („ქალტულო პან სვედრებელო“ — «Дево («пан») достойная»), возможно, имело целью компенсировать отсутствие превосходной степени, опускавшейся подчас то в латинском, то в грузинском текстах молитвы (ср.: «Virgo potens» — „ქალტულო კოვლად ზლიერო“²⁶ — »Дево могущественная«).

Предположение о стремлении издателей подчинить грузинский перевод «Литании Лауретана» интересам миссионеров в языковом отношении подкрепляется также тем фактом, что латинская фраза «Auxilium Christianorum» («შეწევნაო ქრისტიანეთაო» — «Помощь христианам») в грузинском тексте 1629 года преподнесена несколько облегченно, как „შემცე ქრისტიანეთაო“. В латинском тексте это обращение к богородице выражено метафорой, а переводчик не использовал ее, чтобы «разгрузить» фразу, сделать ее более доступной для восприятия и произношения. Думается, эту же цель переводчик преследует и тогда, когда прибегает к описательной форме изложения: например, вместо «внемли нам» („გვისმინე ჩვენ“) он пользуется легче произносимым по-грузински «слушай нас» („ისმინე ჩვენ“) — („ტარიგო ღმერთისაო რომელმან აღიხუენ ცოდვანი სოფლისანი ისმინე ჩვენ“⁵⁵ — «Агнче Божий, вземляй грехи мира, внемли нам, Господи»).

Наконец, определенный интерес представляет последняя, 60-я строка грузинского текста «Литании Лауретана»: „ტინ მადლოსა მიე(რ) შენისა გევედრებით უფალ (ო) განვვენთ გულთა ჩვენთა ვი-თარცა ანგელო-ზნი ხარებულნი ხო-ლ(ო) ქრისტესა ზისა შენისა კორცთ შესხმა ვიცანთ რ(ო)მელი ჭუარს, ეცუა და ივნო ხო-ლ(ო) აღდგო-მასა მისსა უგალობთ ო-სანნა“⁵⁹.

Поскольку содержание этой строки не нашло адекватного отражения ни в латинском, ни в русском, ни в современном грузинском текстах «Литании Лауретана», надо полагать, что она представляет оригинальное обращение к богородице, включенное в грузинский текст самим переводчиком, источник которого остался неизвестным. В этой же строке обращает на себя внимание слово „ხარებულნი“ («харебулни»), которое имеет как бы двойкий смысл: „ხარება“ («хареба») — «благовещение», и собственно «харебулни», что дословно означает «обрадованные приятной вестью». В контексте это слово приводится в обобщенном своем значении („...განვვენთ გულთა ჩვენთა ვითარცა ანგელოზნი ხარებულნი“, вольный перевод этой фразы: «отверзнем сердца наши яко ангелы провозвестники добра»). Это слово, пожалуй, можно принять за некий образец поэтизма в грузинской церковной литературе. А факт этот сам по себе, как нам кажется, неоспоримо свидетельствует о том, что привнести грузинский поэтизм в содержание латинской молитвы мог только грузин по происхождению, который тем самым, наряду с широкими возможностями родного языка, попытался показать, в частности, его художественную выразительность.

Как и в первом случае, когда объявление автора грузинского перевода «Литании Лауретана» представителем греческо-итальянского мира показалось нам преждевременным до ознакомления с примерами из текста, свидетельствующими о

⁵⁹ В грузинском тексте «Литании Лауретана» в языковом отношении исключение представляет завершающее молитву древнееврейское слово «Осанна», означающее, как известно, «спаси (нас) воистину», которое прочно вошло в общехристианскую литургику.

самобытных чертах перевода и грузинском происхождении его автора, также и теперь, несмотря на убедительность вышеприведенных примеров, объявление переводчика грузинским представляется преждевременным до того, пока не будет объяснено столь обильное присутствие в переводе «европеизмов» — «грецизмов» и не будет указана причина, пусть даже предположительная, их проникновения в грузинский текст молитвы.

Как уже отмечалось, и рассмотренные выше примеры наглядно это подтверждают, для грузинского текста «Литании Лауретана» характерны три разновидности ошибок: 1) графические, возникшие на почве смешения грузинских графем; 2) европеизмы или ошибки, вызванные заменой специфических (труднопроизносимых) грузинских букв соответствующими им буквами, которые известны европейцам и легко ими произносимы, и 3) грецизмы, т. е. замена некоторых грузинских слов греческими словами соответствующего содержания и, кроме того, передача отдельных грузинских слов в форме склонения, принятого в греческом языке.

Ошибки графического характера сравнительно редки в переводе, и объяснение причины их появления не представляет трудности. Полагаем, что здесь имеет место тот типичный случай, когда сотрудник типографии, набирая иностранный текст, путает иногда графемы схожего начертания. Несомненно, что возложенную на него обязанность наборщик выполнял, сверяясь с рукописью грузинского текста молитвы. А как был составлен оригинал грузинского перевода «Литании Лауретана», которым руководствовались в типографии при его наборе, можно понять, выяснив причины появления второй разновидности ошибок, или так называемых «европеизмов». В результате тщательного рассмотрения вышеприведенных примеров этого рода ошибок мы пришли к выводу, что грузинский перевод «Литании Лауретана» был написан под диктовку. Как можно объяснить это обстоятельство?

Из архивных документов вытекает, что подготовка к изданию и публикация первопечатных грузинских текстов в типографии «Пропаганды фиде» были осуществлены примерно со второй половины 1628 года и вплоть до конца первой половины следующего, 1629 года. Но в этом почти годичном процессе подготовки и выпуска в свет первых грузинских изданий Никифор Ирбах мог участвовать лишь в летние месяцы 1628 года, когда он постоянно находился в Риме (с сентября он путешествует по Италии, а в декабре того же года отправляется в Грузию). Именно тогда и сложились у Никифора Ирбаха тесные деловые отношения с типографией «Пропаганды фиде». Интересную справку об этом содержит «Посвящение» Ахилла Венерио, адресованное Урбану VIII, где сказано: «И вот, учитывая, что падре Ничефоро Ирбочи доставил вашему святейшеству от грузинского царя послание, которого (из нас) никто не мог разобрать, было решено среди прочих шрифтов сделать и этот изощреннейший и прекраснейший шрифт. После того, как Падре Ничефоро, пребывая в Риме, сообщил алфавит и много тысяч слов грузинского языка,

— для пользы миссионеров, которые могли бы быть посланы и будут посланы в Грузию, были, наконец, напечатаны алфавит и псалтырь вместе с настоящим словарем. Правда, этот последний неполон, так как у нас не было времени, однако, поскольку Стефано Паолини, выписывая под моим руководством слова, старался прежде всего отбирать наиболее употребительные в повседневном обиходе, можно надеяться, что названные алфавит и словарь прекрасно послужат для надобностей миссионеров»⁴⁰ (разрядка наша — Д. В.).

Эта любопытная выдержка из архивного документа указывает, что, поскольку «не было времени», помощь Никифора Ирбаха типографии «Пропаганды фиде» состояла в основном в устной информации и различных разъяснениях. Наряду с каллиграфическим изображением грузинского алфавита, согласно «Посвящению», Никифор «сообщил» работникам типографии также словник грузинско-итальянского словаря, как видно, в том объеме и с таким подбором грузинских слов, которые соответствовали интересам руководства типографии, а точнее — практическим надобностям миссионеров в Грузии. Этот словник, нам представляется, был составлен в соответствии с одним из многих, имевшихся в типографии, образцов, а именно греческим образцом, путем устного перевода Никифором соответствующих греческих слов на грузинский язык, что и записывалось под его диктовку в латинской либо итальянской транскрипции. Полагаем, что этот же метод устного перевода до полного составления словника «Грузинско-итальянского словаря» был использован и при подготовке к изданию «Грузинской азбуки с молитвами», содержание которой не оставляет сомнений в использовании при записи воспроизведенных в ней молитв латинской транскрипции. Безусловно, тем же методом воспользовались и при подготовке к печати грузинского текста «Литании Лауретана», записанного также под диктовку Никифора Ирбаха в латинской либо итальянской транскрипции.

После отъезда Никифора Ирбаха и сопровождавших его лиц в Грузию, когда в первой половине 1629 года встал вопрос о печатании грузинских изданий («Азбуки», «Словаря» и «Литании Лауретана»), их текст, предназначенный для публикации, пришлось набрать грузинским шрифтом в соответствии с той транскрипцией, в которой они ранее на скорую руку были записаны. Очевидно, именно этим обстоятельством следует объяснить «европеизмы», которые почти в равной степени характерны как для грузинского текста «Литании Лауретана», так и для двух других грузинских изданий 1629 года («Азбуки» и «Словаря»). Интересно, что позже сами руководители «Пропаганды фиде» выразили сомнение в надежности такого метода перевода с латинского на грузинский язык, в связи с чем первым же миссионером, отправленным в Грузию после отъезда туда Никифора Ирбаха, — Арканджело Ламберти и Джузеппе Джудиче, частично процитированной уже инструкцией особо поручалось сообщить: «хоро-

⁴⁰ APF, SRC, Stamperia, 1622-1720, vol. 1, p. 97(95)-r.

шо ли удались грузинский шрифт и отпечатанные тексты, которые они (миссионеры — Д. В.) возьмут с собой, или есть ошибки, и тогда пусть пришлют их список, чтобы можно было их исправить, и если там будет что-либо опущено, пусть почтительно сообщат об этом»⁴¹.

Не противоречит ли такое объяснение появления ошибок системного характера в грузинском тексте «Литании Лауретана» нашему же предположению о том, что отмеченные в переводе случаи «облегчения» труднопроизносимых грузинских слов, возможно, увязывались с интересами проживавших в Грузии миссионеров? Полагаем, что оба эти наблюдения не только не противоречат, но, в известном смысле, даже дополняют друг друга.

Что касается третьей разновидности характерных ошибок грузинского перевода молитвы или так называемых «гречизмов», их проникновение в грузинский текст объясняется иначе. При подготовке перевода к изданию в типографии не было человека, знающего грузинский язык; поэтому издатели сочли возможным поручить редактирование грузинского текста молитвы тому, кто знал греческий. Возможность принятия такого решения со стороны руководителей не только типографии, но и самой «Пропаганды фиде» вполне допустима, ибо, согласно их весьма смутному представлению, связующим звеном между греческим и грузинским народами, помимо православной церкви, могла быть и... языковая близость. О том, что для руководителей «Пропаганды фиде» вопрос этот не был вполне ясным, свидетельствует один из пунктов (IX) вышецитированной «Инструкции», согласно которому А. Ламберти и Дж. Джудиче поручалось разобраться в том, насколько сильно в Грузии влияние греческого языка: «Пусть сообщат (миссионеры — Д. В.), хорошо ли понимают в этом царстве греческий язык, простонародный и литературный, с тем, чтобы знать, нельзя ли послать кое-что отсюда (имеются в виду церковные книги — Д. В.) на пользу этим душам»⁴².

Выправить грузинский текст духовного содержания с помощью греческого языка не мог, однако, любой сотрудник типографии «Пропаганды фиде», говоривший по-гречески или даже владевший им в совершенстве. Эту обязанность мог взять на себя лишь греческий священнослужитель, который хотя бы частично (через кого-либо или по рассказам) был знаком с Грузией и грузинским языком. Поскольку готовящийся к изданию текст был не оригинальным грузинским произведением, а переводом с латинского католической молитвы, греческий священнослужитель одновременно должен был быть и униатом. Если учесть, что Никифор Ирбах в качестве посла грузинского царя на протяжении своего сравнительно продолжительного пребывания в Риме тесно был связан с греками-униатами, а виднейший их представитель Иоанн-Матфей Кариофил выступил в роли его переводчика при общении с высокопоставленными деятелями Ватикана, то соответствующий

⁴¹ APF, Istruzioni, 1623–1638, p. 152-т.

⁴² Ibid., p. 152-v.

вывод сделать нетрудно. Именно этот последний и ^{взялся} как нам кажется, завершить дело, начатое Никифором Ирбахом, и, несмотря на чрезмерную поверхностность его ^{познаний} в грузинском языке, добился опубликования грузинского перевода «Литании Лауретана».

Подводя итоги предложенному нами объяснению ошибок, характерных для грузинского текста «Литании Лауретана» 1629 года, и причинам их возникновения, можно заключить, что отмеченные три разновидности ошибок следует приписать соответственно трем исполнителям, а именно наборщику (графические ошибки), переписчику текста под диктовку («европеизмы») и редактору («грецизмы»). Благодаря архивным данным, которыми мы располагаем, а также с помощью специальной литературы сегодня возможно установить их личности: наборщиком, которому в типографии «Пропаганды фиде» поручалось набирать тексты на арабском, халдейском, сирийском, древнееврейском и грузинском языках, являлся Иозеф-Давид Люна⁴³. Переписчиком текста грузинского перевода «Литании Лауретана» в латинской либо итальянской транскрипции, записавшим его под диктовку автора перевода (Никифора Ирбаха) и позже восстановившим по нему (с ошибками) грузинский текст молитвы, предназначенный для печати, — являлся потомственный римлянин Стефано Паолини, один из создателей типографии «Пропаганды фиде», исполнявший в ней долгое время должность ответственного печатника. А в роли редактора грузинского перевода молитвы, как уже отмечалось, выступил известный церковный деятель, грекуннат Иоанн-Матфей Кариофил, который выправил отдельные места грузинского текста «Литании Лауретана» в соответствии с греко-православной догматикой и правилами греческого языка.

Несмотря на то, что труд этих трех деятелей просвещения оказался с точки зрения грузинского правописания не без изъяна, их услуга грузинской культуре на одном из весьма сложных этапов ее исторического развития поистине неocenима.

Наконец, необходимо отметить еще одно обстоятельство. Если вышеприведенные аргументы и основанная на них попытка обоснования грузинского происхождения автора перевода «Литании Лауретана» недостаточно убедительны и, в связи с этим, ошибки, характерные для грузинского текста молитвы,

⁴³ APF, CP, vol. 2, p. 28-r, cp.: W. Henkel. Die Druckerei der Propaganda Fide im Dienste der Glaubensverbreitung — «Communicatio Socialis», 1976, N 2, с. 107. По свидетельству этого автора, И.-Д. Люна был маронитом. Марониты представляют собой секту сирийских и ливанских христиан, которая в XVI веке признала верховенство (понтификат) папы римского, сохранив некоторые самобытные формы священнослужения. В 1639 году И.-Д. Люна был назначен ответственным печатником («протосом») типографии «Пропаганды фиде». APF, SRC, Stameria, 1622–1720, vol. 1, p. 605 r-v, cp.: W. Henkel, op. cit.: p. 109.

быть может, придется приписать непосредственно переводчику — в этом случае снова возникает так называемая проблема «двух Никифоров», т. е. вопрос о неправомерности идентификации Никифора Ирбаха и известного грузинского церковного деятеля Никифора (Николая) Ирубакидзе-Чолакашвили. Эта проблема в нашей научной литературе уже являлась предметом живого обмена мнений и даже горячих споров (достаточно вспомнить противоположные мнения К. С. Кекелидзе и Д. Г. Каричашвили и др.). Предлагаемое исследование не ставит целью вникнуть в нюансы этой научной проблемы. Мы займемся ею в другом нашем исследовании, когда выявленный за рубежом архивный и другой фактический материал будет полностью обработан.

ОБ АВТОРАХ ЭТОГО НОМЕРА

БАЛУАШВИЛИ Валентина Иосифовна. Доктор филологических наук. Занимается изучением проблем, идейно-эстетического взаимообогащения национальных литератур. Автор свыше 30 печатных трудов, книги «Встречи с Грузией».

КАЛАНДАДЗЕ Цецилия Полиевктовна. Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. И. В. Джавахишвили АН ГССР.

МИШВЕЛАДЗЕ Реваз Авксентьевич. Род. в 1940 г. Доктор филологических наук, профессор, работает на кафедре современной грузинской литературы Тбилисского государственного университета. Автор нескольких сборников критических статей. Первый сборник рассказов «Павшая

цитадель» издан в 1964 году. Затем вышли в свет в 1972 году «Новеллы», в 1977 году — «Люди», в 1980 г. — «Упрямый», в 1981 г. — «Я тебя растил в клетке». На русском языке изданы два сборника: «Нет аэропорта» и «Заподозренный». Произведения его переводились на русский, украинский, белорусский, литовский, эстонский, армянский, чешский и польский языки.

ЧИЧУА Шалва Порфирьевич. Род. в 1923 г. Кандидат филологических наук. Автор 10 монографий и сборников литературных статей и очерков, посвященных вопросам теории литературы и эстетики. Один из авторов «Истории грузинской советской литературы» (изд. Литературного института им. М. Горького, 1977, на русск. языке), а также V и VI тт. «Истории грузинской литературы».

ЮБИЛЕЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ

В СОЮЗЕ писателей Грузии состоялось заключительное заседание республиканской комиссии по ознаменованию 100-летия со дня рождения выдающегося грузинского советского писателя Михаила Джавахишвили.

Председатель юбилейной комиссии писатель-академик, Герой Социалистического Труда Г. Абашидзе рассказал о проделанной работе. Для участия в юбилейных днях приглашены делегации из братских республик.

Торжества начнутся на родине писателя — в Марнеульском районе Грузии, где будет открыт памятник М. Джавахишвили. Затем торжества продолжатся в селе Церакви, где родился писатель.

В Тбилисском государственном академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили состоится юбилейный вечер, посвященный знаменательной дате.

Будут организованы выставки, рассказывающие о жизни и деятельности писателя.

В юбилейные дни в республике будут демонстрироваться фильмы, снятые по произведениям М. Джавахишвили, исполнены сочинения грузинских композиторов, написанные по мотивам творений писателя.

КНИЖНЫЙ ФОРУМ В МОСКВЕ

В МОСКВЕ завершилась ставшая уже традиционной Международная книжная выставка-ярмарка. На этом представительном международном книжном форуме была представлена и грузинская книга.

Ведущие издательства Грузии — «Сабчота Сакартвело», «Мерани», «Хеловнеба», «Накадули» и другие представили многочисленные интересные издания. Это двухтомник товарища Л. И. Брежнева «Актуальные вопросы идеологической работы КПСС», сборник документов «Компартия Грузии в решениях и постановлениях съездов, партийных конференций и пленумов», книга Э. А. Шеварднадзе «Советская Грузия».

Издательство «Сабчота Сакартвело» представило произведения Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, В. Пшавела, Г. Леонидзе, И. Абашидзе, М. Поцхишвили, Г. Панджикидзе, О. Чиладзе. Издательство «Мерани» специально для выставки подготовило антологию «Грузинская классическая поэзия», книги Н. Думбадзе и А. Сулакаური.

Искусство Грузии представлено прекрасными альбомами «Фрески Кинцвиси», «Хахульская икона», «Художник Дамиане», а также изданиями с работами современных грузинских художников.

Много делается в последнее время в деле популяризации лучших произведений зарубежных писателей. На ярмарке были представлены в переводе на грузинский язык «Два романа» М. Фриша, «Солярис» С. Лема, «Остров Тамбукуту» М. Марчевского и другие.

Грузинские книги, представленные в советской экспозиции, вызвали интерес у представителей ряда фирм и организаций.

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ

В САМТРЕДСКОМ районном доме культуры состоялась встреча с известным грузинским поэтом Джансугом Чарквиани.

Встречу вступительным словом открыл первый секретарь райкома партии Т. Имедадзе. О творческом пути поэта рассказал заместитель редактора газеты «Цинсвла» К. Чихладзе. Поэта тепло приветствовали многочисленные почитатели его таланта, труженики сельского хозяйства, представители общественности района.

В заключение перед собравшимися выступил Д. Чарквиани, который прочел свои новые стихи.

КОНТАКТЫ РАСШИРЯЮТСЯ

В ТБИЛИСИ гостили известная норвежская поэтесса Оссе Мария Нессе и переводчица, пропагандист литератур народов СССР Елена Краг.

Их приезд в Грузию связан с подготовкой издания антологии грузинской поэзии в Норвегии. Гости из Норвегии побывали в Главной редакционной коллегии по делам художественного перевода и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии. Грузинские поэты Г. Гегечкори и Э. Квицишвили, старший научный сотрудник Института истории грузинской литературы имени Руставели Академии наук республики М. Гигинеишвили оказали гостям помощь в подборе произведений и подготовке подстрочных переводов.

В антологию будут включены лучшие образцы грузинской поэзии с древнейших времен до наших дней.

გრ. 19/10

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гурам АСАТИАНИ (главный редактор),

Заза АБЗИАНИДЗЕ, Реваз АСАЕВ, Хута ГАГУА, Алексей ГОГУА, Гурам ДОЧАНАШВИЛИ, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТКИН, Натела КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Эмзар КВИТАИШВИЛИ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ, Владимир МАЧАВАРИАНИ, Отар НОДИЯ, Лия СТУРУА, Эммануил ФЕЙГИН, Гурам ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Георгий ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отдел прозы — 93-31-43, отдел поэзии и искусств — 93-31-43, отдел критики и литературоведения — 93-65-19, отдел публицистики и очерка — 93-65-19.

На первой странице обложки: Лурджи супра. Фрагмент.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

„ლიტერატურული გზა“

— ყველაფერი ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივ პოლიტიკური ვურნალი (რუხულ ვნაზე)

ბათუმის 1957 წლის ივნისიდან. № 9, სექტემბერი 1981 წ.

Сдано в набор 5.VIII.1981 г. Подписано к печати 30.IX.1981 г. УЭ 01572. Формат 84×108¹/₆₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0— усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж 7.700 экз. Заказ № 2087. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«Советский писатель»

ГАГУА Х. «Гнезда звезд». Стихи и поэма. Авториз. пер. с груз. Москва, 1981. 134 с. 20.000 экз. 55 к.

ЧИЛАДЗЕ О. «И всякий, кто встретится со мной...» Роман. Авториз. пер. с груз. Б. Резникова. Москва, 1981. 407 с. 30.000 экз. 1 р. 80 к.

«Молодая гвардия»

АМАШУКЕЛИ Э. «Шестое чувство». Предисл. И. Абашидзе, Москва, 1981. 143 с. с ил. (Мастера искусств — молодежи). 100.000 экз. 45 к.

«Мерани»

ГОЗАЛИШВИЛИ Ш. «Грузинская революционная поэзия, 1901—1920». Пер. с груз. Г. Гозалишвили. Тбилиси, 1981. 93 с. 2.000 экз. 20 к.

ЧИЛАДЗЕ Т. «Уголок для беседы». Сборник статей. Пер. с груз. Тбилиси, 1981. 192 с. 15.000 экз. 95 к.

«ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ». Рассказы грузинских писателей. 1921—1981. Пер. с груз. Сост. Д. Гвинджилия, Д. Титмериа. Тбилиси, 1981. 435 с. 5.000 экз. 2 р. 40 к.

«Сабчота Сакартвело»

«Импрессионисты и постимпрессионисты из французских музеев. От Мане до Матисса». Каталог выставки. Сост. и вступит. статья М. Уга. Тбилиси. 1981 г. 120 с. с ил. 3.000 экз. 2 р. 60 к. Текст на груз., рус. и франц. языках.

«Хеловнеба»

САЛУКВАДЗЕ С. «Вардзия — храм врачевания». Тбилиси, 1981. 156 с. с ил. 5.000 экз. 1 р. 20 к. На груз., рус., англ. и нем. языках.

60 к

ИНДЕКС 76117

06036800
2025010000

Содержание

1. Введение

2. Описание объекта

3. Технические характеристики

4. Методы исследования

5. Результаты

6. Заключение

7. Литература

8. Приложение

9. Справочные данные

10. Заключение

1. Введение

2. Описание объекта

3. Технические характеристики

4. Методы исследования

5. Результаты

6. Заключение

7. Литература

8. Приложение

9. Справочные данные

10. Заключение

1. Введение

2. Описание объекта

3. Технические характеристики

4. Методы исследования

5. Результаты

6. Заключение

7. Литература

8. Приложение

9. Справочные данные

10. Заключение

